

№ 12 (1418) ИЮНЬ 1986

ОМЭНА

ISSN 0131-6656

Новь
и древность
Костромы.

ГОРКОМ
КОМСОМОЛА:
ИНЕРЦИЯ ПРИВЫЧКИ.

Судьба
футбольных «звезд».

Воспитание бережливости, чувства хозяина, несприятия расточительства у молодежи — важнейшая забота времени. Мы должны уметь экономить, мы должны уметь считать. Учиться этому надо каждый день.

КРИВЫЕ П

К ПРЯМОЙ ВЫГОД

Отвечать за свое дело

Полностью присоединяюсь к вопросу молодого коммуниста с шахты «Зырянская» Сергея Бычкова (№ 3 за 1986 год): действительно, почему у скребкового конвейера, родившегося в начале пятидесятых годов, до сих пор рассоединяется цепь? Неужели в институтах Минуглепрома нет светлых голов? Думаю, все-таки есть, но невыгодно ученым что-либо доводить в тех своих разработках, которые уже ушли в производство, никак не заинтересованы они в этом... Если бы я был министром, не задумываясь передал бы половину всех НИИ на баланс предприятий, для которых они работают, чтобы и зарплата, и премии у ученых зависели не от «эффективности» их новинок, а от их эффективности в производстве. Тогда, уверен, рационализация станет делом не только заводских «кулибинных» (зачастую действительно самоучек по части технических мудростей), но и тех, за кого они пока что доделывают работу. И отвечать, если новшество плохо продумано, будет не «НИИ в целом» и не перед «заводом в целом», а автор-разработчик перед рабочим или бригадой.

В. НИКИТИН,
инженер-электроник,
Павлодар

Без высококачественной нержавеющей стали невозможен прогресс в важнейших отраслях народного хозяйства.

Ученые и инженеры разработали новые, экономически выгодные способы получения такой стали.

Заводы юга Украины принципиально готовы перейти на передовую технологию.

Однако внедрение ее срывается и откладывается...

Иван Коробов — потомственный металлург, представитель четвертого поколения знаменитой рабочей династии. Нет, пожалуй, в нашем крае человека, который бы не знал Коробовых — начальников смен, цехов, заводов, лауреатов Государственных и Ленинской премий.

Иван работает доменщиком на заводе имени Г. Петровского. Во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с трудящимися предприятия молодой коммунист поделился мыслями о будущем своего завода. Часто в его выступлении звучало слово «реконструкция». Неспроста. Завод старый, стоит на пороге своего 100-летия. По уровню технической оснащённости и по условиям труда он далеко отстал от передовых предприятий подобного типа. Нужна, очень нужна здесь реконструкция.

Однако реконструкция реконструкции рознь. Есть, например, такой путь: менять традиционные агрегаты устаревших марок на новые. Скажем, одну доменную печь на другую, конвертер — на конвертер. Краска на них будет действительно новой, а вот прирост общественного продукта останется незначительным. Немаломо увеличится и производительность труда. Не произойдет существенных изменений в качестве продукции.

Самый же прогрессивный путь — принципиально новая технология. Использование имеющихся мощностей с максимальной эффективностью возможно только с применением новой технологии. Это и составляет ядро того,

что называется интенсификацией производства. В этом залог успеха.

Прежде чем ответить на вопрос, в чем суть новейшей технологии, разработанной учеными, пройдемся по цехам завода.

Начнем с доменного. Здесь много приборов и механизмов, но сам принцип получения металла из железной руды достаточно традиционен. А ведь уже давно существует иная технология, обходящаяся без доменного производства. Более производительная, менее трудоемкая. Прямое восстановление железа из металлизированных окатышей — одна из тропинок НТР.

Мартеновское и конвертерное производство в том виде, в каком оно существует, тоже во многом вчерашний день отрасли.

Стареет оборудование, вместе с ним устаревают и разного рода очистные сооружения. Завод потребляет большое количество воды. И хотя он работает по замкнутому циклу, нет-нет да и просочатся в Днепр неочищенные стоки. Дает утечку и газ с дымом.

Над заводом и близлежащими кварталами стоит облако смога. Одно из преимуществ новой технологии — безотходное производство. Даже если бы оно было единственным, то можно ли считать такое преимущество маловажным?

А взять социально-психологический аспект. На заводе трудится большой коллектив. Процент работников с высшим и средним образованием велик. Но вот беда, их знания порой как бы и не нужны, находятся в запасе. Творческий потенциал специалистов обогнал реальные потребности производства.

Приходит молодой инженер или техник (или даже молодой рабочий, вчерашний выпускник ПТУ, в котором ему обещали современное производство, робототехнику, компьютеры, автоматику и т. д.), приходит, вооруженный знаниями, энергией, желанием «гореть» на работе, двигать научно-технический прогресс, а попадает чуть ли не в довоенное время...

Что может быть обиднее для человека, когда его возможности используются в неполную меру? И начинает ка-

заться молодым инженерам и техникам, молодым рабочим, что годы учебы потрачены зря. Узвено самолюбие, в сердце поселяется неудовлетворенность. Нет условий, чтобы раскрыться в труде, показать, на что ты способен. Постепенно гаснет энергия, творческий порыв, снижается потребность в новой информации. Человек постепенно отстает от передовых идей века. Падает социальная активность, мельчают идеалы. Он привыкает ни к чему не стремиться.

Это тоже издержки старой технологии.

А между тем научно-техническая революция требует революционеров на каждом рабочем месте. И только так! В этом ее сила и привлекательность для всех, кто стремится проявить себя как личность. И рабочее место должно соответствовать потребностям времени.

В разное время коллектив завода имени Г. Петровского выступал пионером новой технологии, которая затем оказывала влияние на развитие всей отрасли. Но все это в общем-то пройденный этап. Размышляя о будущем этого предприятия, известный советский экономист академик Аганбегян увидел его в том, чтобы передать завод «Мосфильму» в качестве съемочной

Дефицит нержавеющей стали сейчас стал настолько острым, что распределением ее занимается специальная межведомственная комиссия при Госплане СССР.

Нержавеющая сталь ценится за то, что она противостоит коррозии.

Коррозия... Подлинная трагедия материальной культуры. Третью производимого в мире металла «съедает» коррозия. Выходят из строя сложные конструкции, водопроводы, котлы — нет им числа. По подсчетам специалистов, общая сумма потерь от коррозии только в нашей стране достигает 35—40 миллиардов рублей в год.

Престижность коррозиестойких сортов стали и в том числе нержавеющей очевидна. Научная мысль нашла новые методы их производства. Один из них — газокислотное рафинирование (ГКР). Медленная электропечь уступает место специально оборудованному быстрому конвертеру. Именно на это нацелена работа в лаборатории на улице Гагарина. Опыты дают обнадеживающие результаты. Но модель для того и служит, чтобы видеть перспективу. Ею вначале становится завод имени Г. Петровского. И не только он. ГКР пригоден для завода «Днепропетцсталь». Переход на качественно новую продукцию

Отходы отходам — рознь

Почему-то в разговорах о необходимости хозяйствовать экономно мы главным образом касаемся вопросов рационального, бережного использования ресурсов в производстве. Но ведь резервы не только в этом. Загляните на наши огромные свалки промышленных отходов, если вас, конечно, туда пустят. Сколько там всякой всячины, которая бы еще пригодилась, попади она в умелые руки! Доски, металлический уголок, корпуса от списанных приборов, всевозможные провода... Как я слышал, в Ленинграде комсомольцы активно взялись за то, чтобы подобные «отходы» не пропадали, а поступали в магазины «Юный техник», где их могли бы купить любители технического творчества, да и не только они — мало ли что может пригодиться в хозяйстве! Думаю, это очень полезное дело, которым необходимо заинтересовать руководителей всех предприятий. Ведь это же возможность получить дополнительные средства буквально из ничего, как раз тот случай, когда деньги валяются на дороге, то бишь на свалке.

Андрей ЛЕДНЕВ,
г. Лодейное Поле

площадки для лент о далеком прошлом. Отнесемся к этой мысли как к шутке. Но может ли устраивать Ивана Коробова роль статиста на сцене НТР? Конечно, нет. Современный рабочий хочет работать современными методами на современном оборудовании. Не могли согласиться с подобной ролью и ученые Днепропетровского металлургического института.

Лаборатория института по улице Гагарина. Возле действующей модели конвертера — ученые и инженеры. Изо дня в день, прихвывая порой ночи и выходные, ведут они опыт за опытом. Они очень торопятся, нужно как можно быстрее получить особым путем нержавеющую сталь — универсальный материал века. Им известно, что в мире идет непрекращающаяся борьба за увеличение выпуска высококачественной стали. Кто имеет ее в нужном количестве, тот обладает ключом к интенсивному подъему экономики. Народному хозяйству нужны станки, машины, приборы и механизмы.

открывает перспективу для заводо-смежников. И дальше по длинной цепочке отраслей, нуждающихся в качественной стали.

Таким образом, реконструкция на основе нержавеющей по-революционному врывается в отрасль, поднимая ее на качественно новый, отвечающий мировым достижениям уровень.

Экономический эффект, по мнению специалистов, велик и многогранен. В Приднпровье живут большей частью люди, так или иначе связанные с металлургией. На деньги, заработанные возле домен, мартенов, живут рабочие семьи. У каждой — свои заботы и планы. Каждый соотносит свое жизненное время с близкими и дальними перспективами. Поэтому реконструкция — их кровное дело. Ветер надежд, связанных с превращением в реальность программы «нержавеяка», — их попутный ветер.

Пойдет ГКР — улучшится качество продукции. Реализуя высококачественную сталь, предприятия получают возможность увеличить, в частности, фон-

УТИ Е

Аркадий ПАЛЬМ

ду на социальные нужды. Она обернется новыми домами, пансионатами, путевками на курорты, детскими садами. Несомненно, потребуются также новые знания. Появится дополнительный стимул к творчеству. Сама жизнь поднимется на виток выше. Новая технология — это новая работа, новый ритм. Без преувеличения можно сказать: от судьбы технологии зависят судьбы людей.

Но скоро только сказка сказывается, да не скоро дело делается. Мне бы понадобились сотни страниц для того, чтобы лишь бегло перечислить тернии на пути коллектива, который возглавляет академик АН УССР Ю. Таран, прежде чем программа «нержавейка» проложила себе дорогу.

Говорят, все новое рождается в муках. Может быть, отчасти это и верно. Обидно, что нередко муки эти бывают искусственного происхождения и «творцы» их — люди, которые не могут или не хотят понять новые идеи. С ними-то и пришлось столкнуться новаторам.

В конце концов программа реконструкции нашла поддержку во многих решающих инстанциях. Летом 1979 года на заводе имени Г. Петровского был проведен промышленный эксперимент по новой технологии, который удался по всем статьям. Хотя, разумеется, многие новшества требовали доводки. На самом же предприятии к происшедшему отнеслись с доверием, но без особого энтузиазма. И не потому, что не имели рук для аплодисментов. Руки были заняты сиюминутными заботами. Думается, не хватило также и конструктивности мышления.

Вот что я имею в виду. Вспомните директора Ивановского станкостроительного производственного объединения Владимира Павловича Кабаидзе. Его по праву называют техническим революционером. Он пришел на вполне благополучное предприятие. Ему бы и вписаться в это благополучие. Но директор в рамках действующего предприятия энергично, самоотверженно начинает создавать принципиально новое оборудование, ведет реконструкцию. Он видит будущее и борется за него. На первых порах никаких лавров. Более того, предприятие числится в отстающих. Бесконечные комиссии с их нервотрепкой, предупреждения, выговоры. Страдает коллектив, лишившийся премий. Нелегко объяснить рабочим,

Бережливость — категория нравственная

что все это временные лишения. Но, преодолев все преграды, Кабаидзе добивается поставленной цели. Звание лауреата Государственной премии СССР и Героя Социалистического Труда стало признанием его личного вклада в научно-технический прогресс.

Надо признаться, не всем еще руководителям хватает смелости, конструктивности мышления.

НТР не знает остановки, переучиваться на технического революционера приходится на марше. И непорочно наивно ждать каких-либо дополнительных указаний и инструкций по этому поводу. Их не будет. Нужно действовать.

Действовать энергичнее! Вот в чем существо дела. После эксперимента на заводе имени Г. Петровского Г.К.Р. получило окончательное признание со стороны Государственного комитета СССР по науке и технике, решился вопрос о реконструкции электросталеплавильного цеха №2 на заводе «Днепро-спецсталь». Срок ввода в эксплуатацию — 1981-й. Это задание было сорвано. Сроки корректировались несколько раз. Наконец был назначен вроде бы окончательный — 1984 год. Но и он не принес ожидаемого результата.

Государственный комитет по науке и технике вынужден был отметить, что «Минчермет СССР и Минтяжстрой СССР не проявили должной заинтересованности и настойчивости в скорейшем внедрении способа производства нержавеющей и других легированных сталей по новой технологии...». Казалось бы, ну куда как все ясно. Отрасль, которая по своему прямому долгу обязана печься о новаторстве, медлит. А коли вышестоящие инстанции не спешат, так и подчиненные не торопятся.

А ведь внедряемая технология производства нержавеющей стали по ряду важнейших технико-экономических показателей существенно превосходит зарубежные аналоги. Технология позволяет обеспечить массовое производство сталей, обладающих повышенной коррозионной стойкостью и обеспечивающих значительное увеличение срока службы изделий в химической промышленности, атомной энергетике и машиностроении.

Речь идет именно о важнейших объектах народного хозяйства. И еще очень важное обстоятельство. Экономический эффект внедрения Г.К.Р. составит только на заводе «Днепро-спецсталь» 22,6 миллиона рублей. Окупаемость капитальных затрат — в течение года и трех месяцев. Дело для государства в высшей степени выгодное. Окажись поразворотливой Министерство черной металлургии СССР, мы бы давно уже пользовались плодами Г.К.Р. Увы...

Нельзя, чтобы так продолжалось и дальше. Металл — хлеб машиностроения, нержавейка — золотой хлеб.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1418) ИЮНЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
наряды
этнографического лета.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА.

1 XXVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС...
БЕРЕЖЛИВОСТЬ — КАТЕГОРИЯ НАРВАСТВЕННАЯ.
Аркадий ПАЛЬМ. «КРИВЫЕ ПУТИ К ПРЯМОЙ ВЫГОДЕ».

2 Владислав ЯНЕЛИС. «ВСЕ НЕ ТАК ПРОСТО».

8 Рассказ Константина НОВИКОВА
«РОЗЫ ДЛЯ НЕУДАЧНИКА».

11 Стихи Валентина СОРОКИНА
«ПРЕКЛОНЯЮСЬ, ПОЮ И ЛЮБЛЮ...»

12 ОТЕЧЕСТВО.
Святослав КОТЕНКО.
«ЛАД КОСТРОМСКОЙ».

14 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Стихи Татьяны СМЕРТИНОЙ.

18 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
«Георгий МАРКОВ: «ИСКАТЬ ПОЗЗИЮ И ПРАВДУ».

20 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Валерий БАЗАЕВ. «МОТИВЫ ВЕКОВ».

21 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
Суйниш СРЫМОВ-МАРЬЯМ. «ДЕТИ ВОДЫ».

22 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Эльга ЛЫНДИНА. «СВОЯ ЧУЖАЯ БОЛЬ».

24 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
Валерий ВИНОКУРОВ.
«ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС И «ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ».

28 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

После выступлений «Смены»

«Трудности роста»

В статье под таким заголовком, опубликованной в № 5 за 1986 год, в частности, рассказывалось, что Сумский обком ЛКСМ Украины в ноябре 1985 года выдал комсомольскую путевку на ударную стройку в Новый Уренгой молодому рабочему, не являвшемуся комсомольцем.

Как сообщила редакция секретарь Сумского обкома ЛКСМ Украины И. Провозин, критика в адрес обкома признана справедливой. Заведующему отделом рабочей и сельской молодежи обкома П. Шарейко строго указано на упущения в работе по организации и проведению общественного призыва на важнейшие стройки страны. Данный вопрос обсужден на семинаре первых секретарей горкомов и райкомов комсомола области. Указано на необходимость улучшить подбор добровольцев на ударные стройки, повысить ответственность за это комитетов комсомола.

22 июня 1941 года навсегда в памяти нашего народа. В этот день на нашу Родину обрушилось тяжелейшее испытание. Прошло 45 лет, а боль потерь, понесенных советским народом в схватке с фашизмом, до сих пор отзывается в наших сердцах. И поэтому мы с особой пристальностью вглядываемся в тех, кто сменил отцов и дедов в строю защитников Родины. «Смена» продолжает военную повесть о девяти десанниках, призванных из города Витебска, чьи армейские судьбы стали темой нашего социологического исследования.

Курс молодого бойца остался где-то далеко позади, слишком много минуло с той поры событий. Они уже несколько месяцев служат в гвардейском полку, все — в одной роте, которой командует гвардии старший лейтенант Юрий Мацнев. Но учебный центр, что стал для них армейской альма-матер, вспоминают часто, подшучивают над собственной тогдашней неумелостью, робостью. Впрочем, говорить, что они уже состоялись как солдаты в полном смысле этого понятия, пока рано. Еще немало такого, что старослужащие делают быстрее и лучше молодых бойцов.

Однако, что греха таить, кое-кто из старослужащих принимает профессиональное превосходство за превосходство нравственное: за право демонстри-

ровать свое старшинство. Есть даже такой термин «внеуставные отношения». С этим борются. Но, несмотря на строжайшие меры, мальчишество, дворовая тактика выяснения отношений порой еще дают себя знать.

Однажды Федор Филинов встал в строй возбужденный и покрасневший. Товарищи поинтересовались: чего он так разволновался?

— Поссорился с Трубецким.

Что ж, бывает. Вопрос был бы исчерпан, если бы в тот же строй не встал такой же возбужденный и красный рядовой Трубецкой. Командир роты разобрался и наказал обоих, ссора стала предметом крутого разговора на комсомольском собрании.

В сущности, поссорились они из-за пустяка. В тот день были стрельбы. Рота вернулась в расположение уже

ОНИ УЧАТСЯ И РУКОПАВНОМУ БОЮ.

Социологический анализ «Смены»: девять парней одного призыва

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВСЕ НЕ ТАК ПРОСТО

Владислав ЯНЕЛИС

Фото Евгения Стецко

ТРУДНЫЕ СТУПЕНИ В НЕБО.

вечером. Все порядком устали, а где усталость, там и раздражение. А еще надо было почистить оружие. Филинов занялся своим автоматом.

К нему подошел Трубецкой.
 — Дай шомпол, Филя.
 — Самому нужен, не видишь, что ли?
 — Дай, сказали тебе.
 Трубецкой в армии год — еще не старослужащий. Но уже и не молодой солдат. Возможно, это диктовало его форму поведения в тех обстоятельствах. Но надо знать Филинова. Он не из тех, кто уступает, если чувствует за

собой моральную правоту. К тому же Федор — отнюдь не пай-мальчик, может постоять за себя, что делал «на гражданке» не раз. И, несмотря на не самую внушительную внешность, физически развит совсем неплохо. В общем, когда Трубецкой предложил Филинову продолжить разговор на улице один на один, Федор молча встал и пошел. В результате — ссора.

— Зачем, — спрашиваю Федю, — неужели нельзя было избежать конфликта?

— Каким образом? — в свою очередь, спрашивает Филинов. — Не пойдя я с Трубецким, он первый назвал бы меня трусом. А я им отродясь не был.

Вполне понятно, что, рассказывая о судьбе нашей девятки, мы не можем отделить наших ребят от коллектива. Моральный климат в подразделении определяет командир. Мацнев в свои двадцать пять лет тонко чувствует ситуацию. Всегда корректен. Отец его, тоже офицер, погиб, когда Юрию было 12 лет. Тогда Юрий решил, что пойдет по стопам отца. Окончил суворовское военное училище, потом Рязанское высшее воздушно-десантное командное. Я всегда замечал в бывших суворовцах подчеркнутый внешний лоск, умение носить военную форму, особую внутреннюю культуру. У Мацнева все это есть. К тому же он мастер спорта по офицерскому многоборью, кандидат в мастера по спортивной гимнастике. У него за спиной 25 месяцев службы в Афганистане, 2 ранения, боевые награды.

Как-то мы разговорились с Мацневым.
 — Трудно себе представить, как глубоко

может ранить несправедливость. Особенно если она исходит от командира. Ведь он для солдата — высший авторитет, наставник, в какой-то мере судья его поступков. Бывает, старается парень, а у него все равно не выходит. Наказывать нельзя. Еще раз спроси себя: все ли ты сделал, чтобы научить этого человека? Иное дело, когда старания не хватает. Видит, что ты за ним наблюдаешь, — старается, отвернулся — и сразу энтузиазм иссяк. Кстати, есть такая личность и в витебской девятке. Не хочу называть имени.

Я реалист, за полгода все изъяны гражданского воспитания не исправишь. Уже то хорошо, что они становятся известны. Не люблю показушества. Многие наши проблемы — именно от этого. Откуда это берется? В иной школе, в ПТУ, а то и на заводе парень видит, как лаврами увенчивают тех, кто умеет пустить пыль в глаза, продемонстрировать внешнюю, выгодную сторону дела. Он приходит в армию с тем же — «главное, чтобы все видели, какой я молодец». Но в военном коллективе истинное от ложного всегда в конце концов отличат.

Во время последних прыжков произошел эпизод, который на какое-то время поставил Мацнева перед дилеммой, серьезно озадачил.

К этим прыжкам готовились долго и основательно. Десантироваться предстояло с новой техникой, одновременно с обоих бортов самолета. В сущности, само десантирование было лишь одним из этапов учений, но решающим, узловым. Район приземления батальона ограничен — длинное поле, покрытое последним, уже рыхлым снегом. Выйти за границы района нельзя, все простран-

УТРО НАЧИНАЕТСЯ С ЗАРЯДКИ.

ство вокруг поля занято условным противником.

Самолет сбросил скорость. Открылись двери. Первым прыгнул Андрей Наумов. Следом — гранатометчик Татос Улиханян. Все шло нормально: десантники уходили вниз, в туманном небе всех сконцентрировано на проеме дверей. Иван Михайлов тронул за плечо гвардии старшего лейтенанта Геннадия Сычевских. Иван шел к двери следом за Сычевских и заметил, что у того раскрылся в укладке двухконусный замок. Не заметь он этого, камера купола вывалилась бы еще в самолете, и офицер, выпрыгнув из люка, повис бы на стропях, накрепко пришвартованный к летящей машине. Только парашютист знает всю меру опасности, которая подстерегает его в этой ситуации. Сычевских кивком поблагодарил Михайлова, привел укладку в порядок. К двери тем временем шел, вернее бежал, Олег Сметанников.

Внезапно возникла заминка. Вереница людей у дверей замерла. Те, кто шел замыкающим, не сразу поняли, что произошло. На полу возле распахнутой двери лежал Сметанников, запутавшись в стропях стабилизирующего парашюта. Шли секунды, самолет подходил к границе района десантирования.

Олег просто-напросто упал, не добрав полметра до двери. И несколько

ПАРКОВЫЙ ДЕНЬ.

К ОПЫТНОМУ МАСТЕРУ ВСЕГДА ОЧЕРЕДЬ.

человек, в том числе и Мацнев, так и не выпрыгнули. Не успели. В тот момент Сметаников и сам не мог бы объяснить, как это произошло. Он чувствовал на себе испытующие взгляды товарищей, вопрос, застывший на губах командира роты. Там, внизу, на земле, их батальон уже шел в атаку, а они остались в самолете. Из-за него, Олега Сметаникова. Самолет, набирая скорость и высоту, взял курс на аэродром базирования.

Вот что вспоминает Мацнев:

— Я смотрел на Сметаникова и думал: почему он упал? Первое, что пришло в голову,— испугался. Новый самолет. Нервозность обстановки. Прыгать предстояло в туман. Всякое бывает. Хотел спросить Олега напрямик. Сдержался. Вопрос тоже может обидеть. Вспомнил все, что знаю об этом парне. Немного. Не очень разговорчив. Все делает основательно. Перед начальством не заискивает. Не хитрит. Порой инертен, но на трудности не жалуется. Нет, не верилось, что испугался. Я знаю таких парней по Афганистану—трудолюбивы. Они не подводят. К тому же я ни разу не слышал от командира взвода, от сержантов нареканий в адрес Олега. И все-таки... Подумал: будет оправдываться—значит, что-то не то. Но он не оправдывался. И я поверил, что в случившемся нет его вины.

...В те дни никаких особенных событий в полку не происходило. Полетов было мало, аэродром не подтоп от недавно сошедшего снега. На учебных полях сапог из грязи не вытаскишь. Зато много дел было в парке—надо было заканчивать перевод техники на летний период эксплуатации. С утра до вечера рота Мацнева трудилась в своих боксах—с боевых машин десанта смывали зимний камуфляж, чистили ходовую часть от набившейся на последних учениях грязи, подкрашивали, смазывали.

Который уже день трудились в парке и наши витебчане.

На усталость никто не жаловался. Но Мацнев, как ни поджимало время, давал роте отдых, понимая, что нельзя от людей требовать невозможного. В короткие эти паузы я подсаживался к кому-нибудь из наших, и мы разговаривали о самых разных вещах. Накопившаяся усталость лишала эти беседы всяких оттенков лирики, и я узнавал порой в пять минут о ребятах больше, чем в иное время выспрашивал за час.

Конец нашего разговора слышит Ваня Михайлов. Не выдерживает, вступает:

— Мне мой дом тоже снился раньше каждую ночь. Особенно когда в лагере жили. Ложусь спать и говорю себе: «Поехал домой». И еду. И почему-то всегда со мной Андрей Наумов и Федя Филинов. И каждый раз нас встречают по-праздничному. Бабушка печет что-нибудь, сестра в новом платье. Мы сидим как именинники, пластинки слушаем, журналы смотрим. А потом вдруг кто-нибудь из нас на часы посмотрит—пора возвращаться. Мы даже пирогов попробовать не успеваем. И—в роту на перекладных. Едем, нервничаем, не опоздать бы. А тут дежурный: «Рота, подъем!»

Иван—очень дружелюбный парень. Улыбка у него предобрая. И весь он на виду. Впечатлительный, правда, очень. Огорчит его что-нибудь, и сразу это заметно: глаза печальные, сам понурый. Но это ненадолго. Достаточно кому-то пошутить—Михайлов первым рассмеется. Но главное его качество—выгоду свою никогда и ни в чем не ищет. Не дано ему этого. Другой на его месте взвесит «за» и «против», а Ваня только скажет: «Что ж, я готов». Это тоже от доброты. А вот откуда она в нем, эта доброта?

Рос парень, считай, без родителей. Мама умерла, когда Иван был совсем маленький. Отец женился вновь. Воспитывали парня бабушка Фаина Ивановна и старшая сестра. По-доброму, значит, воспитывали, что не ожесточилась, не очерствела ребячья душа без родитель-

ской ласки, не обросла панцирем равнодушия, приспособленчества.

Спросил как-то Михайлова:

— Какая у тебя бабушка?

— Простая. Добрая. Хорошая, в общем. Все ее уважают.

И весь сказ. И не надо к этому ничего добавлять.

— Однако пора за дело.—Капешко встал, сунул в карман ветошь, полез в БМД.—Нам сегодня кончить надо.

Вчера, первого из витебчан, его наградили знаком «Молодой гвардеец пятилетки», вручили Почетную грамоту, ценный подарок от командования. Думаю, что это не только за службу, но и за то, с чем этот парень пришел служить.

После ужина рота вновь пошла в парк. Закончит работу она лишь поздно вечером. Однако Наумов Мацнев отправил в расположение—чертить графики для ротной Ленинской комнаты. Работа чистая, не то что в парке. У Андрея способности к оформительству. Естественно, это заметили и время от времени стали ему поручать то одно, то другое. Вот и сейчас все в парк, а он в роту. Недоволен.

— Перед ребятами неудобно. Они там вкальвают, а я в писаря устроился.

Наумов последнее время ходит взбудораженный. К нему со дня на день должны приехать мама и его девушка, считай, невеста. Ждет, нервничает, прикидывает, на сколько часов его отпу-

Так появился в блокноте разговор с Сергеем Капешко.

— А ведь Юрий Курсенко, наш механик-водитель, из БМД так и не вылез. Не хочет расслабляться. Есть такие люди: пока руки инструмент держат—будут вкальвать. И вообще хороший он парень. В высшем мореходном учился до службы, штурманом будет. И специалист каких поисков. Рядом с ним одно удовольствие работать—научиться можно многому. В этом плане армия вообще дает немало. Жизнь узнаешь, цену труда человеческому, к технике привыкаешь.

Раньше ведь как: легко тебе с человеком—значит, он тебе товарищ и друг. О его жизненном опыте судишь по рассказам. Много знает—бывалый, положиться на него можно. А оказывается, все не так просто. Вон Саша Живодров—тихоня вроде, слова лишнего не скажет. А я бы себе лучшего друга не пожелал. С ним хоть в разведку, хоть куда пошел бы. Надежный парень, верный. А есть один в нашей девятке, тут я бы еще подумал. Почему? Сразу и не объяснишь. Люди по делам своим видны. Например, Ваня Михайлов. Он когда работает, то меньше всего о себе думает. Все о деле. Легкая работа, тяжелая, ему без разницы. Надо делать—и все тут. А тот, о ком я говорю, работу себе полегче ищет, повыгоднее, чтобы было чем перед командиром отчитаться. Что у него внутри—не поймешь, ему подвести людей—не вопрос. На первом месте «я». Это мы не сразу поняли. Но когда поняли, обидно стало. Тяжело в человеке ошибаться. Поговорили с ним. На неделю хватило, а потом снова из него чертовое «я» полезло.

Знаю, о ком идет речь. Сознательно не называю фамилии. Пока не называю. Верю в то, что человек этот поймет: эгоистом в коллективе жить нельзя.

— О доме скучаешь, Сережа?

— Скучаю, чего там. Иной раз глаза закрою и вижу наш дом на пригорке. Рядом яблони цветут. Маму вижу, как в огороде работает. Смотрит на меня и улыбается. Я ее почему-то всегда представляю в платке, а руки землей испачканы. Отец—тот тоже на работу собирается.

Тут недавно был на квартире у нашего заместителя командира роты по политчасти гвардии старшего лейтенанта Сычевских. Я его посыльный на случай тревоги, ну и надо было узнать, где Геннадий Петрович живет. Пришел—а уходить не хочется. Дом, одно слово. С семьей Сычевских познакомился. О жизни хорошо поговорили. Как у себя в деревне погостил, душой отдохнул.

стоят из полка. Поделится со мной своей тревогой.

— Тут к Мезужоку родные приезжали. С утра до вечера у КПП простояли. Мацнев так и не разрешил в тот день парню увольнение. Работы, мол, много.

Не знаю, как оно там вышло на самом деле. Может быть, у Мацнева к тому солдату претензии, а может быть, действительно не мог ротный его отпустить, потому что на счету каждая пара рук и каждая минута. Да ведь и то надо учесть, что армия не пионерский лагерь, здесь живут взрослыми военными законами, которые штатскому человеку понять порой мудрено.

Закончив работу в парке, рота Мацнева заступала в наряд. Вся, целиком. Отмывшись, почистившись, отгладившись, бойцы готовились принять под охрану полковые склады, объекты полигона, посты наружной и внутренней охраны. Но сначала следовал развод — общее построение, где командир роты проверял внешний вид подчиненных, ставил задачу.

Рота построилась. И выяснилось, что в строю нет Сергея Ковалева. Предположить, что Ковалев в самовольной отлучке, оснований не было. Чего-чего, но не это. Сергей еще месяц назад признался Мацневу, что собирается поступать в военное училище.

Из строя кто-то сообщил, что видел Ковалева возле солдатской чайной. Развод, естественно, прошел своим че-

редом без Сергея. Тот появился, когда рота уже разошлась.

— Ты чего, — встретил Ковалева Михайлов, — не знал, что построение на развод?

— Думал, успею. Знаешь, в чайной очередь какая за пряниками!

Капешко, проходя мимо, буркнул:

— Пряников захотелось, сластена. А что товарищей подвел, это, значит, не в счет?

К Ковалеву у ребят отношение сейчас сложное. Винават его эгоцентризм. Сергею военные науки даются легче, чем Михайлову или Апанасенку. Но при этом Михайлов и Апанасенко в большей мере ощущают себя в коллективе и ответственность за его успехи, чем Сергей. Он же готов ответить только за себя. Причина того, что произошло, — характер Ковалева, неприятие им законов армейского товарищества.

**«ЗДРАВСТВУЙ, МИША.
ДОМА У НАС ВСЕ ХОРОШО...»**

**...ПЕРЕХОДИМ
НА ЛЕТНЮЮ ФОРМУ ОДЕЖДЫ.**

СВОБОДНЫ ДО 22.00.

Мацнев был категоричен. За опоздание на развод, срыв боевой задачи — именно так квалифицировал командир роты поступок молодого солдата — Ковалеву было объявлено пять нарядов вне очереди.

Замкомвзвода, степенный и рассудительный гвардии младший сержант Александр Сороков, философски заметил, что это по-божески. Потому что при других обстоятельствах подобные выкрутасы даже одного солдата могли вызвать серьезные последствия.

Мы наблюдаем за нашими ребятами и понимаем: их испытывает жизнь. В ней не все так просто и гладко. Жизнь, коллектив шлифуют характеры. Медленнее, чем бы нам хотелось, но что делать? И все-таки они сами уже научились различать хорошее и плохое, сами дают оценку собственным поступкам. И взаимоотношения их друг с другом тоже подвергаются испытаниям. Мы бессильны исправить что-либо, если они не приемлют чью-нибудь нравственную глухоту.

...В воскресенье обещали прыжки. Ребята обрадовались, прыжков ждут как праздника. Причем чувство праздничности не притупляется, сколько бы прыжков в активе парашютиста не было. На третий прыжок идут с такой же приподнятостью, как и на пятидесятый.

Прыжкам дали «отбой», уже когда мы были в воздухе: резко усилился ветер. Да и туман больше нормы. Обидно. Но что делать, и во взрослой жизни не все зависит от людей.

ИЗБЫТОЧНЫЙ ВЕС

— После выступлений «Смены» —

Почему деловое, критическое выступление журнала вызвало у работников горкома комсомола желание защищать свой престиж, а не желание сообща бороться с выявленными недостатками?

В Таганроге с помощью старшеклассников, при активном содействии комсомольцев металлургического завода, ряда других предприятий в рекордно короткие сроки построен школьный завод. И назван «Смена».

Разумеется, мы заинтересовались. Само по себе дело, стоящее внимания, — речь идет о подготовке молодых к взрослой рабочей жизни, о воспитании у них навыков общественно полезного труда со всеми вытекающими отсюда серьезными последствиями. Да и как-никак завод-то — тезка. Вот и решили рассказать о нем на страницах журнала. И на место не скупиться, и с фотографиями обязательно.

Подготовили материал «Как стать рабочим» и напечатали в последнем номере журнала за прошлый год. И подзаголовок вынесли на видное место: «Уроки школьного завода: поиски и потери». Потому что, как выяснилось, есть у завода не только радости, но и трудно-

сти. Например, необеспеченность заказами, в результате чего старшеклассники вынуждены заниматься работой, которую никак не назовешь серьезной, а за этим следуют скука, разочарование. Как выяснилось, мастера и преподаватели «Смены» сверх всякой меры загружены оформлением всевозможной документации...

Словом, как во всяком живом, новом деле, не обошлось без промахов, ошибок, недоработок. И хотя завод тезка, так и написали о его жизни — ничего не скрывая, обратившись к городскому комсомолу с пожеланием не оставлять нашего тезку без внимания, помочь ему не отстать от требований времени.

И вот по прошествии некоторого времени получаем письмо из Таганрогского горкома комсомола за подписью секретаря ГК Ю. Борисова. Страничка текста. Даже меньше. В первом абзаце констатируется, что «статья «Как стать рабочим» правильно поднимает вопросы эффективности школьного завода «Смена». Большую часть ответа занимает

рассказ о том, как и с чьей помощью создавался завод. О чем, кстати, наш журнал писал. Затем следует суховатое, но веское замечание о том, что «стиль изложения, отдельные выражения и слова мешают воспринимать статью должным образом». И не менее сухая приписка о том, что со времени посещения корреспондентом школьного завода в Таганроге до публикации статьи прошло время и потому «сегодня статья не отражает действительности». И все.

Признаться, на невеселые мысли навел ответ из горкома комсомола. Выходит, все на заводе прекрасно, налажено, продумано, нет никакой изнурительной бумажной волокиты, старшеклассники работают на современном оборудовании, отлажен механизм начисления им вознаграждения за труд, ребятам предоставляется интересная, захватывающая работа, и не пять процентов из них идут после школы в рабочие, а... Выходит, ввели мы в заблуждение читателей...

И когда, казалось, оставалось только каяться да просить прощения и за «отдельные слова», и за все вместе взятое у Таганрогского горкома комсомола, мы получили другой ответ на наше выступление — из Таганрогского горкома КПСС за подписью секретаря горкома В. Снисаренко. Приводить его целиком мы не будем по той причине, что в отличие от письма комсомольских работников он куда просторнее по размеру и содержанию, но вот самые характерные места:

«Статья «Как стать рабочим» правильно поднимает вопросы эффективности работы школьного завода «Смена», роль РК ВЛКСМ, комсомольской организации металлургического завода в становлении завода «Смена» и подготовке молодежи к труду. Проблемы, поднятые в статье, действительно актуальны для коллектива... Внимание администрации, района было направлено в первую очередь на строительство, оснащение производственных участков, в ре-

В СТОРОНЕ ОТ БЕДЫ

— Рейд «Смены» —

по детским больницам
Ярославля показал, что комсомольские организации остаются безучастными к судьбе детей-сирот.

Дорогая редакция!
Очень прошу вас разобраться. У нас в Ярославле много детских больниц. В них лежат и здоровые дети — те, у которых нет родителей. А если они и есть, то лишены родительских прав. Все правильно: лучше в больнице, чем в семейном аду. Но посмотрите на этих детей. Они растут без внимания, без ласки, без материнской любви. С ними никто не занимается, не гуляет. Пока я ходила к своему ребенку, каждый день видела безрадостные лица здоровых малышей в больнице. Они постоянно находятся в контакте с больными детьми. Их не переводят в детские дома и дома ребенка, потому что там нет мест.

Надо спасать детей! Приезжайте, посмотрите и помогите этим детям. Они ведь сами не попросят за себя, но больничные палаты, невнимание взрослых останутся в их памяти навсегда.

Н. СМЕРНОВА

Прочитав это письмо, мы долго не могли успокоиться. Здоровые дети, без родителей, в больнице... Неужели это возможно? Неужели и вправду в Ярославле привыкли, притерпелись к детской беде? Нет, в это не хотелось верить...

Первая реакция секретарей Ярославского горкома комсомола Сергея Березкина и Геннадия Скворцова была однозначна:

— Такого быть не может. Да и непонятно, в какой больнице это происходит. Какая-то выдуманная проблема, мы с ней никогда не сталкивались. Обратитесь в горком партии. Может быть, там внесут ясность...

Так, сразу же расписавшись в своей некомпетентности, комсомольские руководители города переложили заботы на чужие плечи. Удобней, да и хлопот меньше.

Анатолий Петрович Захаров, инструктор горкома КПСС, сам в прошлом врач, прочитав письмо, помолчал и сказал, что все в нем правда.

Чтобы разобраться в реальном положении дел, мы предложили провести

рейд по детским больницам города. По нашей просьбе в нем участвовали работники горкома ВЛКСМ, горздрава и гороно.

...Приемное отделение Первой городской детской больницы. Дежурный врач осматривает месячного мальчика. От него отказалась мать, сославшись на то, что не может воспитывать сына, так как ее муж, отец ребенка, умер. Теперь мальчик будет жить здесь, в больнице, пока не окрепнет, пока не будут оформлены документы для его перевода в Дом ребенка. Сколько это продлится, неизвестно.

Оформлением документов занимается инспектор гороно И.З. Казанцева. Процедура эта непростая — в общей сложности на каждого ребенка надо собрать более десятка справок. По силам ли это одному человеку? И вот «результат». В первой же больнице, куда мы пришли, оказалось трое малышей, которые ждут перевода в Дом ребенка. Малыши, о которых Ирина Зиновьевна, увы, ничего не знала. А ведь детишки находятся в больнице уже больше месяца.

Вот и получается, что за грудой бумаг и «неотложных дел» взрослые люди, в

чью служебные обязанности входит работа о детях, оставшихся без родительской опеки, забывают об их горькой участи.

Брошенные, «отказные» дети находятся в разных палатах. Медики стараются поместить их туда, где нет никаких инфекций, — так поступают в детской больнице имени 8 Марта, в медсанчасти нефтеперерабатывающего завода. Но это удается не везде и не всегда. Поэтому ребятки часто переносят чуть ли не все виды заболеваний. И если даже не болеют, то все равно попадают в карантин, что задерживает и без того их долгое пребывание в больнице.

Абсолютно здоровых детей, от которых отказались родители, немного. Почти 80 процентов из них имеют различные патологии. А это значит, что за ними нужен особый уход. Пока же он возложен только на мам, приходящих к своим детям, и студентов мединститута, которые проходят практику. Однако, как мы убедились, студенты к «отказным» детям заглядывают редко, от случая к случаю, под настроение.

— Обсуждали ли вы эту проблему в комсомольских группах? — спрашиваем

зультате с самых первых дней не была отработана система организации производственного труда, его оплаты, хозяйственного расчета.

На заводе «Смена» пересмотрена и упрощена документация, по которой работают мастера производственного обучения, конкретизированы, усовершенствованы трудовые паспорта. Отработана система организации производственного труда...

Все недостатки, вскрытые в ходе проверок, проведенных районо, с учетом замечаний и рекомендаций статьи «Как стать рабочим» включены в план работы межшкольного комбината по устранению негативных фактов и совершенствованию учебно-производственного процесса, развитию ученического самоуправления.

Обсуждение статьи в горкоме, райкоме КПСС, Орджоникидзевском райисполкоме, гороно, знание положения дел и перспективы развития учебно-производственного комбината дают основание сказать, что недостатки в его работе будут устранены».

В таких случаях принято говорить: комментарии излишни.

Но совсем не лишне в связи с этим задуматься вот над какими выводами, содержащимися в материалах XII пленума ЦК ВЛКСМ:

«Многие из нас — от активистов первичной организации до секретарей ЦК ВЛКСМ — не критично подчас оценивают результаты своей работы. И это мешает нам по-новому взглянуть на процессы, происходящие в молодежной среде, предпринимать энергичные меры по преодолению имеющихся недостатков.

Слабо реагируют комитеты комсомола на критические замечания и предложения... Ни одно справедливое критическое замечание, дельное

предложение не должно оставаться без внимания.

Повторение общих лозунгов, забвение практических дел, партийного правила не разбрасываться, брать главное дело, доводить начатое до конца — вот характерные признаки еще живучего в комсомоле недуга».

С недугами надо бороться. Но недуг недугу рознь. Бывает и так, что человек, страдающий каким-то недугом, вовсе себя больным и не считает. Более того, симптомы болезни воспринимаются как проявление здоровья и благополучия и потому не собирается лечиться, тем самым усугубляя болезнь.

Всем нам еще памятно не столь давние времена, когда излишняя полнота, тучность воспринимались как признак здоровья, а набранные килограммы веса считались чуть ли не основным признаком личности, занявшей в жизни заметное положение. Не будем искать истоки подобных воззрений, сегодня их несостоятельность уже не нуждается в доказательствах. Сегодня человеку достаточно сказать о склонности к полноте, и он воспринимает это как сигнал тревоги.

Но вот читаешь ответ на выступление журналиста из Таганрогского горкома комсомола и прямо-таки видишь перед собой личность, страдающую избыточным весом, но никакой тревоги по этому поводу не испытывающую. Тут все симптомы налицо.

И нескрываемое неудовольствие по поводу того, что потревожили лишней раз, обеспокоили. И отработанное до автоматизма обращение к прошлым заслугам, которые никто не оспаривает и оспаривать не собирается, за которые уже воздано должное. И желание поставить «надежду» на место, указав, что «стиль изложения и отдельные слова»

не соответствуют. А раз не соответствуют, то можно считать, что и вопрос закрыт, говорить больше не о чем. Тут и явственное: «А знаете ли вы, с кем разговариваете? Знаете ли, кто мы такие?»

Здесь живо представляются пустынные коридоры с начищенными полами, кабинеты, в закрытые двери которых можно входить, только извиняясь за беспокойство, да и то лишь по предварительному телефонному звонку, шест заполняемых и переключаемых бумаг, скрипение дыроколов, пространные заседания, на которые не допускаются неприглашенные...

И много еще чего представляется слишком знакомого по работе некоторых комитетов комсомола. На примере комсомольских вожаков из Таганрога можно говорить: внешняя солидность, конторская благопристойность, ощущение себя представителем администрации, руководства, а не полномочным представителем молодежи стали узнаваемой, характерной и очень тревожной чертой многих комсомольских работников.

Отсюда и неминуемые последствия: отдаленность от молодежи, нежелание и неумение быть среди молодых не время от времени, а постоянно. Нескрываемое раздражение, обида, когда указывают на недостатки, — все это воспринимается не как заинтересованность в общем деле, но как покушение на авторитет, на положение, как помеха для продвижения по служебной лестнице.

Не отсюда ли рождается отношение к комсомолу как к организации, которая всегда, чуть ли не в каждом деле участник, всегда присутствует, но при этом главной роли не играет, никакой ответственности не несет. И что самое тревожное: сами комсомольские работ-

ники к такому положению привыкают, оно им удобно, оно их устраивает. Вроде бы всегда при деле, но и в то же время спрос-то с других...

Рассчитывая, что это выступление журнала прочтут в горкоме комсомола Таганрога, что над ним задумаются, мы заранее хотим попросить работников горкома остановить свое внимание не на отдельных выражениях, а, к примеру, на том, что в письме горкома партии среди тех организаций, которые знают положение дел на школьном заводе «Смена», не названы организации комсомольские. Случайно ли? Прямая забота комсомола, а комсомол словно бы и ни при чем.

Скажем честно: мы бы в подобной ситуации обиделись. Но обиделись бы прежде всего на себя: выходит, так работаем, что о нас забывают, что нас не принимают в расчет. Значит, надо работать по-иному, так, чтобы не забывали, так, чтобы на нас возлагали надежды, чтобы на нас полагались, чтобы нам доверяли.

Ведь авторитет — это доверие. Пользуются авторитетом те, кому доверяют, от кого ждут дела. Должность, атрибуты внешней солидности сегодня тут не помощники. Беречь, поднимать свой авторитет можно только одним — новыми, серьезными, заслуживающими уважения делами. Обида на критику, козыряние прошлыми заслугами тут не выручат.

И если чего-то нужно таганрогским комсомольцам с избытком, то не ложных амбиций и солидных поводов, а живого, деятельного интереса к жизни, неуспокоенности, озабоченности тем, что еще не сделано.

**Отдел
рабочей молодежи
журнала «Смена».**

шестикурсника Владимира Воронова. — Знают ли о таких детях в комитете комсомола мединститута?

Владимир, без пяти минут педиатр, только пожал плечами:

— Как-то не думали об этом...

Вот так — «не думали». А ведь будущим медикам наверняка известно, что настоящий врач немалым безобидным чувством сострадания, доброты, милосердия. Неужели для комсомольцев мединститута, медучилища все это лишь пустой звук? Неужели у практикантов, приходящих в детские больницы, не дрогнет сердце при виде маленьких, беспомощных детей, которым так не хватает тепла, ласки, доброго слова? Ведь это совсем нетрудно — погулять с малышом, переодеть его, рассказать сказку...

Тут-то и проверяется начинающий медработник не только как специалист, но и как гражданин. Сдает, может быть, свой главный экзамен — экзамен на человечность.

Мы видели, как тянутся брошенные детишки к женщинам, врачам и медсестрам, называют их мамами. И те не остаются равнодушными, стараются как-то утешить, приласкать ребенка, оставшегося сиротой. Так, в медсанчасти нефтеперерабатывающего завода оставленных малышей называют Кирилловичами — по имени заведующего детским отделением Кирилла Владимировича Пенькова. Ребятишкам, чьи родители неизвестны, Пеньков дает свое отчество. За каждым из своих питомцев названный отец следит не год и не два, радуется, когда у них все хорошо.

Однако при всей своей чуткости и доброте одни медики проблему не решат. Здесь нужны четкие, согласованные усилия всех, кто связан с устройством «отказных» детей. Этой согласованности-то как раз и не хватает...

Чуть ли не главной причиной долгого пребывания сирот в больницах является, как нас уверяли, нехватка мест в домах ребенка — их в Ярославской области два. Так ли это?

Побывали в Доме ребенка №1. Он расположен за Волгой, вдалеке от городского шума и суеты. Двухэтажное здание, похожее на детский сад, уютный дворик с качелями и песочницей.

Входим в дом. Просторные помещения со множеством приспособлений для занятий физкультурой, гора игрушек, много света! Сразу же вспоминаются неприветливые больничные палаты, где поле деятельности малыша ограничено его кроваткой. Вспомнили и тяжелый вздох трехлетнего мальчика, когда он говорил о том, как хочется ему побегать по улице. В распорядке дня больницы, где состоялся этот разговор, такие прогулки не предусмотрены. Да и некому, как мы уже знаем, гулять там с ребятами: у медперсонала свои заботы, у студентов-практикантов — свои.

Здесь, в Доме ребенка, иначе. В коридорчике рядом с малышовой группой мы увидели целый эскорт колясок, готовых к прогулке. Малыши постарше выходят во двор самостоятельно. Зато с каким аппетитом уплетают они свой обед и как сладко спят во время «тихого часа»!

Под мерное поспывание ребятишек заглядываем в спальню. Из 15 кроваток пять свободных. Пустуют койки и в других группах.

— На сегодняшний день у нас шестнадцать свободных мест, — поясняет главный врач Дома ребенка И.А. Лохина. — И это не в наших интересах. Но, к сожалению, дети из больниц поступают нерегулярно.

Что же получается? В Доме ребенка ждут новых питомцев, а они тем временем тоскуют в больничных палатах.

Конечно, и в Дом ребенка малыши поступают не совсем здоровыми: дают о себе знать наследственные заболевания. Есть среди питомцев и умственно отсталые ребятишки. Но условия жизни, уход за ними здесь куда лучше, чем в больнице. Поэтому важно, чтобы в дома ребенка «отказные» дети поступали в возрасте до года, когда только закладываются основы психофизического развития маленького человека.

— Если посмотреть личные дела наших воспитанников, то складывается впечатление, что все они дети одной матери, — с горечью говорит Ирина Аркадьевна и тут же добавляет: — Нет, язык не поворачивается назвать этим святым именем тех женщин, для которых вино и разгул дороже собственного ребенка.

Да, первопричина детских несчастий чаще всего кроется в пьянстве. Вот когда оно приоткрыло свой страшный лик. Уродцев, душевно больных детишек рождается, к сожалению, немало. В память врезалось лицо маленького Вити, искаженное ничем не выражающей улыбкой, его мерное раскачивание в кроватке. У мальчика болезнь Дауна в тяжелой форме. Его родители — хронические алкоголики. Но, как известно, от подобных печальных последствий не застрахованы и те, кто видит в алкоголе «катализатор» легкого, непринужденного общения, обязательный элемент веселого времяпрепровождения. Показывать бы этим «весельчакам» несчастных, брошенных, искалеченных тяжкими недугами детей — видели мы и таких малышей — более действенной пропаганды против пьянства не придумаешь.

Но сейчас речь о другом — о судьбе здоровых ребятишек, которые также оказались никому не нужными — ни мамам и папам, ни дедушкам и бабушкам.

Вот какую картину мы наблюдали в одной больничной палате. «Тихий час». Рядком стоят пять детских кроваток. Около двух сидят мамы. Они затворливо укрывают своих детишек, нежно гладят их по волосам, в ответ хныканье, капризы. Не помогают ни уговоры, ни сказки. И тогда одна мама достает из сумочки спелый, ярко-красный гранат. С хрустом разламывает его, и на белую тарелку падают багровые зернышки. А с соседних коек за каждым движением молодой женщины следят три пары блестящих глазенок. Ах, как хочется маленькому Максиму М. и его двум сестренкам,

чтобы это была их мама!.. Но та не придет. Максиму еще непонятны такие взрослые и такие чужие слова — «лишние родительских прав».

А нам непонятно, почему Максим, подвижный, здоровый мальчик, находится здесь, а не в Доме ребенка, где и ему, и его сестренкам было бы намного лучше? Почему беды, причиненные малышам их непутевыми родителями, усугубляются еще и бюрократической нерасторопностью?

Малышей, о которых написала читательница Н. Смирнова, удалось пристроить в Дом ребенка. Но завтра появятся другие «отказные» дети. Сколько времени будут находиться в больнице они?..

Комсомольские работники, те, кто участвовал в нашем рейде, своими глазами увидели все беды брошенных ребятишек. Теперь Ярославскому горкому ВЛКСМ нельзя оставаться сторонним наблюдателем в этом важном, пронзительном живом человеческой болью деле. В деле, которое не допускает и малейшего проявления формализма. К тому же за каждым «отказным» ребенком скрывается целый узел вполне конкретных проблем нравственного воспитания молодежи — это и борьба с пьянством, и укрепление молодой семьи... Кому, как не комсомолу, вплотную заниматься этими вопросами?

Студенты-медики, комсомольцы — медперсонал детских больниц, все, кто близко к сердцу принимает чужую беду, должны проявить инициативу и доброе участие в решении судьбы обездоленных малышей. И тогда наша общая тревога за детей окажется сильнее, чем чья-то инертность, чье-то равнодушие.

**Ирина МАЧУЛЬСКАЯ,
Наталья ПРУСАКОВА,
слушатели
ВКШ при ЦК ВЛКСМ.**

Константин Новиков родился в Пскове в 1960 году. Окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина (исторический факультет), служил в армии, сейчас аспирант Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской.

В комнате висела неудобная тишина, в которую вторгалось приглушенное покашливание гостя, да сестра изредка брала со скатерти чайную ложку и осторожно—в который уж раз—с тихим позвякиванием размешивала остывающий чай. Она не отрывала взгляд от собственной чашки и по тому, как пунцовели ее уши-раковины, я чувствовал, с каким трудом переносит Инна тягостную эту паузу и как лихорадочно мечутся ее маленькие пугливые мысли, выскивая предлог для того, чтобы она могла вскочить и с криком: «Ах, совсем забыла!»—ринуться на кухню и долго, с наслаждением звякать там тарелками, ложками, оттягивая неизбежное возвращение. Я презрительно поглядывал на стужевавшую сестру, и если бы она подняла глаза, то без труда догадалась бы, о чем я думаю. Но глаз от чашки она не отрывала и все больше сутулилась. Я нарочно громко кашлянул и с удовольствием увидел, как вздрогнула и ожидающе напряглась Инна.

Мать устроилась в кресле около окна. Она медленно курила, рассеянно глядя перед собой, словно происходившее в комнате к ней ровным счетом никакого отношения не имело. Дым от сигареты не поднимался, как это обычно бывает, к потолку, а вытягивался длинными горизонтальными слоями на уровне стола, и странным образом слои эти медленно двигались в сторону закрытой двери.

Сидевший за столом прямо напротив меня гость удачно изображал приятное чаепитие: он поддевал на ложку немного варенья и не торопясь подносил ложку к губам, показывая, что любит прозрачную густо-розовую лепешечку, в которой прятался светлый блик; отправив варенье в рот, он медленно шевелил губами и только потом заливал чаем. Единственным несоответствием его игре была та удивительная тишина, с которой он опускал ложку, поднимал и ставил на блюдце чашку, — и тишина эта выдавала его с головой. Рядом с блюдцем лежал аккуратно

ОЛЯ НЕУДАЧНИК

меня,—мы на работе тоже иногда чаевничаем, но там от чая один цвет только и остается. А я, признаться, чай люблю такой вот, как этот.

Чтобы окончательно закрепить свое право называть чай вкусным и подчеркнуто наслаждаться им, он отхлебнул из чашки и негромко причмокнул губами.

— Тебе налить?—спросил я у матери и, не дожидаясь ответа, потянулся к чайнику с кипятком.

— Ой, он же совсем остыл!—обрадованно воскликнула сестра и даже похорошела от маленькой этой находки. Ей удалось опередить мою руку и схватить чайник.—Я сейчас, минуточку...

Она вылетела из комнаты, и я услышал (или мне показалось, что услышал), как, оказавшись за дверью, Инна облегченно вздохнула. Уже не спрашивая, я положил матери большую горку варенья, того самого, которое она мастерски варила для нас с сестрой, хоть сама его и не любила.

— Спасибо тебе, сынок,—раздельно произнесла она и даже слегка кивнула мне, чтобы гость ни о чем не догадался.

— Ну, а вы, Юрий?—спросил меня гость, и когда я, действительно не сообразив, что разговор про чай продолжается, вопросительно поднял брови, он пояснил:—Вам чай нравится?

— Я кофе пью. Обычно.

— Очень интересно.—Он улыбнулся, словно мой ответ чем-то его порадовал.—Я всю жизнь чай пью, а вот мой сын—точно так же, как и вы, кофе и кофе. Похоже, что это своего рода примета времени. Вы знаете, Юрий, что такое приметы времени?

— Догадываюсь,—процедил я.

Как-то я не подумал, что у этого человека может быть сын, точнее говоря, мне некогда было подумать об этом раньше. Сейчас я представил второго такого же мужчину—с широким гладким подбородком, массивным, неправильным носом, с такой же пупырчатой кожей на шее.

— Не удовлетворите любопытства,—ехидно спросил я гостя, излишне ехидно, так, что мать заметила это,—сколько лет вашему сыну?

— Двадцать два.

На кухне что-то упало и полновесно, аппетитно разбилось. Мать посмотрела на гостя и улыбнулась, словно неуклюжесть Инны была ей приятна.

— У меня есть один знакомый,—сказал я,—который боится задувать горящую спичку, говорит, что, перед тем как погаснуть, пламя превращается в нечто голубое, вроде вольтовой дуги.

Константин
НОВИКОВ

РАССКАЗ

РОЗЫ

сложенный—в зеленую клетку—его платок, и всякий раз, чувствуя приступ кашля, гость проворно подносил платок к губам и негромко кашлял в зеленые квадраты. Изредка он поглядывал на мать. Для этого ему приходилось круто поворачивать голову вправо, и тогда я видел, с каким трудом его короткая, с пупырчатой кожей шея ворочалась в плотном воротничке.

Задолго до сегодняшнего дня я знал о существовании этого человека. Дважды он звонил по телефону (я почему-то выделил и запомнил его голос) и вежливо, излишне даже вежливо спрашивал Валентину Борисовну, и оба раза, подлаживаясь ему в тон, я объяснял, когда именно вернется мать. А потом был какой-то, в общем, незначительный вечер, и пришедшая к нам Мережкова долго рассказывала про своего знакомого, постоянно называя его по фамилии. Мать с интересом слушала ее, украдкой поглядывая на меня, и, хотя к разговору я не прислушивался, у меня было чувство, словно что-то здесь не то... И еще несколько недель спустя мать принесла яркий, шикарный альбом и на мой вопрос радостно ответила: «Альбом? О, это подарок. Посмотри сам». «Лажка это все»,—сказал я, глядя матери в глаза, следя за тем, как лицо ее, потеряв улыбку, становится жестким и обиженным.

Что же касается сестры, то, по-моему, она ни о чем не подозревала до того самого момента, когда в прихожей раздался звонок, при котором мать кинулась к двери, проворно открыла старый английский замок, улыбнулась, взяла букет роз, положила цветы у зеркала, повесила плащ и принялась бегать из кухни в комнату и обратно. На столе, прежде пусто стоявшем у стены и незаметно переместившемся на середину комнаты, появилась синяя скатерть, белые с тонкой золотой каймой ребристые чашки, домашнее печенье, яблоки в дешевой китайской вазе. Инна помогала матери накрывать на стол. И только когда торжественно заблестело в розетках варенье, когда в сиреневую стеклянную сахарницу насыпали верхом блистательных кусков рафинада, когда рыжие круги чая подернулись пленкой пара,—только тогда мать успокоилась, лицо ее стало торжественным. Она оглядела стол, села к окну и закурила. Инна удивленно перевела взгляд на мать, и только потом—временами-то сколько понадобилось!—только потом посмотрела она на гостя, наконец увидела его, покраснела и юркнула взглядом в свою чашку.

Серые полупрозрачные полосы табачного дыма все так же медленно двигались в сторону двери. Тонкие, аккуратные пальцы Инны мелко подрагивали, и подрагивание это особенно становилось заметным, когда в руке у нее оказывалась чайная ложка.

— Ну и духота...—созналась наконец сестра и взглянула на мать, которая, однако, вроде бы и не слышала ничего, продолжала спокойно курить. Инна виновато потупилась, затем взглянула на меня, молчаливо спрашивая, мол, что это с матерью.

Наконец мать затушила сигарету и сказала, обращаясь к гостю:

— И то правда, надымил я немного. Сейчас мы это, мигом...—Она быстро встала, открыла дверь, потом под села к столу, оказавшись рядом с гостем.

— Чай у вас замечательный,—заговорил наконец гость, и я немного удивился его спокойному голосу.—Да, чай у вас отличный,—продолжал он, глядя почему-то на

Я посмотрел на гостя, сделал лицо, мол: «Что на это скажете?»

— Пусть тогда пользуется зажигалкой,—ответила мать и еле заметно покачала головой, давая понять, чтобы я прекратил паясничать.

— Отчего же,—серьезно ответил гость,—если вашего друга действительно беспокоит это, я могу его посмотреть.

— Вы разве врач?

— Да, Юра, Владимир Алексеевич—врач,—сказала мама,—он доктор наук, в своей области крупный специалист (и после паузы со странной, вразяжку интонацией)...это доктор Романов...

Я ожидал, что доктор Романов станет шутиливо отмахиваться, утверждать, что совсем он не крупный специалист, так, мол, просто один из многих, но вместо этого он скользнул взглядом по моему лицу, посмотрел, как я догадался, на стоявший за моей спиной на журнальном столике букет роз, и при этом у него было немного растерянное лицо, будто его незаслуженно похвалили.

После того как мама, по существу, представила гостя, мне стали понятны излишне для мужчины аккуратные, с короткими ногтями руки и тот слабый запах, который Романов принес с собой и определить который мне никак не удавалось.

«...Владимир Алексеевич... Интересно, как мать его называет, Владимир или Володя? Или, может быть, Вова?... А вот рубашку белую он, конечно, зря надел, переиграл малость...»

«Вовик, солнышко, вымой посудку!»—молча сострил я, это показалось мне забавным, я хохотнул. Мать снова покачала головой, мол: «Я сегодня тобой недовольна»,—но, сделав вид, что не заметил этого, поспешил объяснить Романову:

— Знаете, только сейчас понял, вы очень похожи на одного нашего знакомого, точнее, на одного мамино знакомого, только у него еще усы.

Все это было чистойшей ложью, у матери не было ни одного знакомого мужчины, за исключением низкорослого, узкоплечего Ставского, у которого большая желтая лысина странным образом сочеталась с большими светло-серыми глазами, всегда казавшимися заплаканными. Ставский жил в нашем же доме и, видимо, потому, что он почти не умел грустить, мама изредка приглашала его к нам. Но Ставский совершенно не был похож на сегодняшнего гостя. И все же мне было приятно упомянуть в присутствии Романова про несуществующих маминых знакомых.

Мать, сощурившись, смотрела перед собой, ей, видимо, было за меня неудобно. Я попытался в ту минуту отыскать сочувствие к матери, сидевшей за столом рядом с незнакомым мужчиной по фамилии Романов, попытался отыскать к ней сочувствие, чтобы понять собственную глупость, мальчишество, чтобы устыдиться собственного драцкого поведения, но сочувствие-то как раз и не находилось.

Из кухни донеслось шипение, и, вскочив из-за стола, я направился на помощь.

— Уй, черт!—Инна отчаянно трясла в воздухе рукой.

На плите брызгался налитый под завязку чайник, его крышка мелко подскакивала. Я переставил чайник на холодный круг, оглядел кухню. На полу около холодильника в аккуратную кучку были собраны зеркальные осколки, в которых ярко блистали разрозненные отражения солнца.

— Термос,—раздраженным шепотом произнесла Инна,—зараза!

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

— Обожглась?

— А... черт с ней.—Инна подула на руку, оглядела ее и успокоенно опустила.—Гость этот откуда-то появился... А мне позвонить сейчас должны. Сидит и молчит, молчит...

— Не беспокойся, пока ты здесь отсиживалась, он успел разговориться.

— Я? Отсиживалась?!

— Не шуми, услышат.—Я подошел вплотную к сестре.—И не вздумай сегодня куда-нибудь намылиться.

— А вот уж это не твое дело,—серьезно сказала Инна, сразу превратившись из раздраженной девчонки в молодую женщину.

Я сунул ей в руку чайник, слегка подтолкнул к выходу. Она возмущенно передернула плечами и, не оборачиваясь, пошла по коридору.

Поскольку мне совершенно не улыбалось остаться с матерью и Романовым за столом, я решил к телефону, если зазвонит, сестру не подпускать. Видимо, ей должен позвонить тот рыжий тип, который в последнее время таскается за ней. Против самого парня я ничего не имел, хоть меня и раздражали его редкие волосы, мальчишеская светлая борода и привычка отирать рот. Но до тех пор, пока Инна сидит за столом, я чувствовал себя достаточно свободно, словно именно она держала основное напряжение.

Из комнаты донесся негромкий смех матери. Как и сестра, она переходила сегодня из одного настроения в другое, и настроения эти не были мне понятны. Непонятно было, для чего мать так долго изображала сегодня такую задумчивую отрешенность, свалив на меня с Инной тяжесть неловкого молчания за столом. Гораздо более естественно, думал я, выглядела бы фраза: «Это, мол, Романов Владимир Алексеевич, мой хороший знакомый, прекрасный человек, прошу, мол, любить и жаловать...». Снова послышался смех матери, на этот раз ей деликатно подкашливал Романов,—я догадался, что это он так смеется. Затем в комнате стало тихо, как бывает тихо, когда, отсмеявшись, все ожидающе глядят на рассказчика, который, однако, не собирается продолжать и, в свою очередь, сам ожидает услышать нечто веселенькое.

Я громко открыл-закрыл дверцу холодильника, чтобы, не дай бог, матери не пришлось в голову, будто я прячусь от Романова, отсиживаюсь на кухне.

Неожиданно пришла мне в голову дурацкая мысль, что в застольной неловкости был повинен главным образом я, и хотя было неясно, в чем, в каких именно словах, жестках могла заключаться вина, одно то, что без меня за столом как будто стало веселее и даже свободнее,—одно это было уже неприятно, и возвращаться в комнату не хотелось.

Когда Романов только вошел в прихожую, вежливо протянул матери букет, я сразу догадался, кто этот человек, почему он к нам пришел, и сразу захотел, чтобы он тотчас же ушел. Но в коем случае не собирался я что бы то ни было предпринимать для этого—как-никак мамин гость,—хотя и промелькнула у меня мыслишка, этакий рецидив мальчишества, что я сумел бы в случае чего выставить его силой. Мне хотелось, чтобы его немедленный уход произошел как бы сам собой. Теперь же мне хотелось чего-то другого, то есть, конечно, чтобы Романов сейчас

ушел, но прежде надо было что-то сделать, дать ему понять, что он лишний, не нужный здесь никому, прежде всего матери и прежде всего мне. Но как в этом случае надо поступить, я не знал.

В комнате завязался, судя по всему, интересный разговор; то есть говорил преимущественно гость, но мать и даже Инна вставляли какие-то свои замечания, так что получалось впечатление оживленной беседы, в которой вполне обходились без меня.

— Господи, это же такая ерунда,—услышал я громкий голос матери; по матовому стеклу двери пробежала тень, и едва я успел присесть на корточки, изображая собирание осколков, в коридоре (и почти моментально на кухне) появилась оживленная мать с разбитой чашкой в руках, острый клин осколка небрежно торчал из чашки.

— Владимир Алексеевич разбил,—радостно пояснила она и, увидев на полу осколки:—О, и у тебя авария! Я уберу потом, ты приходи к нам.

Она поставила разбитую чашку на стол, взяла из буфета точно такую же новую, улыбнулась мне и ушла в комнату, машинально прикрыв за собой дверь. Я же, получив приглашение к столу в собственном доме, почувствовал себя весьма уютно.

Осторожно прокравшись в прихожую, я выдернул вилку телефона, перенес аппарат в женскую половину—комнату матери и сестры—и закрыл за собой дверь. В тот момент я еще точно не знал, что именно собираюсь делать, а включив телефон, я принялся набирать (несколько неожиданно даже для себя) номер Ставского.

— Николай Сергеич, добрый день, это Юра,—негромко сказал я.
— А!—протянул Ставский, и по его голосу я понял, что он улыбается, словно услышал от меня нечто приятное.—Как дела у тебя, Юра?

— Спасибо. Николай Сергеич, вы... это... вы приходите к нам в гости.
Пожалуй, так напрямик я мог говорить только с ним.

Одно время Ставский бывал у нас довольно часто. Он приходил аккуратно одетый, с тщательно уложенными на макушке волосами; смущаясь и одновременно пытаясь скрыть смущение, усаживался в угловое кресло и, всякий раз испросив разрешение, закуривал, отгораживаясь табачным дымом от моих взглядов. Он терпеливо дожидался, когда мать освободится, подсадет рядом и он сможет, не замечая моих взглядов, с полчаса поговорить с ней. О чем? Специально не подслушивая, я невольно все же ухватывал обрывки их разговоров, спокойных, иногда немного интересных, но в целом, что называется, «ничего особенного». Было совершенно ясно, что мать ему нравится. Она понимала это и, по-моему, жалела его, главным образом за несчастливую его судьбу, маленький рост и умные, кажущиеся вечно заплаканными глаза. Потом приходит он перестал. Несколько месяцев спустя я встретил его в нашем подъезде, пьяного. Он сидел на грязном подоконнике между нашим и третьим этажом. Доверчиво моргая, он сообщил мне, что, мол, нравился, нравился, да и разонравился. После той короткой встречи прошло еще сколько-то времени, и Ставский вновь пришел к нам. Тихим и грустным выглядел он, и я неловко чувствовал себя от его присутствия. Мать же вела себя совершенно как

обычно, что напоминало Ставскому о неких других временах. Видимо, из-за этого он и продолжал иногда заходить к нам, проводя теперь большую часть времени со мной, хоть и ясно было, что к чему. Мы с ним играли в шахматы, но так как играл я отвратительно, Ставский неизменно выигрывал, причём он никогда не пытался подыграть мне, оставаясь независимым в рамках этой игры и одновременно признательным мне за своеобразный аккомпанемент. Ставский был жалок, трогателен и симпатичен мне одновременно, прежде всего симпатичен. Он чувствовал это и сдержанно отвечал взаимностью...

— Николай Сергеевич, вы приходите, если можете, прямо сейчас.

Ставский сосредоточенно молчал.

— Мы были бы рады,— добавил я, понимая, с какой настороженностью воспринял он мое «мы».

— Хорошо,— спокойно сказал он,— минут через десять.— И повесил трубку.

Понимал ли я, чего именно хочу добиться от его прихода? Честно говоря, действовал я тогда главным образом по интуиции, дурацкому, злому, мальчишескому...

Из комнаты вышел Романов — я догадался об этом по гулким шагам,— направился в сторону кухни, и я затаился, прислушиваясь. Сделав по коридору (я невольно считал) пять шагов, он скрипнул задвижкой.

Телефон, лежавший у меня на коленях (как хорошо, что не успел поставить на тумбочку, не успел отключить!) зазвонил и, мгновенно сорвав трубку, я негромко сказал:

— Да?

На том конце молчали, в трубке тихо скрежетало.

— Да, да, я слушаю...

— Здравствуйте, кхм, кхм... Инну позвоните, пожалуйста.

Я узнал голос и даже догадался, что после «пожалуйста» он отбер ладонью влажные губы.

— Здравствуйте, молодой человек. Не знаю, правда, как вас зовут. Я брат Инны, мы с вами вроде бы встречались...

Я старался говорить негромко, чтобы (упаси боже!) никто не услышал, и вежливо, чтобы не испугать собеседника.

Может быть, и не стоило напоминать сейчас ему о нашей встрече — последняя фраза вылетела как-то случайно,— но мы действительно встретились с ним однажды на станции «Маяковская».

Вечером, часу в двенадцатом, я возвращался из гостей и на почти безлюдной платформе «Маяковки» буквально нос к носу столкнулся с этим типом. В тот момент, когда я увидел его, он, предвкушая маленькое удовольствие и потому осмысленно ослабившись, сильно вбросил монету в металлический желоб из нержавеющей стали. Желоб этот, врезанный в полукруглое перекрытие, напоминал внутренность велосипедной дуги, и по огромной этой дуге стремительно и громко заскользила монета, за которой, задрвав голову и выпятив безобразный кадык, этот тип следил взглядом. И столько глупой радости было в его глазах, что я не сумел перебороть себя в тот момент. Слишком уж легко, словно играя в поддавки, сестрин кавалер шлепнулся на гранитный перрон, далеко отбросив при падении спортивную сумку. В тот же момент на станции стало шумно — из тоннеля выскочил противно тормозивший поезд, со стороны эскалаторов беспокойно взвизгнул свисток дежурной. Я успел поднять свою нечаянную жертву и вскочить в вагон, руками задержав смыкавшиеся двери...

— Молодой человек, видите ли... Инна заболела и подойти к телефону не может.

— Тогда извините,— разочарованно протянул он.

— Одну секунду! Алло... алло, алло! Вы слушаете?

— Что?

— Инна просила вас передать, чтобы вы приходили, можете прямо сейчас.

— Алло, я плохо вас слышу,— четко донесся громкий голос, нимало не озабоченный известием о болезни Инны.

В эту минуту я услышал, как за закрытой дверью хлынула вода, Романов скрипнул щекоткой, дважды щелкнул выключатель, и из ванной донесся звук сильной струи из-под крана. Я догадался, что дверь в ванную Романов за собой не закрыл.

— Алло... алло,— надрылся голос.

Через несколько секунд этот тип мог повесить трубку, надо было задержать его и в то же время по возможности ничего не произносить вслух. Мне казалось, что Романов из ванной отлично может подслушать меня и обо всем догадаться. О чем именно? Да мало ли...

Я постучал ногтем по трубке, негромко откашлялся.

— Алло... алло,— надрылась трубка,— алло...

Я постучал еще раз, громче.

— Алло, Инна хочет меня видеть? — наконец помог мне, сам того не подозревая, собеседник.

— Да, да, да.

— Сейчас? — уточнил он, видимо, все еще не до конца поверив в возможность свидания.

Каблук Романова размеренно простучали по полу, и дверь в комнату за ним закрылась.

— Да, молодой человек,— с облегчением, отдельно ответил я и положил трубку, теплую от руки.

А несколько минут спустя, благополучно водрузив телефон в прихожую, я вновь сидел за столом. Когда я вошел в комнату, сначала Романов, следом за ним мать и почти одновременно с ней (повернувшись на стуле) Инна посмотрели на меня, но посмотрели этак вскользь, мол, «а, пришел...» — и гость без паузы продолжал, обращаясь к матери:

— ...что они друзья не друзья, но, в общем, около того. Чернов тогда был в опале, и считалось небезопасным поддерживать с ним хорошие отношения, особенно для автора начинающего. Злые языки утверждали, что Чернов рассказы его в то время чуть ли не собственноручно правил, но это, я думаю, ерунда, а вот что касается советов, замечаний разных — этим, конечно, Чернов ему помогал да и познакомил его кое с кем — не нужно полагать, что прямо-таки абсолютно все от него отвернулись. Одним словом, учитель — ученик. — Романов схватил платок и, отвернувшись, закашлял в зеленые квадраты. — ...Ну, а дальше — Чернов умирает, и смерть сразу как бы списала все его грехи. Был в газете большой некролог, многие из бывших сотоварищей пришли проститься. А любимый, так сказать, ученик не пришел, струсил. Ладно, струсить всякий может, тем более он тогда не разбирался во многом. Об этом многие скоро забывают, а он сам же и напомнил — написал о Чернове книжку. Совсем недавно вышла — может, слышали? — написал и прислал мне экземпляр. И записку вложил: написал книгу, посылаю на твой — мой, значит, — суд...

Романов снова закашлял, загордился левой ладонью и только потом правой рукой схватил платок. На этот раз кашлял он громко, тяжело, лицо и шея его покраснели; задыхавшийся от приступов кашля, он отворачивал лицо к стене, и рука плотно прижимала к губам платок. Мать сочувственно качала головой («Ну и

кашель, как же это вы так...»), тогда как Инна, не стесняясь, рассматривала Романова.

В прихожей раздался звонок: «Тим-тамм...»

Выйдя из комнаты, я прикрыл за собой дверь. «Интересно, кто же из двоих оказался таким притким?»

— Здравствуйте, я к вам... то есть к Инне, собственно...

В сандалиях на босу ногу, новеньких джинсах, безобразно вылинявшей голубой куртке, из рукавов которой сильно торчали руки, аккуратно на этот раз выбритый, молодой человек смущенно ожидал позволения войти; он бережно держал перед собой букет темно-красных роз. Разглядывая его, я думал о том, какого большого, безнадежно большого дурака сваяла, организовав это приглашение; еще можно было попытаться что-то выправить, извиниться перед парнем, закрыть дверь, но вместо этого я сказал:

— Проходите, только — тш-тш-тш! — Я приложил палец к губам, и молодой человек согласно кивнул, давая понять, что, конечно же, в квартире, где находится заболевшая Инна, можно разговаривать только шепотом. — Вот сюда, в эту комнату. У нее врач, — предупредил я.

Войдя в комнату, молодой человек недоуменно обвел взглядом сидевших за столом, при этом он сильно шурлся, словно от яркого света. Мать с интересом изучала вошедшего, лицо ее приняло вопросительно-радостное выражение. Инна, густо покраснев, ненавидяще бурвила взглядом своего поклонника, видимо, даже не подозревая об истинных причинах его появления здесь.

— Вы не стесняйтесь, проходите, садитесь,— я показал на свой стул; сам же ловко подставил пятый стул и сел в торце стола, охотно объяснив оказавшемуся справа Романову: — Жених Инны.

— Проходите, проходите, — повторила мать приглашение. — Инна, поухаживай за...

— Павел, — подсказал он.

— Поухаживай за Павликом, что же ты сидишь.

Павел, как был, с букетом в руках, неуклюже пробрался на освобожденное для него место, вопросительно глядя на Инну в течение всего времени, что понадобилось ему, дабы, не задев журнальный столик и стоявшую на нем вазу, протиснуться между столиком и стулом Инны. Усевшись наконец, он обнаружил в руках цветы, прикинул что-то и через весь стол длинной своей рукой протянул матери букет, пояснив свой жест:

— Это вам.

— О, спасибо, спасибо вам большое, Павлик. Замечательные розы. Доченька, поставь, пожалуйста, в вазу.

Букет проделал над столом обратный путь и, освобожденный от хрустящего целлофана, оказался в вазе, где стояли принесенные Романовым розы.

Как это произошло и после прихода Романова (на круги, на круги своя...), над столом зависла пауза.

— Семьдесят восемь, — сказал я, и все повернули голову в мою сторону. — Семьдесят девять, восемьдесят. Восемьдесят секунд молчания. — Мать посмотрела на меня и, подумав, улыбнулась, затем оглядела стол, взглядом задержалась на Павлике, воскликнула:

— Павлик! Ну что же вы, честное слово! У вас нет даже чашки, а вы молчите.

Инна вскочила и побежала на кухню, а через несколько секунд она вернулась, пропуская вперед себя улыбавшегося заплаканными глазами Ставского. Я совершенно не понимал, каким образом удалось ему проникнуть в квартиру. Но как бы там ни было — задумался я и не услышал звонка или что другое, — только в дверях комнаты стоял Ставский, одетый в аккуратно сохраняемый серый костюм, в светлой рубашке, загорелый, симпатичный, беззащитный. За все годы знакомства из всех приходов Ставского мать почему-то выбрала именно сегодняшний его приход, чтобы порадовать этого человека. Она усадила его рядом с собой и принялась ухаживать за ним («Чай с сахаром?.. Вот это варенье обязательно нужно попробовать, я сама варила...»).

Ставский с удовольствием принимал ухаживания матери, благодарно посматривал на меня, и ничто в нем не напоминало в эту минуту того человечка, который однажды в дождливый вечер, сидя на грязном подоконнике в подъезде, робко сетовал на свою судьбу. От избытка радости Ставский наложил в мамину розетку большую горку того самого варенья, которое терпеть не могла мать и порцию которого по моей вине ей пришлось уже сегодня съесть. Ставский заслужил мамину улыбку и обрадовался еще больше.

Я наблюдал за матерью, Ставским, изредка поглядывая в сторону Павлика, который с аппетитом уплетал тосты и ободряюще подмигивал Инне, и как-то совершенно позабыл о сидящем совсем рядом Романове; только когда он покашлял в квадраты платка, я вспомнил о нем, точнее, вспоминал о том, что за столом сидит еще и Романов — гость, просто-напросто гость, не более того.

Ставский незаметно для себя самого превратился в этакий центр компании; он ел и одновременно рассказывал про новую свою должность (ночной сторож в парке культуры и отдыха). Каждая его история начиналась словами: «Но это еще что! А вот другой был случай...» Он рассказывал в общем-то банальнейшие вещи, о которых я уже слышал или читал, причем говорил он, я думаю, больше часа, но как бывает с человеком в ударе, истории его выходили не просто забавными — смешными, по-настоящему смешными, из-за чего повторы и длинноты просто не замечались.

Раскрасневшаяся, уставшая от смеха Инна заходила в беззвучном хохоте, держась почему-то за щеки. Мать красиво и легко улыбалась, шуточно поглаживая Ставского по руке, в особенно смешных местах отмахивалась, мол, «ну и скажете же вы...». Баском похотывал Павлик, и тогда из его набитого рта вылетали крошки. С характерным покашливающим звуком вежливо посмеивался Романов. Подыгрывая общему настроению, поддерживая Ставского, улыбался и я. Было мне стыдно сейчас неумных своих подозрений, о которых, к счастью, никогда не догадается мать, мама, которую, оказывается, я совсем не знаю...

Был светлый летний вечер, воздух только еще начинал окрашиваться в синий цвет, над домами, где недавно зашло солнце, висела желто-рыжая полоса, когда я пошел провожать гостей. Инна со своим кавалером, выйдя со всеми из подъезда, тут же куда-то исчезли, и мы со Ставским пошли провожать Романова до метро. Потом я проводил Ставского до его подъезда и вернулся домой, когда мать заканчивала убирать со стола. Половину цветов она поставила на кухне, а другие пять роз — три темно-красные из Павликова букета и две розовые — стояли в широкой, зеленого стекла вазе на моем столе; когда в доме бывали цветы, мать всегда ставила их мне. Сегодняшние цветы служили мне напоминанием о собственной непроходимейшей глупости.

— Юра, — подождая, сказала мать, и я виновато посмотрел на нее, — Юра, я давно хотела с тобой поговорить... Понимаешь... в общем, есть один человек, который мне очень нравится...

«Преклоняюсь, пою и люблю...»

Валентин СОРОКИН

Лес весенний, туманно-зеленый,
То дубняк, то березы, то ель.
Неужели я не был влюбленный,—
Все промчалось,

как в поле метель.

Лес весенний, и солнце, и ветер.
Ночью высверки ливневых стрел,
Я тебя разлюбил—и заметил:
Вдруг осунулся и постарел.
Это голос твой в крыльях метели
Над моей просвистел головой.
Это пламя, остывшее в теле,
Серебрится росой луговой.
Вьюги зимние, летние грозы,
Ель над холмиком,

дуб на тропе

И родные лебязьи березы
Снова ныне звенят о тебе.
Я тебя разлюбил—и промчалось
Время наше метелью.

Скажи,

Ну зачем же опять закачалась
Кисть черемухи там, у межи?
И огромное русское поле
С облаками и солнцем над ним
Мне врачует ожившие боли
Тихим именем,
светом твоим.

За туманом, за белой пургой
Это время и эти края.

Словно был кто-то очень другой—
Целовал твои руки не я.
Годы памяти—века цветы,
Сгасла юность, как росы весной.
Неужели и вправду не ты
Звезды ночи встречала со мной?
Звон капели, куда вы, куда,
Птицы радости, скрылись вдали.
Не дождями ли наши года
Просверкали по краю земли?
Как чужого, себя позову
И окликну тебя—тишина.
Дуб на взгорье похож на сову.
В поле снежная песня слышна...
В поле-полужке ветер и мгла.
Месяц падает вниз кувирком.
И о ком эта песня была,
И была ли, была ли о ком?
Мы с тобой через вихри идем
К ним, счастливым,

но стужа в пути

Нас шатает ознобным огнем,
И, пожалуй, уже не дойти.

Птица летит ли над домом забытым,
Воет ли вьюга,
Всюду мне слышатся

в далах открытых

Оклики друга.
Плачут деревья,

звенит ли в сугробах

День нелюбимый,
Всюду я вижу на трассах и тропах
Образ любимой.

Вот она руки воздела высоко,
Полночь морозна.

Месяц над ней,
как встревоженный сокол,
Кружится грозно.
Вот она просит скорее ответа:
— Среди одиночества

Сердце твое не ослепнет от света
Горьких пророчеств?

Я говорю ей:—В воде не потонет
Всполох до срока.

Не поднимай на холме ты ладони
Очень высоко!
Трудно без друга

и больно без друга,

Слышишь, родная?—
В мире проносятся поздняя вьюга,
Громко рыдая.

Затерялся мой дом за лесами,
За снегами, и только луна
До утра мне видна из окна,
Проплывающая небесами.

Все живое в ней, разум и взор,
И легенды живые, и были.
Нет там древней космической пыли,
Мертвых кратеров, каменных гор.

Ведь луна, как звезда, далека,
Высоко и торжественно светит.
Выйду в поле,
по-прежнему встретит,
И дорога с ней будет легка.

Сколько струн и гармошек в ночи,
Поцелуев, измен и печалей?
Соловьи б навсегда замолчали
Без луны. Онемели б ручьи.

Где сейчас ты,
пусть в эти мгновенья
Мы на разных просторах земли,
Но пылает в тумане цветенья
Лунный куст,
чтоб забыть не смогли

Юность нашу и дом среди лесов,
За снегами, за белою дремой,
Где рождаются песни черемух
Да лебязий пронзительный зов.

Красота твоя, русская статья,
Глаз открытых святое сиянье.
Всю в них душу до капли видать
И при встрече, и при расставанье.

Свет такой, окрыляющий свет,
С плеч, со лба

излучение света.

Свет бестрепетно-солнечных лет,
Свет омытого ливнями лета.

Света грань я не переступлю,
Потому что, на воле рожденный,
Преклоняюсь, пою и люблю
Буйство радости освобожденной.

Поцелую и руки сведу,
Пусть простонут
под кофточкой груди.

Месяц облако на поводу
Держит,

значит, бурана не будет.

Звездность, ясность,
искристая даль,
Веют снегом подталым откосы,
Из январского луга в февраль
Зашагали дубы—дед-морозы.

Светом полнятся крепкие сны.
Есть со зноем у холода сходство.
Шепчет нежное голос весны,
Голос памяти и благородства.

Вот я слушаю, слушаю вьюгу.
Полночь. Белое поле. Заря
Не спала, пролетая по кругу
Заметенных равнин января.

Что кричишь ты,
что плачешь ты, вьюга,
Мать хоронишь иль верного друга?
Одинокие, звездные лица,
Очи умные... И до утра
Все-то думается и не спится,—
Ночь, как жизнь бы,
осмыслить пора.

Кто идет через жизнь по сугробам,
Через ночь,

через день напрямиком;

Вьюга, вьюга рыдает над гробом,
Вьюга крыльями свищет о ком?

Месяц, конь мой с подковы сронил
Снег, кипящую пену с удил.
Мало, мало я, мало родил,
Больше бедствовал да хоронил.

Вьюга, полночь и белое поле.
Поле белое.

Звезды в окно

Светят памятью прожитой боли,
Затерявшейся в мире давно.

Ты кого в эту ночь целовала,
Ты кому отдавала свой взгляд?
Поезд

полз на холмы, перевалы,

Будто огненно-красный закат.

Здесь, на севере, прыгала вьюга
По деревьям, как серая рысь.
А за пристанью смуглого юга
Высоко паруса поднялись.

Ты о ком тосковала глазами,
Чью дорогу рыданьями жгла?
И под снежными стынью-небесами
Ты за кем торопливо ушла?

Я любил тебя—ярче, светлее
Звездных вздохов...

Холмы да холмы.

Это вечных страстей мавзолей
Вырастают из гибельной тьмы.

Перевалы и шорох пустыни.
Поле белое и забытье.
На багряном граните святыни
Сам я вырубил имя твое.

Пролетев над просторами стран,
Опрокинув преграды мороза,
Тихо падает теплый буран
В том краю, где мерцает береза.

Где тяжелые сосны, шурша,
Ловят месяц полночный ветвями.
Где моя раскуется душа
С первой молнией и соловьями.

Будут юные травы звенеть,
Пахнуть поле цветами и хлебом.
Серебристая звездная сеть
Широко развернется под небом.

В каждом омуте язь и налиим.
В каждом громе огонь незабвенья.
Я любим ли тобою, любим?
Все волнует нас до преклоненья.

И зовет то полынной тоской,
То веселыми ливнями в дали.
Мир, наполненный смутой людской,
Мы глазами детей увидали.

Ах, буран, беловойнный буран,
Я один. Снегири в буераке,
Как щемящие капли от ран
Или памяти красные маки.

Михаил БЕЛЯЕВ

Выпускной вечер

1

Последний сверкнул экзамен—
И грянул
Вечер прощальный.
Герани,
Расставшись с нами,
На лунном свете
Хрустальные.
Где первых сложений проба?
За чаще формул маститых!
А кажется, вся учеба—
Всего только
Вдох и выдох.
Изысканные прически
Уже у девчонок многих.
А в классах притихших доски,
Как матери, одиноки.

2

А дням еще по-школьному светить.
И кто там в грусти
Неуклюж и сбивчив?!
Нам,
Получившим аттестаты нынче,
К своим созвездьям,
К делу уходить.
Манящий мир.
Шагнешь—и сто путей
В мечты ворвутся
Стужей и капелью.
За школьной дверью—
Самой первой дверью—
Она поет,
Как громкий соловей.

Несем какому делу новизну?
Сдружимся с полем
Или с океаном?
Скафандрами блеснув
В миру туманном,
С каких созвездий
Сдернем тишину?
И развернуться доброе зерно
Готово в каждом,
Вымахнув пружинно.
Так мало говорящих
На вершинах!
Чье сердце
В выси не устремлено?!

3

Дохнуло музыкою школьной
В ночные спящие дома,
И мягче сделалась невольно
Их заливающая тьма.
Открыты окна,
К далам жажда!
Клубись,
Клубись, веселый смех!
Выпускников волнение:
В каждом
Родился взрослый человек.
Неугомонно молодое
Дыханье музыки роднит
И племя школы выпускное,
И полуночный тихий быт.
Ах, эти танцы до рассвета—
Такие только раз в году!
Июньской ночи
Звонкость эта
Со всеми взрослыми в ладу.
Отцов уснувших в полумраке
Сыновний согревает шум.
Как формулы единой знаки,
Их сопряженность снов и дум.
Ах, юность, юность!
Смех и говор!
Выпускники шумят всю ночь—
И входят в вальс,
Как в летний штопор,
И сердца гул не превозмочь.
Сверкай же,
Племя молодое,
Искрись на празднике своем!
Ключами счастье бьет земное:
Бьет в каждом молодость ключом.

КОСТРОМСКАЯ

Фото Сергея ВЕТРОВА и Василия МИШИНА

Приводилось попадать в Кострому в трескучий мороз с туманною мглой и в истощающую засуху с прокаленной дымкой, в осеннюю сизую волглость и в яркую ласковость земель и вод, однако ж, когда ни ступи сюда, с первых своих шагов ощущаешь мирное и доброе, проникаешься, что попал в близкий душе город, чувствуешь себя как дома. Нет-нет, свой дом у тебя есть в иной какой точке, и малая родина, то есть место рождения и взросления не тут, но вот понимание родной страны, ее просторности и повсеместности в своих границах, опознаваемости Отечества возьмет да резанет!

Местоположение? Ритм жизни? Облик улиц? Настрой горожан? Достопримечательности? Что сообщает Костроме такое притягательное обаяние?

Может, вся причина в Волге? Она вправду обладает, так скажем, градообразующим дарованием. Открытость к великой реке — уже и характер пейзажа, и черта характера жителей. Несколько десятилетий назад Кострома лишилась Костромы — отвели вбок соименную реку, оставив от нее для костромичей заливчик, но приречный, волжский дух уберется. Хотя с Волгой ужиться оказывалось и накладно. Поселение на левом, северном берегу увидело железную дорогу в 1887 году лишь за водной

преградой, поезда явились сюда по мосту лишь сорок пять лет спустя, автомобильное и пешее сообщение с Центральной Россией стало независимым от сезона еще на сорок лет позже. Долго ждала Кострома проезжего моста, он заметно влияет теперь на местную экономику, бурно стали расти и промышленность, и микрорайоны на правобережье, но центр не сместился. Волга словно стягивает обе стороны, Кострома остается Костромой.

Вот река меняет свои роли. Говорю это не в тоске по бурлакам, а лишь констатируя то, что по костромской набережной и так видать. Свидетельство прежней роли — комплекс торговых рядов, выдающийся архитектур-

СТРОГИ И ИЗЯШНЫЕ ЛИНИИ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ — ЖЕМЧУЖИНЫ ЗОДЧЕСТВА.

ный ансамбль и социально-экономический памятник. Строились ряды с последних десятилетий XVIII века, не сразу, но накрепко. Перебираю с удовольствием их названия: Красные (это главенствующие), Мучные, Мелочные, Овощные (они же Табачные), Пряничные, Масляные... Меж ними есть тонкие художественные различия, но есть и общее: уважение к зачинателю, автору Красных и Мучных рядов, Степану Воротилову — во времена моды на иностранных и иностранному ученых архитекторов вроде бы неграмотному самоучке, но

РАЗВЕ МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ КОСТРОМУ БЕЗ ВОЛГИ?

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ ЦЕНТРА — ДАТЬ КЛАССИЦИЗМУ.

ТАМАРА БОЛДЫРЕВА — ПЕРЕДОВАЯ РАБОТНИЦА ЛЬНОКОМБИНАТА ИМЕНИ ЛЕНИНА.

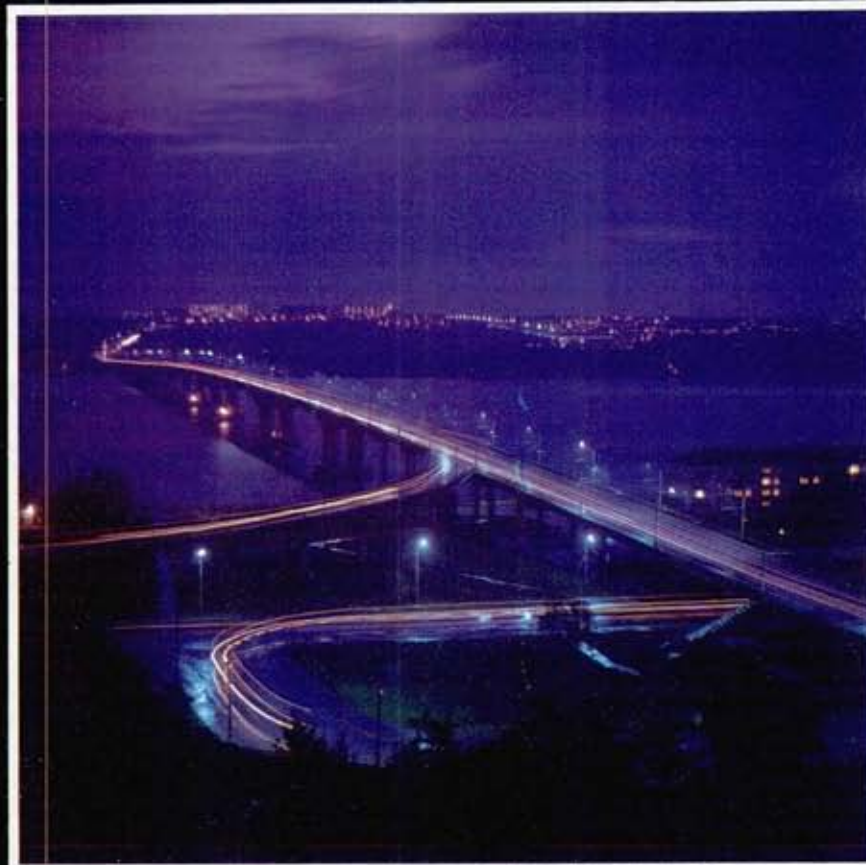

зато сохранившему навыки отечественной традиции.

Если забраться вовнутрь старинных торговых предприятий, то удивишься, что не одним камнем они ставились. Много использовано дерева, да к тому ж отборного, отчего и служит оно до сих пор. Глянь на ворота, во внутренние прямоугольники воротиловских рядов — сколь

РАСТЕТ ДРЕВНИЙ ГОРОД.

С ПОСТРОЙКОЙ МОСТА УСКОРИЛОСЬ РАЗВИТИЕ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ.

мощный тес пошел на воротные полотно и сколь великовозрастные бревна на перекрытие проема. А любовь костромичей к отборному лесу подтвердится в кварталах одноэтажной застройки циклопическими верями не существующих уже, как правило, ворот. Впрочем, повременим с деревянною темой, мы пока влияние реки обсуждаем, в торговых рядах пребываем.

Обратившись мыслью в прошлое, уяснишь: одними местными да окрестными силами такие ряды не наполнишь, да и жителей тогда не столько тут было, чтоб оправдать капитальный ансамбль подобной вместимости. Кострома была на Волге перевалочным пунктом, где велся

бодрый обмен товарами, с разных мест приносимыми водою. Оттого-то комплекс бесчисленных лавок и складов ориентирован на берег, тянется к нему. Сегодня набережная малолюдная, а некогда деятельная колыбель тут кипела.

Замечено, что ушедшие времена как бы сплюсываются, дни, годы, века видятся в непропорциональной плотности. Присовокуплю: ретроспектива плотна оттого, что выживают для нашего патристического взора лишь светлые, позитивные проявления, муть оседает, грязь утекает, торжествует же достойное. Кострома, скажем, имеет немало машиностроителей, а нужно еще больше — крупный завод «Мотордеталь» поднялся по ту

сторону моста, и все верно, город не жителями красен, а работниками, вот и требует развития дело профтехобразования. А ежели вспоминаешь, что более века назад неугомонный строитель Федор Васильевич Чижов за такое образование соотечественников ратовал и деньги свои оставил на деятельность подобных училищ, это не унижает сегодняшних хлопот, размах которых, в свою очередь, не выставляет в комическом виде старания давнего инициатора. Тут что получается: прямая из прошлого в современность помогает взглянуть в будущее.

Закономерность психологическая: новостроенное порою проигрывает эмоционально рядом с устоявшимся в веках. Века-то провели отбор, до нас не дошли неудачные опыты, ложные творческие ходы; время, то есть эволюция народных предпочтений, провело суровый отсев. Ход истории — в пользу совершенства, сколь ни обидны утраты. Создания же, неотрывные от нас по времени, такого отбора не успели претерпеть. В этом смысле раздумье над зодчеством предыдущих поколений особо поучительно и воспитательно — пусть не в любовных аналогиях, но заключена тут подсказка, как делается долговечное. Мы часто заговариваем о традициях, но забываем, спеша к конкретным приложениям, выявить их основополагающую суть, которая не здесь ли: традиция уважается за то, что она экономит общественную энергию, становится вкладом одного поколения в жизнь следующих. Сбережение материальных и духовных ценностей предшественников несравненно увеличивает силы входящего в зрелость человека, поколения. Разрушая же традицию, отворачиваясь от нее, допускаем таким образом протори народного достоинства. Будем критичны своим умом, но помним позитивную, жизнестроительную роль предшественников. Не удивляться отчужденно, а понять и нечто переять — вот суть.

Итак, о прошлом. Показательными свидетелями старины являются в Костроме, например, церковь Воскресения на Девре и Ипатьевский монастырь во главе с Троицким собором. Церковь и собор, счастливо дошедшие до нас, строены одновременно — в 1652 году. Оба храма изучены и описаны искусствоведами, не станем конкурировать, нам надо держаться своего сюжета — поиска определения, чем же влечет костромской характер. Старинные его отображения могут натолкнуть на корни, корневую систему. Фрески. Костромская школа живописцев. Они в виде исключения и нам на радость все девятнадцать мастеров подписали свою работу в Троицком соборе. Их рука узнается и в приделе церкви Воскресения. Не только там: в XVII веке несколько десятилетий подряд пребывали они в широкой славе, рисовали по главным местам древнего соединительного тракта — в Ярославле, в Ростове, в Переславле, в Москве. Они нарочито искусные рассказчики, это и есть их стиль, демократически обращенный, соразмеренный со вкусами простого зрителя, — получается повествование не про легенду только, но и про людей и уклад, современные художникам, получается единый ритм и колорит, что радует глаз, но тому же глазу не мешает вникать в изображение. Куда как непроста художественная культура простодушных волжских богомазов...

И устойчива, ибо коренится в народном жизнечувствии. Центр губернской Костромы, весьма прилично сохранившийся, подтверждает это. Строили тут в XVIII—XIX веках; Петербург диктовал классицизм, но столичные предписания на месте редактировались, складывался городской ансамбль в тех же чертах — взаимосогласия, неброскости, степенности.

И хорошо, что ...надцатизэтажные параллелепипеды не вторглись в эту паутину улиц, что современная застройка и находится в современных кварталах, прирастающих к городу-памятнику. А его ансамблевая архитектура не может не влиять на местный человеческий характер.

Тут он где-то, искомый секрет. В объяснении человечности костромских кварталов тем, что отразили именно народное жизнечувствие, самое здоровое, в котором нет противоположения города деревне, он мыслится ее сгущением, притягательным пространством для окрестности, но взаимно открыт единству. И нищи грады без земли. Пожалуй, в Костроме эта соединенность проявлялась с подчеркнутой силой с давних пор, влияя на характер, стиль, душу, лад житейский. Гляньте, поныне ведущая здешняя промышленность подчеркнута земная — в ее основе лен. Давно прекратился парусный флот и экспорт парусов, а дело не застопорилось, лен остается льном. А мялки, трепала и прочая крестьянская утварь, с помощью которой от стебля до волокна, от волокна до полотна доводился некогда лен, заменил столь же многосоставный набор скородействующих станков, машин и механизмов. А что они все, не будь земли с урожаем? Больше скажу: разве не злободневно для нынешнего и завтрашнего переустройства села это вот самое — подрастерянное, создаем, — убежденное чувство неразъемности города и деревни? Не потому ль пропагандирую я Кострому?

Здесь давно почуяли полезность знания и понимания окрестной земли. Зачин усидчивому краеведению прослеживается уже в конце XVIII века и еще на уровне полустароветной давности может быть продолжен рядом имен, среди них Павел Федорович Островский, приходится он дядей великому русскому драматургу. Отметим, в послереволюционные годы костромские родинознатцы сделали необыкновенно много. Принципиален вклад Василия Ивановича Смирнова, с энциклопедической широтой обследовавшего округу этнографически, археологически, геологически, по части архивов и памятников архитектуры и в других разрезах, а еще организовавшего Костромское научное общество по изучению местного края и этнологическую станцию этого общества, соединившего интересы, занятия, старания немалого числа увлеченных. За 20-е годы материалов было собрано целое богатство, они публиковались. Дальше последовали меры, о которых не принято сегодня вспоминать: краеведческое движение, достигшее при Советской власти беспрецедентных успехов, было в начале 30-х расформировано. Соглашусь, увлечение краеведением может проявиться двояко: или пониманием связанности местной жизни с общим развитием страны, или же неким затворничеством в муниципальных границах, когда исподволь рубятся соединительные нити с национальной культурой в полноте ее движения. Этого кто-то боялся? Но как раз краеведы костромской школы провинциализмом не страдали, мыслили охватно, их изыскания по-прежнему сохраняют ценность для капитальных обобщений, кои не в состоянии быть грамотными, коль не опору на кипы конкретного материала, который только и дает кропотливое изучение местного края.

Что прятать глаза, надобно вспомнить, что в те же первые из тридцатых годов по России шло поветрие, в котором Кострома лишилась основного собора, прилежащей — авторыства того же Воротилова — колокольни, бывшей ликом городской панорамы; лишилась красивой Троицкой церкви; Салтыковской, расписан-

Татьяна СМЕРТИНА

Свадебная ягода

Алена

Лен тягучий силен,
Но — местами...
Теребим всем селом
За мостами.
На Аленушку там
Парни плятятся,
Тяжело по пятам
Снопья валяются.
Коль за нею пойдешь —
Не угонишься,
Пальцы в кровь изомнешь,
Переломишься.
Ну, Алена-краса!
Лик весенний.
Омутные глаза.
Вся — в движеньи.
И ржаная коса —
По колени.
Не впервой эта статья
Среди Вятки,
Старики говорят:
«Всё от бабки!»
Круто лен изволил
Шелком склоны.
Много сил молодых
У Алены.
И Алешка за ней,
И Никольняк!
Позабыта приезжая
Оленька...
Позабыта жена,
Низко клонятся,
Вяжут россыпи льна
Да торопятся.
Ну и как, парнички,
Ну-ко, баски ли
Все работы ручные-то
Бабские?
Но в оконышко стук
Все непрошенный —
У Алены в сундук
Бусы брошены.
Муж ее молодой,
Воин Гриша,
Ей со службы домой
Письма пишет.
И Алена — строга,
Вся-то в бабку.
И Алена горда:
Я — солдатка!
Вздымет сноп золотой —
Усмехнется,
Да за новый красиво
Примется,
Зря не зыркает взглядом
По воле —
Ну и счастлив ты,
Воин Григорий!

По ягоду бруснику,
Княжью боровику!
Недоспелая пока —
Туго-белье бока.
В ней густая алость
В багрецы внизалась.
Всем брусника славится,
В мох шелками валится.
И сочница, и смела,
И пронзительно кисла.

Брать ее в ведро —
Что ловить зарницу,
Что доить под елкой
Красную телицу.

Ягода брусника
В кисели сгодится,
И брусвяна, и свежа,
И моченой хороша,
В морс детишкам и на квас,
От простуды про запас.

И на свадебный-то стол
Под невестин тихий взор,
Перед самой счастливой
Путь дальнейший предсказать,
В блюде глиняном стыдливо
И огнеть, и полыхать.

Свадьбы русские красивы,
Вьет атлас с плеча крылом,
Все невесты по России —
Что княгини ископ!
Хоть забыт обычай древний —
Плач не полагается!
Все же сердце
С волей девьей
Навсегда прощается...

Ой, княгиня, погляди-ка,
Сподыми свои ресницы:
Девья сладость — земляника.
Бабья — в зареве брусницы.

Синий взор она скосила...
В ней — и молодость, и сила.
В ней — и жизни тех,
кто будет.

Яр огонь брусничный в блюде!
Коль превыше честь и долг —
Счастье ягодой у ног.

Вновь перед нами князь-мороз
Песцами выстлал путь берез.
И белоснежные холмы
Бегут, летят фатой зими...
И над колодцем звон-ведро,
Как перстень,

сжатый в серебро!

ной Верещагиным; Козьмодемьянской при Большой мануфактуре, куда один из совладельцев, П. М. Третьяков, пригласил Валентина Серова и Константина Коровина сделать полотно во всю стену «Хождение по водам»... Когда забота о памятниках культуры стала конституционной обязанностью, нам тяжело воспринимать такие факты. Но, отметим, мы еще не отменили мастера заботливости. Года три назад загорелся от мальчишеских шалостей Богоявленский собор, то есть областной архив; давно поговаривали, что надо б перевести его из непригодного помещения, да еще XVI столетия, да еще с древними фресками, а вот пострадало краеведческое собрание общесоюзной значимости. Тут не утешиться напоминанием, что в 1847 году пожар в соборе был яростней и вообще в прошлые эпохи Кострома не раз выгорала катастрофически, но нам так пристало быть бдительней предков. Вот ведь верно сослужили новую службу старые вместительнейшие погребки Ипатьевского монастыря. Туда отправляются те мелочи, что оказываются на поверку редкостями. Одновременно идет перевозка стро-

ений со всего края, ширится музей деревянного зодчества. Получается не нагромождение, но этносоциальная среда, для этого и собираются всяческие предметы крестьянского обихода. Главное, чтоб соединенные экспонаты объясняли самобытный уклад. И полезность краеведения тоже.

Однажды в одном готовящемся под экспозицию изыском помещении я с удивлением обнаружил набор скульптур, плетенных из берестяной полоски. Удивление вызвали современный лаконизм, трактовка и тематика, загадочно соединенные с традиционностью. Спрашиваю: когда же такие вещи делали и где? Стеснительно отвечают: да нет, это не крестьянские поделки, это в Костроме одна старушка плетет.

И приехал я на Катушечную улицу, познакомился с Валентиной Евстигнеевой Шантыревой. Сидя в ее однокомнатной квартирке, я скоро узнал всю правду. В молодости уехала Валентина Евстигнеевна из Костромы, три десятилетия работала на разных фабриках и заводах, по болезни пришлось остановиться; в родной город вернулась, но как без занятия

Крыльцо родного дома

Пять ступеней,
Краской крытых,
Сколько раз
Вы мною мыты!
Сколько раз
Вы мной метены
Веником пихтовым,
Дремным,
И березьим голиком...

Пять простых
Ступеней в дом!
А на верхней, что поуже,
Где сучок, что око тужит,
Сколько раз сидела я,
Юбки подбрав края.
И смотрела в хвойный лес,
В вековую даль небес,
На калину у крыльца,
На кадушку без венца
С дождевой водою черной!

До травинки все я помню.
Как легко над тем крыльцом
Вьются комары столбцом!
Это тыщи дум моих
Среди сумерек глухих
Вьются там уж без меня,
В тишине родной звеня...

Счастье — родину иметь
Да о ней всю жизнь болей!
Вечно поминать свет села,
Дом родной, святые сени
И заветные ступени,
По которым
в мир сошла!

Агитбригада

А март лишь только начинался,
И тихий снег волнился весь,
Наш класс с концертом отправлялся
К другой деревнюшке за лес.

Мы шли как будто в край далекий!
Весенний ветер веял вслед,
И лапами качали елки...
Нам было по двенадцать лет.

И вот мы в «клубе»-караушке,
Где хомуты и воздух сыр,
Бачок с литою медью кружки,
Плакат у печи: «Мы — за мир!»

И мы старались без обмана,
От всей души, во всю-то ширь,
И долго в красных сарафанах
Плясали вятскую кадрили.

сидеть-то, стала надомницей — плести типовые сувенирчики из бересты. Быстро дело пошло, но скучно. Взглялась тогда делать по-своему, сперва оплетала посуду, а там и за скульптуру объемную взялась. Обучилась понимать бересту, и красу ее, и податливость. И геометрию плетеной поверхности. Да, ничего подобного не видела. А кто видел? Ведь нарождается художественный промысел, в деревенской манере, а сам городской. В собственное открытие женщина влюбилась. «Я и с обедом тороплюсь, и постель толком не застилаю, чтоб поменьше отвлекаться». Вся в своем деле! И за разговором нашим хозяйка сплела корзиночку. «Ну, фигуру дольше надо, но тоже быстро». Характер у Валентины Евстигнеевны самый костромской: скромность и даровитость, трудолюбивая основательность и окрыленное приятие родной жизни от былого до будущего.

Но еще подумалось: как-то одиноко поднимает промысел костромская жительница. И вот недавно вновь я заехал на Катушечную улицу. За четыре года с предыдущей встречи много волжской воды утекло, многое пере-

Бобыль

Где черемушника много,
Где колодец стар —
Дом кривой и у порога
Никанор-гончар.
Глух, и нем, и сиротина.
Спину горбит старость.
Ты за что над ним, судьбина,
Горько надсмеялась?
Там горшки, боченясь гибко,
Ждут угольев жар,
Раскупают бабы прытко
Редкостный товар.
Для любой посуды звонкой
Долго Никанор
Каждый раз выводит тонкий
Радостный узор.
Здесь толпятся ребятишки,
Мажут глиной чурки,
И для всякого мальчишки
Лепит он свистульки.
И глядит тепло и ясно,
Встречному — смеется.
И всегда свистков напрасно
Много остается...

Сиреневый день

Текли сиреневые реки
Из сада в сад через заборы,
И их волнил и пенил ветер
И брызгал медом с косогора.
А я стояла в белом-белом!
Мне были косы тяжелы.
И пчел созвездие кипело
Среди цветущей полумглы.
А солнце жгло, светило лихо,
Сирень волнилась все густей.
И кто-то робкий тихо-тихо
Признался мне в любви своей...

И парни с важностью дробили,
И пол некрашенный трещал!
Потом мой номер объявили,
И ужас всю меня сковал.

И мужики сидели хмурясь,
И бабы стали вдруг тихи,
А я, пылая и волнуясь,
Читала им свои стихи.

Прочла... Венок бы мне лавровый!
Но вместо лавров в полумглу
Вдруг со гвоздя хомут тяжелый
Зачем-то грохнулся в углу...

Мне зритель хлопал, я не скрою...
И лишь старик, мудрэн и бел,
Весь вечер охал надо мною:
«На что?! Не бабий то удел!»

менилось. Мастерство Шантыревой не стоит на месте, и темы новые в предметах берестяных, и сама техника плетения все сложнее. А вот из сувенирной конторы ее второй раз уволили: выработка, говорят, мала. Верно, стандартное делать неинтересно, а личного сочинения не берут, то художественная работа, а раз не состоишь в Союзе художников, то на продажу у тебя не берут. А ведь Шантырева и самой мизерной ставкой готова довольствоваться, она и бесплатно, ни на кого обиды не тая, трудится. А почему не принять ее в Союз художников? Разве она не народный мастер? Не народный художник? Гляньте, сколько у нее учеников теперь, последователей! Среди них особые успехи замечены у Татьяны Ершовой, научного сотрудника художественного музея. Вместе с Шантыревой показывала она свою работу в Москве на ВДНХ, участвовали они в выставке «Береста России», в самой Костроме явились героинями праздника ремесел.

Да, завелся и такой праздник. В Ипатьевском опять же. Памятники деревянного зодчества лучшей для этого оказались средой. Оно и логично,

коль одна изба демонстрирует предметы гончарного промысла, а в интерьерах другой показаны стадии ручной работы со льном. Живое по-настоящему экспозиции воздействует, да и не потерять бы мастеров, а то вот слышал я от разных людей сетования и сожаления, что ушел из жизни Павел Алексеевич Иванов, непревзойденный мастер глиняной игрушки и свистульки, а в его деревне не то что учеников, следов сего промысла через год не сыщешь, упустили подхватить... Тем и полезны праздники ремесел, что помогают сберечь: ежегодные, они предполагают не только лицезрение мастеров, но и собственные пробы новичков. Праздник, конечно, обогащает мастеров, придает социального авторитета их занятию. А что до Шантыревой, то у нее собственная галерея появилась в музее — специально для показа ее работ отведено особых художественных достоинств здание. Кто из художников таким похвалится?..

Впрочем, знакомство с мастерами обретает в музее и несколько иную форму: не собирать во множестве, как на парад, а знакомить посетителей с немногими умельцами одного ремесла, то есть проводить «День мастера», чтоб без мелькания и пестроты могли люди взглянуть в конкретное художество. А праздники отменяются? Совсем нет. Внутри них выросло иное, действительно праздничное направление: сперва оно мыслилось сопроводительным расцениванием ремесленного торжества, а нынче сообразно своему успеху требует роста ширь. Хотели поначалу украсить праздник фольклорными номерами, этнографическими сценками, а получился ансамбль «Берегиня», сперва из сотрудников музея, после в состав этот потянулись иные молодые костромичи. Например, общим любимцем стал Саша Калмин, энергетик фанерного комбината, — у него и руки мастера, и актерский талант. Крепнет «Берегиня», и уже в силах и планах разыгрывание целостных обрядов, преданий. Самодеятельному ансамблю теперь подспорьем должно стать причисление под крыло Дворца культуры текстильщиков. Однако, знаем мы прекрасно, оргмеры не панацея, кто-то всякое живое дело зачинает и ведет, и описываемые новшества не исключение — зачинательница их найти нетрудно: Светлана Гусева в отделе народного быта музея-заповедника ведает вопросами духовной культуры. И ей обидно было, что молчат экспонаты, молчат запасники, но ведь в смысле духовном заговорить они могут лишь благодаря людям. Отсюда и праздники, и «Берегиня». Все по строгости, по науке, с соблюдением подлинности, предельной достоверности: не случайно Светлана взялась учиться в аспирантуре Института этнографии. Это подкрепит основательность трактовки источников. Но суть не в одной научности, она и затворенность может порождать; главное, характер правильный, собственные духовно-культурные установки: показателю костромича умным, статным, добрым, ядро национального мироощущения раскрыть в этнографическом, то есть народно-художественном, обличье. Коренные эстетические предпочтения отнюдь не утратили притягательность, пусть как поработают на нас!.. И в названии «Берегиня» заключается для Светланы именно сохранительный смысл. И она умеет находить единомышленников. Таких, как Татьяна Чумаченко. Заниматься фольклором в научно-методическом центре самодеятельности можно ведь по-разному. Областные фольклорные фестивали устраивались в Костроме и прежде, но если держаться серьезности и научности, так проблем здесь без конца. Надо ж все-таки разобраться, где вторичное, где эстрадные переработ-

ки, упрощения, а где именно местный неповторимый фольклор, его и надо поощрять праздниками. И праздники, беспокоится Татьяна, надо иначе проводить, чтобы не горстка почетных гостей все видела, а наивозможное число костромичей и чтоб сами они в праздник тот втянулись.

Установка на самобытность не лишена злободневного смысла. В прошлом году исполнись десять лет костромскому почину — оставаться молодежи в родной деревне. А возник он, как догадываетесь, не от хорошей жизни. Вот материал для размышления: за полвека население Солигаличского района уменьшилось в четыре с половиной раза, а если учесть, что сам Солигалич численность сохраняет, то убыль сельских жителей того заметней; однако в самом дальнем и труднодоступном углу района и области есть Совега, которая этой статистике не поддается. Что есть Совега? Населенная местность, собирательное название для полутора десятков деревень и починок, стоящих тесно или близко друг к другу в кольце лесов и болот. Зато дичи сколько! И вон стоит лес из древовидного можжевельника, нигде такой не водится, раньше из него стойки для оград по деревням ладили, ну, а теперь под охрану взят... Следом же за доводами в пользу местной природы слышу я доводы этнографические: и говорю здесь свой, без оканья, со словами, уже в Солигаличе неизвестными, и песни свои, и плясовая особенная, совеганская... И естественна гордость своим фольклорным ансамблем, в котором люди среднего и молодого поколений, и секретарь комсомольской организации оказывается увлеченной участницей коллектива. Не эта ли особость привлекает (не цепями, а душою) человека к родному углу?.. И не оттого ли не нахвалится фольклорным коллективом молодежи Вохмы, расположенной в еще более дальнем от областного центра углу?..

Центру надлежит сегодня заботиться об этом. Так предметом забот Татьяны Чумаченко, когда сложился в Нерехте ансамбль рожечников, стало: а во что их одеть? Опять без единомышленников не выкрутиться. И за работу берется Лена Медведева. Поднимаются краеведческие материалы, дабы воссоздать местный мужской костюм. Лена — человек в этой тематике не сторонний, по образованию инженер-конструктор швейных изделий, да вот не нашла толкового себе приложения в облшевропроме, командует производственной мастерской при Союзе художников и скачет по любимому делу. А вот для себя на свадьбу шила красный сарафан и для сестриной свадьбы тоже, и в загс народ сбегался на тот наряд смотреть, а то, право слово, чего это все в белое взялись рядиться, старые правила забросили... Старые одежды куда как умны были, лишней раз о том напомнили Лене потребовавшиеся рожечникам порты — крой их таков, что свобода движений бесконечная рядом с джинсами и прочим конфекционным. Одна беда: ни фактурой, ни рисунком продающиеся сегодня ткани не подходят традиционному крою и силуэту. Оттого и фольклорный ансамбль одеть — настоящая головоломка. И это в Костроме? В текстильном-то центре? Пойдем-ка на главный комбинат, предлагаю я Тани и Лене, выясним, что они могут, давайте не вздыхать, а добиваться. Пришли на льнокомбинат, а тамошний главный художник вроде и согласился, что интересно бы дать ткани в народном духе и рисунок набить в том же духе, только вот кто прикажет. Двадцать лет ведет художественную политику комбината, а по сию пору не пробовал, да и на будущее ВИАлегрмом, то есть Всесоюзный институт ассортимента изделий лег-

кой промышленности, продиктовал требуемые мотивы, самому же выходить на художника, где художники решающего слова не имеют, стоит ли... Вроде бы спрос можно прогнозировать безотбойный, схожий импорт по любой цене хватают, и где ж еще выпускать — комбинат едва ли не единственное в стране предприятие по выпуску платьевой набойки, значит, пришли мы по верному адресу, одна задача: кто прикажет? Переносим разговор в технический отдел, начальница которого очень заинтересована предложением. Но... швейники не возьмут, им ткань в народной манере технологически невыгодна, а комбинат на них ориентирован, так что ничего не поделаешь!.. В небольших размерах попробовать? На экспериментальном участке? Можно выделить немного станков и ткачей, но кто из наладчиков станет здесь следить за машинами? Слушая решительные выкладки, я воочию видел, как этой женщине хотелось бы практически поддержать посетительниц, как нравится ей идея и как честь комбината была бы защищена!.. Кто ж прикажет?

Ах да, зачалась эта развернутая

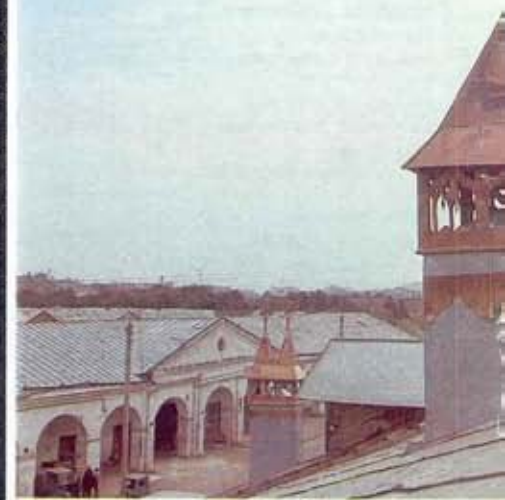
интермедия обсуждением костюмерного содействия нерехтинским рожечникам. Одежда одежкой, но в чем сущность-то, самый сыр-бор? Ну-ка разберемся на месте, что там парни сотворили. А по дороге в Нерехту порассуждаем о роли малых городов, о районных, бывших уездных центрах в их взаимосвязи с центром губернским, ныне областным. К единению земли имеет это самое непосредственное отношение. Отнесемся с должным почтением к этим контактам, к промежуточному звену в нашем взаимодействии города и деревни. Чего ж мимо райцентра скакать? Он передатчик всего лучшего, что на местах рождается, в общую копилку красоты, богатства душевного. И передатчик не бесстрастный, немало добавляющий от себя. Вспомним, как в недавние годы имя Солигалича широко прозвучало, когда вошли в славу полотна Григория Островского, портреты тамошних жителей середины позапрошлого столетия. Творческая самобытность привлекает. Но и еще одно. Ведь заговорили как об открытии. Солигаличанам же не в новинку все было, стоило в 1921 году

образоваться СОКНО (Солигаличскому отделению Костромского научного общества), как в 1923 году открылся краеведческий музей и произведения Островского там демонстрировались. Да, потом, как вы уже догадываетесь, в 1933 году музей закрыли, выставкой достижений заменили, так на четверть века портреты ушли от общения со зрителем. Возродился музей — а краеведение в Солигаличе так и не заглохло — экспозиция налицо. Местные волновались, пока солигаличскую гордость увозили на реставрацию, на всяческие выставки. Ох как бы где не осели по пути домой! Да нет, убедился я, заглянув в музей по пути в Совету, висят на своем законном месте.

Назвал бы другой весьма мне симпатичный костромской райцентр, Кологрив. В чем его связь с областью? Стоит он на Унже, сбегаящей в Волгу,

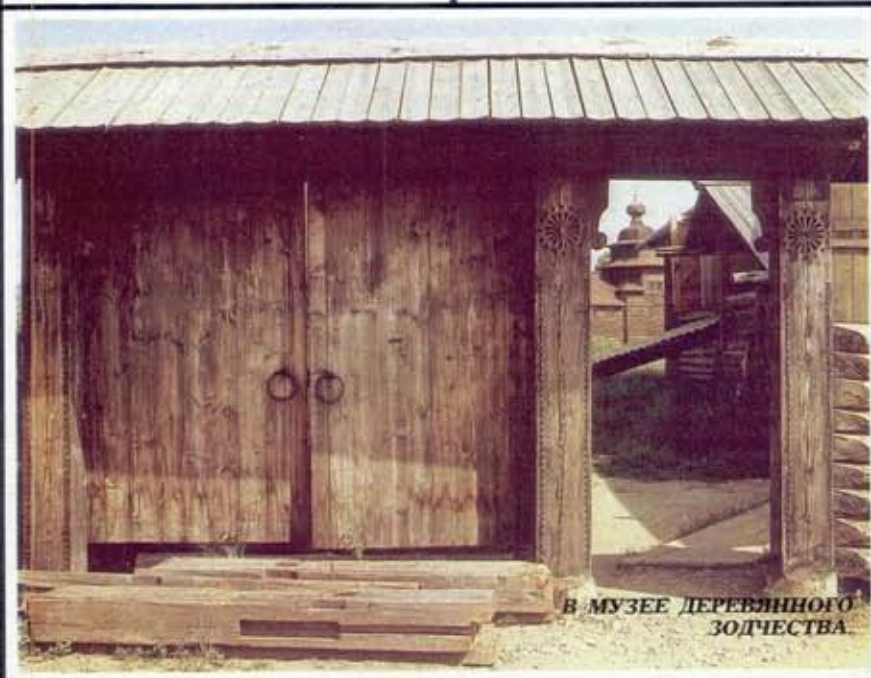
МАСТЕР БЕРЕСТЯНОГО ПЛЕТЕНИЯ ВАЛЕНТИНА ЕВСТИГНЕЕВНА ШАНТЫРЕВА И УЧЕНИЦА ЕЕ ТАТЬЯНА ЕРШОВА — НЕПРЕМЕННОЕ УЧАСТНИЦЫ ПРАЗДНИКА РЕМЕСЕЛ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПОСТРОЙКАМ ВОЗВРАЩАЮТ РЕСТАВРАТОРЫ.

НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ ИСКУСНЫЕ
ГОНЧАРЫ НА ЗДЕШНЕЙ ЗЕМЛЕ.

В МУЗЕЕ ДЕРЕВЯННОГО
ЗОДЧЕСТВА.

и тут свои традиции культуры любопытные, а недавно общее внимание привлекло творческое наследие подкологривского жильца Ефима Честнякова, оригинального и в мышлении, и в искусстве, фресково понимавшего и передававшего действительность, искавшего объединяющие начала человеческого бытия. И наследие это еще предстоит изучать, а созданное и сбереженное всем послужит со временем...

Что же происходит в Нерехте? На рожках в этих местах раньше играли

пастухи. На нынешних фермах рожок вроде как не нужен, но вот своеобразная музыкальная культура осталась в людях, наигрывали в предыдущие десятилетия, а после стало не слышно. Конец рожкам, равно как и барабанкам — доскам с палочками, на которых играли свою музыку пастухи чуть севернее Нерехты? Пастухам не возродить, так взялись за дело музыканты. Профессиональные: саксофонист, трубач, баянист. Обратились за наукой к хранителям рожечного искусства — Павлу Ивановичу Семину,

Ивану Николаевичу Невредимову. Искусство оказалось изощреннейшее, звукоизвлечение хитрейшее, зато сам звук при соблюдении строгих правил получается дивный, певучий и доверительный, стоит потрудиться ради такого. У старых рожечников в углах губ мозоли закладывались на всю жизнь, у молодых участников ансамбля мозолей пока нет, но они не против бы. Все это я узнаю постепенно, найдя в Нерехте Сергея Красильникова и Геннадия Киселева, а они знакомят меня со старшим в квартете; Ананий Васильевич Громов зовется по отчеству — постарше остальных и директор музыкальной школы. Без долгих объяснений он кладет на стол горсть жалеек — сам мастерил. Учил бы детей на рожках, да для тех тяжело, а вот поднастроить жалейку — обучатся. Впрочем, жалейки, так сказать, первое блюдо встречи, потом на свет извлекаются находящиеся в работе рожки, и тенор, и бас. Двух одинаковых инструментов не бывает, ладить надо всякий по-особому, и где дырочки просверлить, и каких очертаний раструб заложить, все пронзительно отзывается при музицировании. Далее я из собеседника превращаюсь в соглядатая, едва успеваю за разговором вокруг инструментов и инструментовки, увлеченно говорят меж собою, пробуют на звук, сбиваются на дальнейшие планы, вроде бы есть еще кандидаты в состав, а в большем оркестре и возможности, в том числе репертуарные, куда как шире.

А оживление в квартете связано еще и с тем, что с успехом на Всемирном фестивале молодежи и студентов выступали. Правду сказать, до

того времени их на руках не носили, кое-кто деревенщиной не советовал увлекаться (к слову, некоторые режиссеры и при фестивальной подготовке косо глядели на лапти, но четверка бодро стерла их на столичном асфальте, концертируя дни и ночи); однако и сочувствующие сыскались, Кострома поддержала, вот и вышли на международные подмошки. На то и город на Волге! Который умеет опираться на землю.

...Среди разговора встает Сергей Красильников, над речушкой деревенской полились звуки рожка, птицы и те примолкли. Далеко летит плавная музыка. И словно под ее мотив уезжаю из Нерехты, не возвращаясь на сей раз в областной центр. Я ж приеду еще и еще в Кострому, чтобы порадоваться городу, людям его даровитым и подлинным, умеющим сберегать жизнь в лучшем виде, какой только возможен при широкой душе, среди широкой земли.

Что нового за месяцы, пока готовился очерк к печати? Ну, на льнокомбинате по нашей теме ничего нового, а вот у Шантыревой берет теперь изделия Художественный фонд, Таня Ершова стала Кочеткова, переехала в Василево, набрала в поселковой школе кружок из пятнадцати детей, учит их берестяному плетению. Громов теперь в ансамбле не участник, а жалейки пустил в новое дело — готовит у себя в школе сверх программы оркестр народной музыки. Рожечный ансамбль насчитывает сегодня шесть музыкантов, Невредимов обещает вскоре присоединиться. А так все живы-здоровы, чего и вам желают.

ГЕОРГИЙ
МАРКОВ:

"ИСКАТЬ ПОЭЗИЮ И ПРАВДУ"

Литературные уроки

Игорь МОТЯШОВ

«С троковы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь», «Грядущему веку»... Художественные образы этих романов прочно вошли в жизнь, стали частью нашего духовного мира. Их создатель, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий Георгий Марков, известен и как автор повестей «Орлы над Хинганом», «Завещание», «Земля Ивана Егорыча», «Тростинка на ветру», «Моя военная пора», рассказов и очерков, литературных и публицистических статей. Многие персонажи марковской прозы «вторую» жизнь на театральной сцене, на экране кино и телевидения. Книги писателя широко переводятся за рубежом.

Георгий Мокевич Марков родился за шесть лет до Великого Октября в сибирской таежной деревне, в семье охотника-промысловика. В Сибири прошли его детство и юность. Там был он на комсомольской и журналистской работе. Там началась и многие годы продолжалась его литературная и общественная деятельность. Закономерно, что все написанное Марковым сюжетно, тематически, проблемно связано с Сибирью — с ее природой и бытом, прошлым и настоящим, с теми человеческими отношениями, которые складываются в ходе «обживания» Сибири, освоения ее природных богатств, развития ее промышленности, земледелия, культуры.

Вместе с тем по своему внутреннему наполнению проза Г. Маркова далеко выходит за «сибирские» рамки. На биографически близком материале писатель сумел показать в зеркале людских судеб движение революции в России с начала века до эпохи развитого социализма. И сделал это с художественной достоверностью, с глубоким проникновением в существо сложнейших социально-исторических процессов, с редкой последовательностью и полнотой. Острое чувство нового, зрелость марксистского диалектического анализа истории и современной автору реальности, страстная коммунистическая партийность делают произведения Г. Маркова близкими миллионам читателей, выдвигают писателя в первые ряды советской литературы.

«Вы мир видите просто и просто о нем пишете... Учите: ничто не имеет столько нераскрытых возмож-

ностей, сколько настоящее чувство художественной простоты», — напутствовал еще совсем молодого Маркова знаменитый автор «Конармии» Исаак Бабель.

Просто, однако, не значит упрощенно. О каждом романе Маркова, о его сложной композиции, тонко разработанной и органично взаимодействующей системе образов можно писать специальные исследования. Здесь все значимо и значительно, все служит выражению замысла, начиная с заглавий. «Строговы», «Отец и сын», «Завещание», «Грядущему веку» — названия настойчиво напоминают, что человеческая жизнь не ограничена датами рождения и смерти; у нее есть прочные корни в прошедшем и должно быть продолжение в будущем. Со страниц марковских книг нам предстает целостный, объемный срез реальности, отображенной в максимальном приближении к диалектике ее неостановимого бытия.

В противовес широко распространенной в последние годы «бездетной» прозе Г. Марков изначально тяготеет к изображению человека в семейных связях. Тема детства, юности, эстафеты поколений — постоянная тема писателя. И корни этого постоянства уходят в биографию Маркова, в родовые традиции взрастившей его семьи, в трудовые и эстетические устои народной жизни. «Самый верный, самый поэтический материал... мне дали впечатления детства и юности, знание жизни родной деревни, ее обитателей», — не раз подчеркивал Марков. У него было три старших брата и пять сестер. Все они рано познали самостоятельный труд. Но не только это делало семью Марковых дружной и сплоченной. Крепче общих забот о хлебе насущном связывали старших и младших в этой крестьянской семье узы любви и взаимного уважения, понимания и доброты.

Вынесенный из отчего дома, из детства и юности идеал семейности Г. Марков последовательно воплощает в своих книгах. Речь прежде всего об устоях моральных, о том, что можно назвать нравственным фундаментом личности. Марков часто показывает изначальные истоки характера, связанные, будто дерево с почвой, со всем укладом жизни семьи: отца и матери, дедов и пращуров.

Дети, подростки, юноши и девушки в книгах Г. Маркова не пассивные соглядатаи дел и страстей взрослых персонажей. Они полноправные участники и творцы окружающей их реальности. Мы видим, как растут, мужают, превращаются в стойких борцов за дело ленинской партии Артемка и Максимики («Стро-

говы»), Алеша Бастрыков («Отец и сын»), Поля Горбачева и младшие Лукьяновы («Сибирь»), Антон Соболев («Грядущему веку»), как взрослеет, прочно утверждаясь в избранном пути, Варя Березкина («Тростинка на ветру»). Мы видим, какую роль играют в их человеческом и гражданском становлении не только близкое им поколение «отцов», но и такие хранители вековой народной мудрости, как дед Фишка, Марей Добролетов, Мамина, Окентий Свободный.

В интервью, данном на исходе 1984 года журналу «Книга и искусство в СССР», Г. Марков напомнил: «В основе коммунизма — мечта о социальной справедливости. Значит, понятие «коммунист» прежде всего нравственное и уже затем политическое. Не все хорошие люди — коммунисты. Но плохой человек не может быть хорошим коммунистом. Любое аморальное, бессовестное действие, какую бы цель оно ни преследовало, сколь бы высокими соображениями ни прикрывалось, по существу есть всегда действие, направленное против коммунизма, в ущерб ему». Выдвигая в своих произведениях на первый план подлинного героя наших дней, коммуниста-ленинца, человека бескомпромиссной идейности и безупречной нравственности, Г. Марков ведет борьбу за чистоту нашей жизни, за торжество в ней высших идеалов и ценностей.

Неверно думать, будто призывы Г. Маркова решать актуальные жизненные проблемы в литературе на позитивном материале как-то ограничивают право и возможности писателя обращаться к анализу отрицательных явлений. Суть этого требования, обращаемого писателем раньше всего к собственному творчеству, касается позиции художника, его понимания правды как закономерной победы положительного в человеке и в жизни. Главный герой книг Маркова тем и значителен, тем и хорош, что активен в созидательном, творческом труде, неутомим и бесстрашен в преодолении недостатков, бескомпромиссен и мужествен в борьбе со злом, требователен к себе и к другим в утверждении новых, коммунистических отношений. Вот эта его гражданственность как в материально-трудовой сфере, так и в области духа, идей, нравственности и есть **позитивный материал**, который дает писателю наша советская действительность.

Не говорю уже о таких вещах, как «Строговы», «Отец и сын», «Орлы над Хинганом», «Моя военная пора», где положительным персонажам противопоставлен классовый враг, а схватка со злом ведется не

на жизнь, а на смерть в самом буквальном значении этих слов. В романе «Соль земли» геолог Краюхин, охотник Лисицын, лесобездчик Чернышев, комсомольский работник Татаренко не воспринимались бы нами как живые, из жизни выхваченные характеры, не проявившие они в столкновении с районными руководителями Пуговкиным, Черевановым, Терновым—этими общественно опасными в своей беспринципности и безответственности носителями бюрократического чиновничьего сознания, трусливо-холуйского по отношению к вышестоящему начальству, нелепо амбициозного и нагло-агрессивного в отношении тех, кого это сознание полагает ниже себя.

А ведь такого рода столкновения происходят в романах и повестях Г. Маркова не только на районном уровне. В той же «Соли земли» заведующему отделом обкома Максиму Строгову, крупному ученому-экономисту Андрею Зотову, профессору Рослову противостоят первый секретарь обкома Ефремов, директор крупного НИИ Водомеров, карьерист от науки Бенедиктин.

Хотя в опубликованных частях романа «Грядущему веку» образ умершего предшественника Антона Соболева на посту первого секретаря обкома партии Полосухина возникает лишь в отдельных репликах персонажей, в прежние годы с Полосухиным работавших, Соболев как партийный деятель, наиболее полно отвечающий социальным, политическим, идеологическим и экономическим реалиям наших дней, раскрывается ярче всего во внутреннем, подчас весьма напряженном и решительном противодействии полосухинскому наследию, полосухинским методами руководить людьми, решать выдвигаемые жизнью проблемы.

Конечно, конфликт Соболева с олицетворяемым покойным Полосухиным стилем работы и мышлением много сложнее, нежели конфликт Краюхина с Бенедиктиным или Черевановым. Хотя бы уже оттого, что Полосухин—личность, тогда как Череванов и Бенедиктин—одолеваемые манией величия ничтожества. Они подлы, так сказать, изначально, потому что их нравственное самосознание пребывает на пещерном уровне. Полосухин субъективно честен. Его нравственная недостаточность—отражение породившего его времени.

Он просто не берет в душу: не допускает до своего сознания хотя бы малейшего сомнения в целесообразности строительства исполнинского комбината на заповедном Зеленом Мысу, хотя этот лесной массив не только излюбленное место отдыха жителей областного центра, но и «легкие» промышленного Синегорска. Из Москвы, убежден Полосухин, виднее, где и что надо строить. Он ясно понимает, что застройка Зеленого Мыса не в интересах горожан, но раз и навсегда зарубил в голове: интересы меньшинства должны приноситься в жертву государственной выгоде.

Но почему нужно жертвовать Зеленым Мысом, а не пойти на дополнительные расходы, чтобы и комбинат построить, и природу в городской черте сохранить? Почему, отдавая все силы выполнению задач первоочередной государственной необходимости, надо годами отмахиваться от «незапланированной» инициативы пекаря-умельца Пташкина, предлагающего рецепт нечестерствующих пряников и хлеба, от хлопот, связанных со строительством фаянсового завода на базе местного глиняного месторождения, от размещения в Синегорске филиала Кардиологического центра или от рекомендаций руководителей одного из таежных районов области, как предотвратить опустошительный отток населения в промышленно развивающийся соседний район?

Совесть, диктующая коммунисту единственно возможную норму поведения, не есть отвлеченное понятие и для Ивана Егоровича Крылова («Земля Ивана Егоровича»), который, будучи четырнадцать лет первым секретарем райкома партии, так и не улучшил своего весьма скромного жилища. «Вот, Зина,—не раз говорил он жене,—переселим всех специалистов и механизаторов в новые каменные дома, и тогда до нас дойдет черед. Ведь не так уж плохо мы живем. Многие живут хуже».

Умерла в старом, неблагоустроенном доме Зина Крылова, сорок лет проработавшая школьной учительницей. Ушел по состоянию здоровья на пенсию Иван Егорович. Но разве он жалеет, что не воспользовался своими секретарскими возможностями для личного благоустройства? Разве незапятнанность совести не обеспечила ему самого главного условия душевного равновесия и счастья—уважения людей?

Как показывает Марков, людям, которые пользуются доверенной им властью с величайшей щепетильностью, со всей партийной ответственностью—исключительно в интересах общества,—не только на стороне, но нередко и в кругу сослуживцев, даже в собственной семье приходится встречаться с непониманием, недоверием, циничными усмешками, а порой и прямым противодействием. Даже комсомолка конца 70-х годов Варя Березкина («Тростинка на ветру») то ли в шутку, то ли всерьез упрекает Кондратьева:

«Идеалист ты, Валера! Такие, как ты, в двадцатые годы жили... Теперь другое время—все рвут, все приобретают...»

Да, время теперь действительно другое. Лучше мы стали жить: богаче, сытнее, комфортнее. Но так ли безобидны оживающие иной раз на почве материального достатка потребительские инстинкты? И разве верно, будто все рвут, все приобретают? Не тем ли, в частности, и объясняется живучесть обывательски-мещанской потребительской психологии, что ее бездуховные носители пытаются обратиться в свою веру каждого, всех убедить в абсолютности якобы неподвластных времени и обстоятельствам истин «Своя рубашка ближе к телу» и «Кто смел, тот два съел»?

В первой книге романа «Грядущему веку» есть абзац, заключающий зерно вероятного спора в семье Соболевых, подобного тому, что вспыхивает в «Тростинке на ветру» между Кондратьевым и его женой Надей из-за непоступления Вари в институт. В романе речь о том, как покупает нужные ей вещи жена Антона Лена, которая до того, как приехать к мужу в Синегорск, работает в своем родном Ромашкине. Для нее, как сказано в романе, «было предостаточно» и того, что продавалось «в Ромашкине в магазине Центросоюза»,—по той простой причине, что «уж кому-кому, а ей, главному агроному колхоза, красивой женщине, к тому же жене бывшего дипломата, а ныне первого секретаря обкома, с готовностью предлагали все, что хранилось на особой полке, так сказать в «директорском фонде».

Конечно, Антон Соболев об этом едва ли догадывается: он только начинает вникать в дела области, а о туалете жены в эту насыщенную новыми для него заботами пору жизни не задумывается хотя бы потому, что «в свое время чего только не подарил ей, вернувшись из-за границы». Однако логика характера Соболева, утверждаемый им в области стиль работы неизбежно ведут к тому, что в областной торговле раз и навсегда будут ликвидированы так называемые «особые полки», подприлавочные «директорские фонды»—эти очаги социальной несправедливости в сфере распределения, источники спекулятивных махинаций и других злоупотреблений. И если Лена сама не откажется от особых услуг торговых работников, скорее всего, Соболеву придется напомнить ей, что далеко не бескорыстно это внимание к жене первого секретаря обкома, что в 99 случаях из 100 оно лишь предлог для «легализации» припрятанного от покупателя «дефицита», как бы аванс за высокое покровительство, которое может понадобиться махинатору в будущем, в сущности, скрытая взятка.

Роман еще не завершён, и Соболеву предстоит не только ломка многих утвердившихся при его предшественнике порядков и привычек, но и нелегкая, упорная борьба с противодействием тех, кто, как заведующий отделом культуры обкома Пугачев, на словах поддерживая новое, на деле будет стремиться жить и работать по-старому. Во второй книге романа, первая часть которой опубликована в начале 1986 года, перед Соболевым с особой остротой встанут вопросы кадровой политики. И решает их герой романа так, как подсказывает время, уповая более всего не на хирургические методы смещения и замены, а на воспитание, психологическую перестройку работников всех рангов и уровней.

Ученый-экономист, отлично разбирающийся в современной технике, в международной политике и торговле, свободно владеющий несколькими европейскими языками, основательно знающий историю, географию, ресурсы и хозяйство родного Синегорья, человек, пылливо вникающий во все стороны руководимой им области, много читающий и думающий, не боящийся посмотреть в глаза правде, Соболев не одинокий рыцарь справедливости. У него единомышленники в Москве—в Академии наук, в министерствах, в Центральном Комитете КПСС. В своей работе он опирается на людей умных, талантливых, творческих, инициативных—таких, как токарь Платонов, пекарь Пташкин, геолог Софронников, академик Никандров, писатель Угрюмов-Вьюжный, врач Бархатов, на лучших, истинных представителей трудового народа, которых, если заботиться не о «честь мундира», а о реальном улучшении положения вещей, можно найти в любой профессии, в любом месте нашей страны, ибо щедря родная земля на людскую талантливость и душевность, на энергию, стремящуюся творить добро. И нужны лишь талантливые организаторы, как Соболев, способные высвободить эту неисчерпаемую энергию человеческих душ, дать ей простор, включить ее в созидательную работу страны.

Одна из существеннейших характеристик партийного руководителя наших дней—гармоничность личности. Антон Соболев не знает разлада между служебным долгом и совестью. Именно благодаря гармоничности душевного склада, обусловленной внутренней наполненностью, богатством духовным, доводы разума не вступают у Соболева в конфликт с велениями сердца. Он счастливый человек, потому что в любых ситуациях, вступая в отношения с людьми, остается

РЕКОМЕНДУЕМ
МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ
КНИГИ ГЕОРГИЯ МАРКОВА

- Орлы над Хинганом. Повесть. М., ДОСААФ, 1977.
Земля Ивана Егоровича. М., «Молодая гвардия», 1978.
Моя военная пора. Повести, рассказы. М., Воениздат, 1980.
К юности. Публицистика. М., «Молодая гвардия», 1980.
Отец и сын. Роман. М., «Советский писатель», 1980.
Завещание. Повести, рассказ. М., «Советский писатель», 1981.
Сибирь. Роман. М., «Художественная литература», 1981.
Соль земли. Роман. М., «Советская Россия», 1981.
Грядущему веку. Роман. М., «Молодая гвардия», 1983.

самим собой, не испытывает ни малейшей нужды в маске, в лукавом сокрытии истины. Гласность, полная откровенность, критика и самокритика невзирая на лица—не противники его, а самые верные и надежные союзники. Ему нечего таить от людей.

И люди для него не лишены лица и индивидуальности «масса». Каждый отдельный человек во всех его ипостасях—в труде, в быту и наедине со своими мыслями, желаниями, чувствами—представляет в глазах Соболева невосполнимую и необходимую частицу общего понятия «народ». Вот почему весьма существенными видятся ему разные бытовые неурядицы и семейные драмы. Ибо нельзя провозглашать коммунистические лозунги и при этом не бороться самым решительным образом со всем, что мешает людям нормально жить и работать.

Роман Г. Маркова «Грядущему веку» действительно вторгается в жизнь. Он участвует в сегодняшних дискуссиях о наиболее эффективных путях социально-экономического ускорения. Он убедительно, во всеоружии таких весомых аргументов, как художественный образ, ратует за мир, за подлинную разрядку в международных отношениях. Он весь пронизан тревожной думой о завтрашнем дне Земли, заботой о предотвращении не только всемирной ядерной катастрофы, но и не столь, может быть, очевидной, медленно наползающей катастрофы экологической, которая, однако, весьма реальна, если человечество в целом, каждая страна и каждый человек в отдельности не осознают в полной мере своей ответственности за сохранность и умножение природных богатств и всего живого в мире.

Роман-исследование, роман-раздумье, роман-предупреждение, роман-предвидение еще раз подтвердил ту истину, что литература социалистического реализма способна не только правдиво отражать жизнь, но и в определенной мере опережать события, предвидеть их поступательный ход.

Недавней книге своих размышлений о литературе, о труде художника слова Г. Марков дал заглавие «В поисках поэзии и правды»—по названию давнего, в начале шестидесятых годов написанного им очерка. Поисками поэзии и правды одухотворена вся полувекковая писательская деятельность Георгия Маркова—романиста, драматурга, рассказчика, публициста, славящего мужество молодого дерзания и добрую мудрость старости, подвиг трудовой самоотдачи и верность в любви и дружбе, нетленную красоту человеческого деяния.

Валерий БАЗАЕВ,
искусствовед Ашхабадского
Дома моделей одежды

Как найти гармоничное сочетание многовековых национальных традиций и стремительных линий сегодняшнего дня в искусстве одежды? Это заботит художников Ашхабадского Дома моделей, опирающихся в своем творчестве на богатый опыт мастеров прошлого.

Длинное туркменское платье и свободной формы халат могут, оказывается, органично войти в арсенал интернациональной молодежной моды, расширить его. Жилеты самых разнообразных форм и силуэтов, блузоны с капюшонами, брюки типа бананов и свободных форм — всем этим вполне современным изделиям ашхабадские художники стремятся придать национальные черты. Яркие цветовые акценты, порой очень контрастные, постоянно присутствуют в их разработках. Ткани используются чаще всего традиционные.

Тесные творческие связи сложились у наших дизайнеров с художниками Чарджоуского шелкового комбината. Результатом этого сотрудничества становится рождение новых цветовых гамм и рисунков с использованием национального орнамента на шелковых тканях.

**Молодежная
мода**

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

ЭТИ
ВАРИАНТЫ
ОДЕЖДЫ
РАЗРАБОТАНЫ
ГЛАВНЫМ
ХУДОЖЕСТВЕННЫМ
РУКОВОДИТЕЛЕМ
АШХАБАДСКОГО
ДОМА МОДЕЛЕЙ
НИКОЛАЕМ
БОРОНОВЫМ.

**МОТИВЫ
ВЕКОВ**

Береги здоровье смолоду

ДЕТИ ВОДЫ

СРЫМОВ-МАРЬЯМ

Фото Александра ШОГИНА

М

ы все меньше удивляемся, увидев купающихся людей в проруби. Не редкость уже и маленькие «моржата», не уступающие ни в чем взрослым. Больше того, в Москве уже есть клуб маленьких «моржей» под названием «Здоровая семья», а в Ленинграде такой же клуб называется «Невские моржата».

А теперь приготовьтесь поверить в еще одну фантастическую быль.

Только что закончились роды и на свет появился новый человек. Глаза мамы сияют от радости и счастья этой первой встречи. Что же здесь необычного? А то, что роды проходили в воде. И первое, что увидела мама, — это своего малыша, который плывет! Именно плывет. Он не просто пребывает первые несколько минут жизни под водой, он делает ручками и ножками движения, очень похожие на стиль «брасс». Он просто и естественно делает то, чему ребята постарше да и многие

взрослые специально учатся. «Это еще не совсем плавание, — скажут скептики, — это скорее ныряние, причем с аквалангом». Не будем спешить с выводами. Вот малыша поднимают из воды и он делает первый вздох. Кстати, разница между пребыванием малыша в воде и пребыванием в водной среде материнского «аквариума» заключается только в пространстве.

Неизвестно, кто и когда основал движение «моржей». Но известно имя человека, выдвинувшего целый ряд смелых гипотез о роли водной среды в жизни человека и впервые реализовавшего многие из них. Это наш соотечественник ученый Игорь Борисович Чарковский. Начало экспериментов было положено Чарковским в 60-х годах. Совпадение: первый человек полетел в космос и первый человек родился в воде именно в нашей стране и практически в одно и то же время. Кажется, что и для самого Игоря Борисовича аналогия океана и космоса не случайна.

ЭТОМУ МАЛЫШУ НЕТ И ЧЕТЫРЕХ МЕСЯЦЕВ, НО ОН СВОБОДНО ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОД ВОДОЙ. ХОДИТ ПО СУШЕ БЕЗ ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ, ПРАКТИЧЕСКИ НЕ БОЛЕЕТ.

Итак, родился человек! Понаблюдаем за ним дальше. Теперь малыша надо научить правильно дышать в воде. Можно пойти по простому пути — научить его сначала лежать на воде лицом вниз. Но вот ему захотелось рассмотреть что-то в воде, достать со дна игрушку, а для этого надо нырять и плавать. И тут взрослые вновь приходят на помощь, малыша подстраховывают, поощряют его, корректируют его движения. Несколько таких уроков, и малыш самостоятельно ныряет, вовремя задерживая дыхание, плавает лицом вниз, спит в воде!

Да, да, спит. Ребенок спокойно лежит на воде лицом вниз и периодически (рефлекторно) сам, когда это необходимо, поворачивает голову набок для вдоха.

Он делает то, что не смогут сделать ни его мама (которая прекрасно плавает), ни даже его помощник — врач. Теперь они сами могут учиться у него, если, конечно, захотят...

Маленький «человек-дельфин» делает то, что не под силу самому «человеку-амфибии» Жаку Майло.

В чем же дело? Водное пространство и пространство космическое освобождают человека от силы тяжести и придают ему невесомость.

Согласно идеям Чарковского, при обычных родах резкое «обретение» телом новорожденного веса при переходе из водной среды в материнском «аквариуме» на воздух создает эффект «гравитационного удара». При этом не исключено травмирование и без того слабой психики ребенка, разрушение некоторых еще очень тонких механизмов нервной системы. При родах в воде гравитационный удар исключен. Пребывание в воде дает возможность свободного движения во всех трех «измерениях» (как говорят ученые). Это значит, что для новорожденного — такого беспомощного в своих попытках двигаться «на суше» — создаются оптимальные условия для активного и свободного движения в пространстве, чего лишен в обычных условиях и взрослый человек. И очень важно иметь такую возможность с самого рождения, когда активно формируется «фундамент» детской психики.

Уже сейчас в пользу воспитания детей в условиях водной среды говорит такой фактор. Плавая с первых минут жизни, ребенок благодаря более интенсивному потреблению кислорода быстрее развивается умственно. Еще 40 лет назад известный английский физиолог Баркрофт установил, что организм материнского плода потребляет в 3—4 раза меньше кислорода, чем новорожденный. Долгое время этот феномен оставался необъяснимым. Дело, как выяснилось позже, в том, что в период внутриутробного развития плод находится в водной среде во взвешенном состоянии, близком состоянию невесомости. Новорожденные же попадают в условия, где действие сил гравитации проявляется в полной мере. Это и является, с точки зрения Чарковского, причиной, которая вызывает у них резкое повышение потребления кислорода. Ведь организм вынужден бороться с гравитацией, и эта борьба отнимает у новорожденного все физические ресурсы, которые предназначены для его развития.

Водная же среда, как известно, благоприятно действует на внешние рецепторы, усиливает кровообращение и тем самым способствует лучшему обмену веществ. Причем в равной степени это относится и к матери, и к ребенку. Так что с любой точки зрения роды в воде являются наиболее легким и естественным переходом от водного (внутриутробного) существования к земному. Так и возник всем хорошо известный лозунг Чарковского «Плывать раньше, чем ходить!»

Сегодня роды в воде уже не редки. Но и сейчас они требуют тщательной подготовки. Надо признать, что в организационном плане освоение водной среды пока не на высоком уровне. Нет специальной клиники, даже лаборатории, которые занимались бы этими проблемами. Тому же Чарковскому приходится экспериментировать едва ли не на общественных началах.

Первые клиники, в которых принимают роды в воде, уже появились во Франции, в Новой Зеландии, в Бельгии, ФРГ; готовится к открытию экспериментальный центр в США. Причем там во многом заимствуют опыт советского ученого Игоря Чарковского, почетного доктора Калифорнийского университета.

Энтузиазм хорош, но до определенных пределов. Давно пора придать экспериментам государственную научную основу, создать необходимую базу. Ведь речь идет о здоровье миллионов маленьких граждан.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Возможно, что в методике воспитания новорожденных, разработанной И. Б. Чарковским, есть спорные моменты. Но, думается, только Министерство здравоохранения может определить действительную ценность работы исследователя. И если она прогрессивна — дать ей ход.

Мы надеемся, что Минздрав найдет возможность сообщить читателям свое мнение.

Сыграть бы Андрею Ташкову — русоголовому, голубоглазому, статному — в старой русской сказке. Он ведь и сам себя прозвал на манер сказочного героя: «Мальчик-Колокольчик из города Динь-Динь». Запало ему в память это забавное имя то ли из книги, прочитанной когда-то в детстве, то ли услышан в мультфильме. Произносит Андрей свое «Мальчик-Колокольчик» иронически: ирония вообще отличительная его черта, точнее, самоирония, признак несомненной силы характера, позволяющей человеку прийти к трезвой самооценке. Он уходит от высоких слов и ненужных восторгов по поводу преданности своему актерскому делу, которому в действительности служит верно и даже влюбленно. Разве не свидетельствует о том его биография, пусть и укладывается она сегодня в несколько ролей...

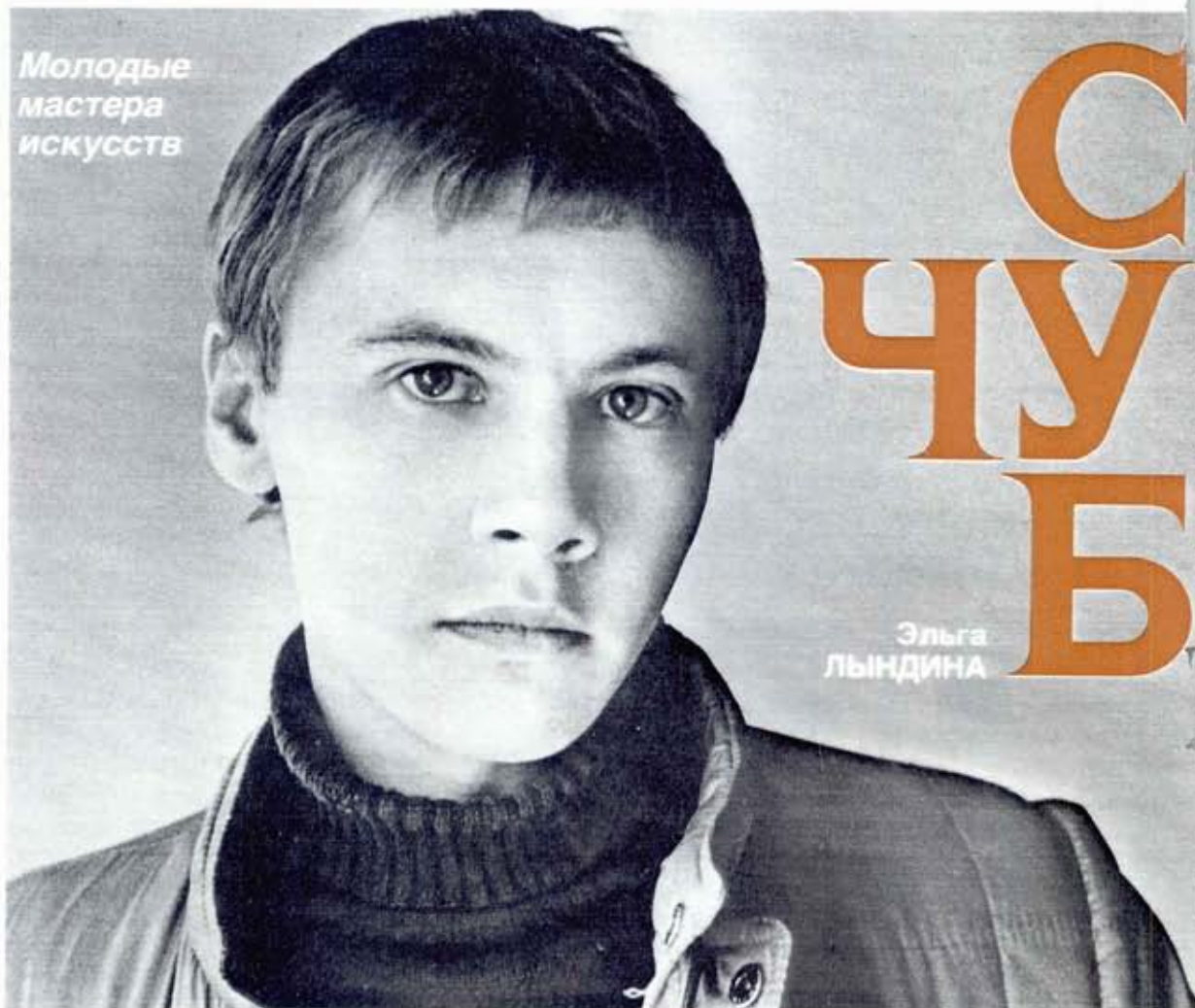
Между тем актером и актером, несомненно, талан-

Своим действенным, непримиримым к любому компромиссу, романтическим мироотношением всего более и запомнился зрителям начинающий актер Андрей Ташков.

Ташков родился в кинематографической семье. Его мать — актриса и певица Екатерина Савинова, всем нам памятная Фрося из картины «Приходите завтра». Отец — режиссер Евгений Ташков. Среди самых первых встреч Андрея с кинематографом — короткое пребывание на съемках фильма «Адьютант его превосходительства», снятого отцом. Разумеется, и в семейных корнях следует искать ответ на вопрос, что привело Андрея на вступительные экзамены в театральное училище имени Щукина. Вместе с тем кинематографическое окружение с детских лет открывало Андрею сложности актерского пути и воспитало в нем требовательность по отношению прежде всего к самому себе.

После съемок в «Сыщике» с ним могла бы повто-

Молодые мастера искусств

С
ЧУ
Б

Эльга
ЛЫНДИНА

рительным зрители и критики назвали его уже после второй кинороли — сержанта Жени Кулика в фильме «Сыщик». В бесконечном потоке приключенческих лент, где сыщик-супермен изначально обречен на успех в схватке с недалеким и трусливым преступником, юный сержант милиции, сыгранный Ташковым, не просто запомнился или даже выделялся «лица необщим выраженьем». Это был живой, непосредственный и предельно искренний в каждом своем душевном движении паренек, чья наивность делала его одновременно чуточку нелепым, но и на редкость притягательным. А когда позже оказывалось, что чистые и ясные представления о мире этого нелепого мальчика были с идеальной полнотой реализованы им в жизни, в ситуации острой и крайне опасной, те же зрители, несколько снисходительно улыбавшиеся в ответ на детские мечтания Жени о подвиге, с уважением и гордостью осознали, что перед ними человек, чьи идеалы ни в чем не расходятся с поступками, что и было стержнем в решении образа Кулика юным Андреем Ташковым.

Он и вправду довольно смешон, этот мальчик, который усматривает в случайной краже действия опытной шайки. Энтузиазм буквально распирает его — отсюда эти решительные и неуклюжие жесты, петушиная, исполненная ребяческого достоинства манера держаться с начальством, его детские обиды, которые мгновенно отражаются на подвижном лице и туманят ясные голубые глаза.

Ташков исподволь, но очень направленно разрушает стереотип героя приключенческой ленты, того, что «пришел, увидел, победил». Пройдет совсем немного времени, и человек, восторженный Кулик совершит подвиг, задержав один на один опаснейшего преступника.

рительная ситуация, известная по другим актерским биографиям. Успех открывает дебютантам широкую дорогу, но одновременно чреват и самоповторами, многочисленными клише былого успеха, когда природный талант сам изживает себя. Нужны немалая воля и глубочайшее уважение к профессии, чтобы не поддаться искусству дешевой славы. Андрей Ташков обнаружил в себе эти качества, когда после роли Кулика одно за другим возникали предложения режиссеров сниматься в аналогичной, по существу, роли. Серия прочитанных сценариев Андрея настораживала — копировать Кулика он решительно отказывался, ожидая героя, который бы заставил его искать новые краски и новые ресурсы.

...Писатель Вячеслав Кондратьев пришел в литературу рассказом «Сашка» — рассказом о поколении, опаленном войной. Соглашаясь сниматься в фильмецранизации рассказа Кондратьева, Андрей Ташков обращался не просто к незаживающей памяти народной. Он еще и протягивал нить, которая исторически связывала его ровесников с их отцами и дедами, солдатами Великой Отечественной. Рассказывая о времени, в котором он не жил, актер искал то главное, что помогло советским людям выстоять в страшной битве, то, чем и сегодня жив дух народа.

Ташков играет молодого солдата Сашку, деревенского парня, которому трудно жить на войне. Не потому, что жизнь его ежесекундно подвергается риску — это он воспринимает как свой прямой солдатский долг. Трудно оттого, что все, связанное с войной — кровь, смерть, гибель товарищей, искалеченная земля, что стелется вокруг, — противоестественно мироощущению и натуре его. Человек рожден для жизни, мирной и доброй, — это солдат России впитал с молоком матери...

История Сашки складывается из его фронтовых встреч и разлук, мгновенных обретений и потерь. Из коротких фрагментов, зачастую резко оборванных эпизодов.

Сашка берет в плен молодого немца — до сих пор он никогда не видел так близко врага. Смотрит на рослого, глазастого парня и чувствует его тайный испуг, смотрит на своего сверстника и пытается понять, кем же был этот парень до того, как взял в руки оружие? Сашка мучительно добирается до тех крупиц добра, которые, возможно, сохранились в душе пленного. Добирается, осознавая, что перед ним, в сущности, обманутый мальчишка, сохранивший свое специфическое представление о солдатской чести. Сашка не может не помочь немцу сохранить жизнь — обещает ему не только от самого себя: так написано в листовке, которую с силой тычет в лицо пленному. Обещано это от имени Сашкиной страны. «Товарищ капитан! Я же ему жизнь обещал сохранить!

ВОЯ ЖАЯ ОЛЬ

Товарищ капитан, я ему листовку нашу показывал!» — кричит, молит, протестует Сашка, наделенный врожденной нравственностью и точной реакцией на несправедливость в ее разных обличьях. В ответ комбат велит Сашке расстрелять пленного. Эмоциональный накал игры, острота и темперамент актерской природы Ташкова передают нестерпимую боль. Сцена обретает трагическое звучание, и на расстрел Сашка ведет пленного так, будто приговорили его самого. Одно дело для него — открытый бой с врагом, но как выстрелить в стоящего перед тобой безоружного человека? Того, кому ты обещал жизнь?..

Пластически Ташков рассказывает о герое больше, чем если бы дано было ему говорить: ладная, крепкая фигура Сашки терпит солдатскую выправку, он тяжело переставляет ноги, опали плечи. Нельзя не выполнить приказ командира, но невозможно и выполнить его. Два этих противоборствующих начала живут в душе Сашки, и каждый шаг дается ему с неимоверным трудом. А когда приказ все же будет отменен и разрыдается немец, Сашка тоже заплачет, всячески пытаясь скрыть слезы: негоже солдату плакать! Но он плачет тяжелыми слезами, понемногу успокаиваясь, осознавая, что не дал рухнуть вере другого человека, пусть врага, в справедливость своего народа.

Ролью Сашки Ташков на практике подтвердил один из основных своих профессиональных принципов: не повторяться, не останавливаться, всякий раз искать себя — иного.

Окончив училище, он проработал год в Малом театре и перешел затем в Центральный Академический театр Советской Армии, где сразу же оказался довольно плотно занят в репертуаре. В то время он и сыграл Сашку, сыграл других солдат — уже на сцене. Сыграл и Павла в спектакле «Старик», поставленном по пьесе Горького Юрием Ереминым, еще раз уходя от характера, знакомого зрителям по предыдущим работам. Совестьливый, отзывчивый, всем своим душевным складом отрицающий жестокость, Андрей Ташков оказывается совершенно иным, создавая образ Павла. Внешне он вроде бы все тот же «Мальчик-Колокольчик», что даже подчеркнуто его несколько пастушеским костюмом, белыми и голубыми тонами одежды. Но как холодны его глаза! Бурявниками они вливаются в лицо каждого, с кем Павлу приходится общаться, они прощупывают, пронизывают человека, выискивая в нем слабости, которыми Павел немедленно воспользуется и нанесет удар. Он напоминает охотника, все время ищущего добычу, — отсюда напирание, прыгающая в зажатых губах папираса, страстное подслушивание, подглядывание... Павел не

пожалует никого, будь то и самый близкий человек. Впрочем, подлинной близости у него и нет с людьми. Все они только фигуры в его жестокой игре и борьбе.

Однако Ташкову недостаточно сыграть просто хищного, жадного и озлобленного волчка: он способен сострадать даже нравственно изуродованному Павлу, открывая духовный оазис этого одинокого звереныша, его тоску по прекрасному. Павел тайно, по-детски влюблен в красивую, жизнерадостную, умную подругу своего отчима. Это и юношеская первая страсть, и желание вверить свою душу сильному, чуткому человеку, который — может же так случиться! — полюбит его...

Несклонный в принципе к анализу своих работ, о роли Павла Ташков обмолвился так: роль пунктирная. В его коротком определении кроется двойной смысл. Оно относится не только к работе над пьесой Горького. В словах Андрея ощутима и общая его устремленность к постижению сложности человеческого характера, многообразия его проявлений, боязнь однозначного восприятия мира. В малопривлекательном, мрачноватом образе Павла Андрей Ташков стремится найти хоть крохи сохранившейся человечности — в этом прямая связь поиска актера с традициями русского искусства, русской литературы. Сострадание, сочувствие — этим жили наши художники. Этим существовали герои Достоевского — любимые его герои.

...Приступая к работе над телевизионной версией романа Достоевского «Подросток», постановщик фильма Евгений Ташков писал об одном из главных героев, Аркадии Долгоруком: «Это наивное сердце... Он не потерял способности удивляться... Роль подростка в фильме будет играть Андрей Ташков. Многие я в нем вижу, многое предстоит еще найти в процессе работы».

Режиссер тем самым принимал на себя двойную ответственность: человеческую и художественную. Он рисковал актерской судьбой сына, которая началась так интересно и обещающе. Он рисковал и будущим своей картины, идею создания которой вынашивал много лет. Пафос страстной мысли Достоевского во многом сосредоточен в образе подростка Аркадия Долгорукого. После решения занять Андрея в этой сложной роли требовательность Ташкова-старшего по отношению к сыну должна была многократно вырасти. Он хорошо знал потенциальные возможности молодого актера, проявленные им в прежних ролях в кино и в театре.

В центре художественных открытий Достоевского — человек как вместилище сложных, противоречивых стремлений. Диалектика души для него не просто единство противоположных желаний и мечтаний, но единоборство крайностей в полярных друг другу состояниях. Двадцатилетний Аркадий Долгорукий по возрасту, по определенным своим жизненным запросам уже далеко не подросток. Но писатель, разумеется, не случайно именно так определяет его суть: Аркадий инфантилен в поступках, в душевных движениях. Детская импульсивность делает его в глазах окружающих смешным, нелепым. Его откровенность, истинность часто раздражают людей, мешают привычной, удобной фальши их обычного существования. «Дурак!» — нередко бросают в лицо Аркадию, а он растерянно смотрит на произнесшего это слово, не понимая, отчего его самые чистые побуждения и поступки оборачиваются столь странным образом для них и для него самого.

Мир взрослых, измученных собою и другими людьми, изстерзанных темной накипью собственных душ, в общем чужд ему. Но только такие рамки оказались бы узки для героя картины по Достоевскому. Трагические прозрения и открытия раскрывают мир Аркадия. Он мечется, впадает из крайности в крайность. В эти минуты сокровенное просится наружу, бурлит, шумно выплескивается, обрушивается на других. В спорах, ссорах, семейных скандалах Аркадий Андрея Ташкова стремится к «роковой минуте», когда до конца обнажается сущность переживания героя, его боли и страдания, которыми Достоевский поверял человека.

Ташков не стремится акцентировать перемены в состоянии Аркадия внешне, какими-то резкими штрихами, манерой держаться, способом общения с разными людьми — близкими и далекими ему. Но этот нервный, раздражающе светлый, раздвиганный мальчик вдруг начинает иначе вглядываться в тех, с кем его свела судьба. Уходит его эгоистическая уверенность в собственной правоте. Он не стал мягче, теплее, нет... Только в голосе уже нет прежней жестокости — намеренной, ему совсем не присущей. Живая боль прорывается в объяснении с матерью, с отцом короткими сполохами. Страдание других обижает его. Эту способность актера Ташкова — передать чувства человека, способного принять чужую боль как собственную, — хорошо знал режиссер Ташков, и видел в такой способности подлинное нравственное и творческое обеспечение роли Аркадия Долгорукого.

...Шесть вечеров телезрители приходили на встречу с героями телесериала «Подросток». Шесть вечеров перед ними разворачивались судьбы людей,

раздираемых горчайшими и тяжелейшими противоречиями. И судьбы эти, особенно Аркадия Долгорукова, в чем-то пересекались с болеевыми точками современности, с нашими нынешними духовными исканиями. Власть денег, сила денег, унижительность и по-своему могучая эта сила, — проблема, которой и сегодня заняты людские умы, которой так часто поверяется сила духа и самоценность человека, его нравственность и гуманность.

Через два года после съемок в «Подростке» Андрей Ташков сыграл князя Мышкина в инсценировке романа «Идиот» на сцене Центрального Академического театра Советской Армии. После работы в «Подростке» Андрей ни разу не появился на экране. Он продолжал отказываться от проходных сценариев и незначительных ролей.

Вероятно, впервые в нашей памяти роль Мышкина была сыграна актером — ровесником двадцатилетнего героя Достоевского. Эта молодость, подлинная молодость Мышкина, оказывается чрезвычайно важным моментом в том, каким предстает он в спектакле, поставленном Юрием Ереминым. Андрей Ташков выходит на сцену с драгоценным чувством ранее прожитой его героем жизни. Первыми фразами, произнесенными неожиданно твердо, с силой, с глубочайшим осознанием происходящего, опрокидываются прежние, привычные представления зрителей о герое романа, о Мышкине, живущем в некоем идеальном мире, с наивным ужасом отстраняющемся от реалий. Ломая каноны, Ташков поначалу настораживает: кажется, слишком много в нем жизненной силы, слишком прочно он стоит на земле... Но по мере развития действия все более четко, настойчиво проступает мысль актера о гибели ясного духом и чистого человека в мире зла и жестоких житейских расчетов, исполненном тайного и явного недоброжелательства ко всем и ко всему.

Искренность всегда жила в героях Андрея Ташкова. В спектакле «Идиот» эта искренность пронзительна, окрашена болью. Он говорит людям о том, что они есть в действительности, обращаясь к истокам их поступков и сострадая их слабости.

Мышкин подолгу очень пристально вглядывается в каждое лицо. В его взгляде — пронизательное желание угадать и понять сокровенную сущность того, с кем сейчас он делит свою мысль и чувство, — иначе общаться с людьми князь Мышкин не умеет. Однако взгляд Мышкина постепенно теряет свою силу, словно скорбь гасит в нем всякую надежду на то, что «красота спасет мир». Спасти мир Мышкину не дано, напротив, его участие, его вмешательство в чужие жизни не приносит счастья и еще более разрушает их. А вместе с тем трагически прогрессирует и душевная болезнь героя. Актер поначалу слабо, осторожно и нечастыми штрихами прочерчивает эту сторону жизни Мышкина. Однако параллельно тому, как органически не способен князь вписаться в контекст окружающих его реалий, приняв для себя уродливые нравственные нормы общества, Ташков ненавязчиво усиливает нарастание душевного смятения и ужаса, которые все больше овладевают его героем. Пластически это выражено в нарастающей внутренней и внешней расслабленности, движения становятся плохо координированными, словно потерял тот стержень, что помогал Мышкину устоять и не позволял угадать в нем больного. Тихая вялость, заторможенность, растерянные жесты — таким он приходит к финалу, к объяснению с Евгением Радомским, когда, цепляясь за ограду парка, Мышкин буднично теряет почву под ногами. Он мечется из стороны в сторону, отворачивается от собеседника, настойчиво повторяя одну и ту же просьбу о встрече с Аглаей, и, собственно, уже не слышит ответных слов, полностью погружаясь в глубины угасающего рассудка. А потом он окончательно затихает у тела зарезанной Настасьи Филипповны, не удивляясь, не протестуя, — такова трагическая неизбежность его пути. Он казнен самой жизнью.

Ташков сыграл князя Мышкина страстно, смело, резко, выдержав испытание Достоевским, которое требует от художника не только тончайшего профессионализма, но и глубоко им осознанной нравственной, этической позиции.

В спектакле «Идиот», как и в романе, Аглая увлеченно читает пушкинское стихотворение о бедном рыцаре, проецируя его на князя Мышкина. О рыцаре, страстно отстаивающем свою высокую идею, идею-страсть, которая ввергает его в острые конфликты и события, наносит тяжелые душевные раны, разрешаясь в драматическом действии, в «пробе», как выражался Достоевский. Такая идея-страсть не иссякает в героях Андрея Ташкова, оттого так похожи они на героев старых сказок, тех русских Иванушек, что вызывали на поединок саму судьбу, ничем не поступаясь и ни в чем не отступая, оберегая вековечное стремление человека к гармонии, к свету.

Что ж, в настоящей сказке Ташкову еще ни разу не довелось сыграть. Но так ли это важно, если он с присущей ему волей и упорством всякий раз утверждает истинные духовные ценности, которыми и жива душа человека, творя таким образом свою сказку...

Валерий ВИНОКУРОВ

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

У телеэкранов — почти половина человечества. На телеэкранах — лучшие мастера мирового футбола. В разгаре чемпионат мира — звездный час в биографиях футбольных звезд. Но как бы ни был для них важен очередной — для кого-то первый, для кого-то последний — всемирный смотр, чемпионатом мира их спортивная жизнь и тем более просто жизнь не начинается и не кончается. Звездный час, конечно, во многом влияет на судьбы футбольных героев. Но ведь все они люди, разные люди, и судьбы у всех у них разные.

...Джимми Гривс исповедался перед сотнями тысяч читателей. Перед сотнями тысяч своих почитателей, для которых

И "ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ"

— ВСЕ СИЛЫ, ВОЛЮ, МАСТЕРСТВО —
ДЛЯ ПОБЕД,
ТОЛЬКО ТАК ИГРАЮТ
НА ЧЕМПИОНАТАХ МИРА.

был кумиром на протяжении тринадцатилетней футбольной карьеры профессионала.

Конечно, почти все, кто приобрел это издание в яркой обложке, прежде всего реагировали на имя автора — Джимми Гривс, затем на завлекательное название «Эта книга — обо мне» и, естественно, знали, что речь пойдет о футболе, теме поистине неисчерпаемой, как неисчерпаема и непостижима эта игра — футбол.

И, конечно, почти все знали, что автор книги — один из самых ярких форвардов в истории мирового футбола. Даже не заглядывая в статистические справочники, любой болельщик помнил о том, что Гривс сыграл больше пятисот матчей в английской лиге, забил в этих матчах больше трехсот пятидесяти голов, а всего в официальных играх — около пятисот. Справочник подскажет и точную цифру — 491 гол, в том числе 44 в 57 играх сборной Англии.

Нетрудно представить себе, в какое изумление, близкое, вероятно, к шоку, повергло читателей название первой главы книги Гривса. «Я — алкоголик» — так называется эта глава, определяющая, понятно, общий замысел книги-исповеди.

Автору этих строк за двадцать с лишним лет работы футбольным обозревателем довелось встречаться и беседовать со многими знаменитостями мирового футбола, беседовать о тех или иных проблемах игры как частного, так и общего характера, в непринужденной обстановке пресс-центров крупнейших международных соревнований, в отелях и на спортивных базах касаться и каких-то сторон их личной жизни, в частных беседах шла речь и о режиме, иными словами, о выпивке или курении, которые всегда мастерами футбола отвергались, хотя некоторые и признавали, скажем, что им известен вкус пива или шампанского, однако до таких

откровений, на которые решился Гривс, разговоры никогда не доходили. Вот почему мне так понятно чувство читателя, обнаружившего, что первая глава называется «Я — алкоголик». Признаюсь, я тут же отложил книгу, решив прежде вспомнить о том, что нам, советским любителям футбола, известно о Гривсе, где и когда, к примеру, мы могли о нем прочитать, увидеть, встретить.

В конце октября 1963 года на обложке еженедельника «Футбол» была помещена фотография: Лев Яшин берет в броске мяч в ногах у Джими Гривса. Выдающийся вратарь и выдающийся форвард встретились в матче, посвященном столетию английского футбола. Сборная Англии принимала сборную мира, выступавшую под названием «сборная ФИФА». Обозреватель Джефф Эллис назвал свой отчет об этой встрече «Матч века» и дал подзаголовок «Лев Яшин и Джими Гривс — герои встречи на «Уэмбли».

«...Персональная слава этого матча, — писал Эллис, — пала прежде всего на вратаря сборной мира в первом тайме Льва Яшина и англичанина Джими Гривса. Последний нанес больше ударов по воротам, чем сделали все остальные, вместе взятые. Именно Гривс в конце концов принес победу (англичане выиграли — 2:1, забив оба гола во втором тайме, у сборной мира тоже во втором тайме гол забил шотландец Деннис Лоу — В. В.). Сейчас всем ясно, почему Яшина назвали «спрут». Его предвидение просто сверхъестественно. Его ловкость превосходна, его храбрость поразительна. И нет ничего удивительного в словах Гривса, сказанных мне после матча, что, по его мнению, Яшин «был просто великолепен». Кстати, Яшин вернул комплимент, высоко оценив игру Гривса... За четыре минуты до конца зрители поднялись, приветствуя Гривса, добившего мяч. Это был кульминационный пункт состязания, явившегося демонстрацией искусства и великолепия современного футбола».

Этот матч навсегда вошел не только в историю английского и мирового футбола, но благодаря блестящей игре Яшина и в историю советского футбола, потому что встреча на «Уэмбли» во многом способствовала всемирному признанию Яшина, который в том же 1963 году был признан лучшим игроком Европы и награжден «Золотым мячом». Для нас одним из кульминационных моментов матча стал эпизод в начале первого тайма, когда после углового, поданного Терри Пейном, открывшим, к слову, во втором тайме счет, Джими Гривс с близкого расстояния нанес удар из категории «не берущийся» и даже вскинул руки вверх в уверенности, что забил гол. Однако Яшин отбил этот «не берущийся» мяч.

Спустя три года большинство англичан, выступавших против сборной ФИФА, стали чемпионами мира, а сборная СССР, заняв четвертое место, добилась лучшего пока своего результата, причем Яшин вместе с английским вратарем Гордоном Бенжом делили славу лучших голкиперов мира. Гривс тоже участвовал в этом первенстве мира, но практически не запомнился: он получил травму в групповом турнире и в решающих встречах, хотя и выздоровел, участия не принимал, уступив место будущему герою финального матча Джеффу Херсту.

Словом, после встречи со сборной мира мы его ярких выступлений не видели. В 1982 году, перед финалом чемпионата мира в Испании, в пресс-центре мадридского стадиона я беседовал с известным английским писателем и футбольным обозревателем Брайаном Глэвиллом, когда мимо пробежал невысокий, плотный, ртутно-энергичный, с пышными усами человек. На мгновение он остановился возле нас и отпустил шутку, кажется, о бдительности испанских сотрудников безопасности, в целях борьбы с террористами обыскивающих нас входе в пресс-центр журналистов.

— Узнаете его? — спросил Глэвилл.

— Нет, — пришлось признаться.

— Это Джими Гривс. Он здесь как телекомментатор. Его у нас обожают телезрители. За объективность и чувство юмора.

Мог ли я тогда предположить, что доведется читать исповедь Гривса «Я — алкоголик»? А ведь его книга вышла в Англии за несколько лет до испанского чемпионата.

Нынешний президент Международной ассоциации спортивной прессы Франк Тэйлор рассказывает, что после выхода книги Гривс получил множество поздравительных писем от незнакомых людей. «Люди были очень добры ко мне, — говорит Гривс. — Им известно искушение, которое я должен преодолевать каждый день, и они понимают, что произойдет, если мне это однажды не удастся. Замечательно, когда у людей сохранилась о тебе столь добрая память. Они видели когда-то мою игру и до сих пор верят, что я смогу еще оказаться полезным футболу».

Тэйлор же о Гривсе написал так: «Как футболист Джими Гривс был в Англии образцом. В течение всех лет его выступлений я не могу вспомнить ни одного допущенного им нечестного приема. Он был не только суперфутболистом и лучшим бомбардиром, но его мастерство и поведение на поле служили примером для любого молодого игрока. И тем не менее карьера закончилась небезоблачно. Впрочем, как и у многих других, ставших жертвами профессионального футбола, которому до людей нет никакого дела».

На этом закончились краткие воспоминания о том, что можно было прочитать о Гривсе, где можно было увидеть его. И я вновь взялся за его книгу, которую проглотил, не отрываясь, залпом.

Искренность всегда покоряет. Гривс искренен во всем: и в своей правоте, и в своих заблуждениях.

Одно из его заблуждений, видимо, самое устойчивое,

потому что он придерживается этой точки зрения и сейчас, когда уже написал книгу и вернулся к нормальной человеческой жизни, настоятельно зывает к полемике. Суть в том, что для себя он твердо решил: ни одной рюмки, — ибо уже понимает: начав вновь, остановиться не сумеет. Всей своей исповедью он стремится предохранить молодых спортсменов и вообще молодых людей от пьянства, рассказывая о том, к какому моральному падению оно привело его. Повторяю: делает это настойчиво и со всей откровенностью. Однако — и вот его глубочайшее заблуждение, — убеждая не следовать пагубным примерам, он призывает молодых не пить больше одной-двух рюмок, бокала шампанского или кружки пива, да и такие небольшие дозы позволять себе крайне редко.

Увы, это довольно расхожая точка зрения: для того, чтобы снять стресс, избавиться от возбуждения после физических и нервных перегрузок, столь частых в футболе и вообще в жизни нашего бурного века, чуть ли не полезно, мол, выпить рюмку-другую. Ох, уж это стремление расслабиться...

Мой тезка и сверстник, один из самых ярких мастеров в истории нашего футбола, человек редкостного спортивного таланта и одновременно талантливей во всем, за что бы ни взялся, тоже считал в ту пору, когда играл: одна рюмка не повредит. До поры до времени не вредила. Но вот ведь и Гривс приводит старую китайскую поговорку: «Сначала человек тянет чарку, потом чарка тянет чарку, потом чарка тянет человека». Почему-то труднее всего доходит до сознания вторая фраза поговорки: чарка тянет чарку. Так получилось и с моим другом. Рюмка сначала превалила его звездный час, потом отняла у него футбол, потом не позволила найти место в жизни, а потом и жизнь отняла.

Вообще тогда, более двадцати лет назад, во времена нашей футбольной, и не только футбольной, молодости бытовала недобрый устами произнесенная, повторяющаяся с глумливой ухмылкой реплика: «Кто не пьет, тот не играет». И не устал воевать с ней основоположник и первый редактор «Футбола» Мартын Иванович Мержанов, часто говоривший, что беды нашего футбола начинаются с того, что он «по циклолоту (как вариант — по колену) в водке». Мы же по молодости спорили: да, мол, кто-то, конечно, спивается, пропадает, но от безволия, а одна рюмка — разве страшно? Сегодня страшно вспоминать о том, скольких талантливых мастеров мы потеряли. И почему-то именно над талантами висел этот рок. Не потому ли, что «звездная болезнь» караулит тех, кто переживает звездный час? Теперь-то я понимаю, что таланты на виду, и эти потери нагляднее. Теряли ведь и не раскрывшихся, совсем молодых, широкому кругу болельщиков неизвестных...

Воспоминания увели меня в те годы, потому что и Гривс нашего возраста, и прикладываясь к рюмке начал совсем молодым, и потому, наконец, что характер тренировочной работы в то время был иным. Сегодня интенсификация игры и объем тренировок достигли такого уровня, что злосчастная реплика сама собой исчезла из лексикона. Да и медицинский контроль стал намного строже. Выпивая, уже не сыграешь, до звездного часа не доберешься. Но ведь человеком несостоявшимся футболист остается, и как личность любой молодой человек столь же ценен для общества. Рюмка помешала ему стать мастером футбола, но она же помешала стать мастером в любом деле. Потому что чарка тянет чарку, а затем — человека. Никто не может знать, каковы защитные возможности его организма. Защитные от алкоголя. И если вдруг юноша осознает, что не способен остановиться после первой-второй рюмки, то... он ведь уже и не может остановиться.

Вот почему заблуждается Гривс, давая такой совет — останавливаться вовремя. Вот почему надо следовать избранным им теперь для себя правилам — ни единой рюмки.

Как ни удивительна оказалась книга-исповедь Гривса, выяснилось, что она не единственная в своем роде. С такой же исповедью выступил и еще один выдающийся футболист — Джордж Бест.

Футбол сегодня стал настолько интенсивным, изматывающим, настолько требует реализации всех внутренних резервов организма, что тренер сборной Англии Бобби Робсон в ходе подготовки к чемпионату мира в Мексике публично заявил: в сборную не будет включен ни один игрок, который курит.

А с Джорджем Бестом мы встречались и беседовали в Москве в 1971 году, когда он приезжал к нам в составе сборной Северной Ирландии. Тогда и на выпивку менеджеры не обращали особого внимания, о курении и говорить нечего. Впрочем, главный принцип профессионального футбола заключается в том, что за режим и подготовку игрок отвечает сам — и перед клубом, и перед собой. О плюсовых и минусовых сторонах этого принципа речь впереди. Пока же несколько слов о нашей встрече с Бестом и о его карьере.

Беседовали мы тогда троим: мне нужно было взять интервью и у старшего товарища Беста 34-летнего центрфорварда Дерка Дугана, пользовавшегося большим авторитетом у английских профессионалов. На протяжении ряда лет Дуган возглавлял профсоюз английских футболистов, отстаивая их права и интересы перед хозяевами клубов и руководством лиги. Поскольку о Бесте многое уже было известно — его имя не сходило со страниц газет, где описывались не только его голы и спортивные успехи, но и похождение сомнительного свойства, — с ним мы говорили лишь о футболе. Разговор же с Дуганом вышел за рамки чисто футбольных проблем, и, как мне тогда показалось, Бест с интересом прислушивался к высказанному Дуганом соображению о долге профессионала перед зрителем, перед футбо-

лом и перед самим собой. Бест, между прочим, в ходе беседы пошутил, что его собственная популярность часто вызывает отрицательными поступками. Дуган же — герой только положительный.

25-летний Бест успел к тому времени пережить свой звездный час. Еще в 1968 году он был награжден «Золотым мячом» лучшего футболиста Европы, в составе клуба «Манчестер Юнайтед» стал победителем в Кубке европейских чемпионов, сумел открыть магазин мужской одежды и из хрупкого, застенчивого паренька превратиться в ловеласа, гуляку, завсегдатая модных танцевальных салонов. При таком образе жизни мог ли он соблюдать спортивный режим и обходиться без спиртного?

Пережив свой звездный час, он заболел «звездной болезнью». Он побывал и в автокатастрофе, конфликтовал с арбитрами на поле, отбыл дисквалификацию, причем, будучи на длительный срок отлученным от футбола, выступал в это время в кабаре, где заработал больше, чем если бы играл за свой клуб. Весной 1971 года после очередного штрафа за серьезные нарушения и очередной дисквалификации он подумывал было распрощаться с футболом, однако передумал, остался в «Манчестер Юнайтед» и осенью приехал в Москву в составе сборной Северной Ирландии. Как выяснилось, он действительно многое понял, перестал грубить на поле (справедливости ради надо сказать, что он отвечал грубостью на грубость защитников и при этом не разделял высказанной чемпионом мира 1966 года Аланом Боллом сентенции: «Повторяйте за мной: судья всегда прав»), начал серьезно тренироваться, что сразу же позволило его дарованию вновь засверкать яркими красками.

Казалось, Бест все понял и именно потому так внимательно прислушивался к тому, что говорил Дуган. Да, он сумел избавиться от многих своих недостатков. Но не сумел победить... рюмку. В английском лиге он провел еще три сезона, затем окончательно записал на закате карьеры уехал в США на футбольные заработки и продолжал там пить. Его бросила жена, родители не бросил сам. В тоске по сыну его мать тоже пристратилась к спиртному, и в США он узнал о ее смерти. А вот отец Беста не спился, всю жизнь много работал, активно участвовал в рабочем забастовочном движении. Трагическая смерть матери вернула Беста к нормальной жизни: он добровольно отправился на лечение. К нему вернулась жена, у него родился сын, и по примеру Джими Гривса он выступил с книгой-исповедью. Оказывается, все-таки можно победить и рюмку.

В книге Беста есть такой абзац: «Администрация клубов должна хоть немного заниматься воспитанием молодых и предупреждать о том, что их ждет. Молодой футболист думает, что он знает все, тогда как он не знает ничего. Что касается финансовых дел, то большинство футболистов или слабы в арифметике, или чересчур ленивы, чтобы всерьез думать об этом. Им кажется, что их благополучие вечно. Все они становятся легкой добычей махинаторов, поднаторевших в подобных делах. Стоит такому ловкачу подойти к молодому футболисту и сказать ему: «Я займусь твоими делами. Я знаю, как выгодно поместить твои деньги, чтобы в будущем, когда распрощаешься с футболом, ты получал бы приличный доход». Еще немного щедрых посулов, и юноша соглашается и подписывает бумагу, в которой ничего не смыслит. В результате торгаши получают львиную долю, а футболист запутывается в их сетях окончательно. Когда же ты начинаешь разбираться, что к чему, уже поздно. Тебе остается только жить прошлым, вспоминая о блеске и мишуре своей карьеры в дешевых кабаках».

Призыв Беста к тому, чтобы администрация клубов занималась воспитанием молодых, останется, безусловно, гласом вопиющего в пустыне, ибо в «обществе равных возможностей» администрация заводов и фабрик не приходит в голову заниматься воспитанием молодых рабочих и служащих, как и вообще этому обществу в целом — заботиться о личной жизни индивидов, и молодежи в том числе. В этом отношении футбол там живет по законам их общества. Но есть у него и свои законы.

Однажды в Мюнхене в правлении клуба «Бавария» мне довелось посмотреть контракт профессионального футболиста. Конкретно — чемпиона мира 1974 года Пауля Брайтнера, который незадолго до этого уехал играть в Испанию. Контракт представлял из себя объемистую папку, в которой пункт за пунктом регламентируются права и обязанности игрока перед клубом и клуба перед игроком. Регламентируется действительно все, вплоть до мелочей, и в составлении таких документов принимают участие юристы, представляющие обе стороны.

В принципе такой контракт служит для футболиста надежной защитой, особенно тогда, когда игрок заключает его в зрелом возрасте и имеет право выдвигать свои требования. Труднее было, скажем, тому же Бесту, который заключил первый контракт в пятнадцатилетнем возрасте, или Гривсу, который подписал его в семнадцать лет. Объективности ради надо сказать, что отнюдь не кабальные контракты сделали этих выдающихся футболистов алкоголиками — тут уж были причины чисто личного характера. Однако ситуация, когда неоперившиеся и малообразованные юнцы сталкиваются с необходимостью все свои поступки или проступки переводить в денежный эквивалент, не слишком способствует формированию нравственно устойчивой, сознательно ответственной личности.

Одним из непреложных требований профессионального футбола является ответственность игрока за самоподготов-

ку. Казалось бы, требование прогрессивное. На протяжении многих лет, скажем, мы добиваемся, чтобы и наши футболисты прониклись осознанием такой ответственности. Но когда перед молодым талантом стоит задача появиться на тренировке во всеоружии и никого не интересует, как и где он перед этим провел ночь, что ел и пил, организм зачастую работает на износ. Юноша из бедной семьи, наполнив кошелек, порой не в состоянии удержаться от искусов, а пока организм молод, он все выдерживает. Труднее станет потом. Но что станет с юношей потом, тоже никого не волнует. Так вот и получается, что верное в основе своей требование на практике зачастую вступает в противоречие с жизненными реалиями и губит не просто молодого футболиста, а и молодого человека как личность.

В этой связи нельзя не сказать о том, почему множество профессиональных футболистов уезжают играть в зарубежные клубы. Ответ, собственно, короток: деньги. Гюнтер Нетцер как-то сказал мне, что, перейдя в мадридский «Реал», понял, что дома, в ФРГ, играл бесплатно. Играл-то он, конечно, вовсе не бесплатно, уехал, став уже чемпионом Европы, но действительно порядком цифр таков, что в Испании или в Италии платят футболистам во много раз больше, чем в той же Англии или ФРГ.

Однако все люди разные, все по-разному болеют ностальгией. Джимми Гривс попал в Италию двадцатилетним и сумел выдержать вдали от родины лишь год. Для сборной своей страны он не оказался потерянным, отрезанным ломтем. Многие же крупные мастера, уезжая за рубеж даже в зрелом возрасте, затем не в состоянии выступать за национальные сборные. Так произошло, в частности, с Нетцером, между прочим, очень серьезным и образованным человеком. Так произошло и с молодым чемпионом Европы 1980 года Берндом Шустером, нынешним капитаном «Барселоны», которого фактически потеряла сборная ФРГ. А когда талантливого футболиста теряет национальная сборная, это одновременно означает, что его теряет мировой футбол, ибо никакие клубные успехи не могут сравниться с победами на чемпионатах мира и Европы.

Я прекрасно понимаю, что существует немало и противоположных примеров. Так же, как и алкоголиками становились единицы, а не массы мастеров. Но ведь каждый мастер — явление уникальное, и потеря каждого — общая потеря футбола. Книги-исповеди Гривса и Беста в конце концов и рассчитаны на то, чтобы уберечь, предостеречь того, кто нуждается в этом, кто некрепко характером, не обладает жизненным опытом, не способен в одиночку выстоять в суровом и яростном мире профессионального футбола, хотя, вероятно, надо смотреть на вещи шире, не ограничивая футбол миром.

Прежде чем продолжить, если позволительно так выразиться, социальное исследование проблемы футбольного алкоголизма, несколько слов о еще одной грустной судьбе, судьбе человека, который в отличие от Гривса и Беста так и не сумел вернуться к нормальной человеческой жизни.

В четвертьфинальном матче чемпионата мира 1962 года в Чили пересеклись на девяносто минут жизненные дороги Гривса и Гарринчи. 22-летний Гривс ушел с поля, так и не забив гола, 29-летний Гарринча забил два, и бразильцы победили англичан — 3:1. Звездный час Гарринчи длился уже четыре года: в втором чемпионате мира подряд он стал одним из лучших в команде-победительнице, чего тогда, к слову сказать, не удалось Пеле, который получил травму в групповом турнире.

Спустя четыре года, уже в возрасте 33 лет, Гарринча вновь приехал на чемпионат мира, в Англию, и уехал бесславно: Пеле снова был травмирован, Амарилдо, с успехом заменивший его в Чили, выступал в Италии, национальная сборная его потеряла, и бразильцы не вышли из группы в четвертьфинал.

Спустя еще четыре года, в Мексике, они во главе с Пеле стали в третий раз чемпионами мира, но уже без Гарринчи. Этот добрый, простой, необразованный человек, отец девяти детей, не нашел себе места в жизни и пропал без денег и без защиты. Хотел было сказать, без помощи, но это не соответствует действительности. Друзья все время пытались ему помочь, прощая глупые и далеко не безобидные выходки.

Первый и непростительный поступок он совершил, когда ушел от семьи, оставив, правда, детям все деньги, какие имел. Если бы не оставил, то пропил бы. Он женился на известной эстрадной певице и окупился в мир богемы. Там он чувствовал себя уверенно до поры до времени, пока зарабатывал футболом и на ночные попойки прибывал героем, а затем перестал представлять интерес для богемной среды, красноречием не отличался, а доброта... теперь он нуждался в том, чтобы ее проявляли по отношению к нему.

Надо знать, что такое футбол для бразильцев, и тогда нетрудно понять, как многие пытались помочь Гарринче. Его устраивали на работу — то рекламным агентом, то коммивояжером, в его честь проводили благотворительные матчи — при его таланте он сверкал мгновениями на поле и без тренировок, для него собирали пожертвования. Но все оказывалось бесполезным: деньги он либо раздавал, либо пропивал и сорока девяти лет от роду скончался в одиночестве, как сообщила пресса, от алкогольной депрессии.

Пеле на его похороны не приехал и сразу попал под обстрел газет. Пришлось ему дать интервью, словно бы в качестве оправдания, и я приведу это интервью почти полностью, в нем есть многое, имеющее отношение к теме этих заметок.

— Все почему-то считают, что мы были друзьями, — сказал Пеле, — на самом же деле нас ничего не связывало, кроме воспоминаний об одних и тех же матчах сборной. Мы вели совершенно различный образ жизни даже тогда, когда вместе выступали в национальной команде. Когда я был игроком, то всегда рано ложился спать, не прикасался к спиртному и к табаку. Он же поступал иначе, что делало для меня невозможным общение с ним вне футбольного поля. Во время сборов и тренировок он постоянно на всех обижался, потому что ему необходимы были компании для застолья, а ребята его за это вышучивали. Я же проводил все свободное время за книгами, ведь в детстве учиться не пришлось, и я старался компенсировать это самообразованием. Думаю, что одной из самых серьезных его ошибок было то, что, когда к нему пришла слава, он не попытался воспользоваться предоставившимися возможностями повысить свой культурный уровень, без чего невозможно подняться по социальной лестнице. Однако я не считаю, что слава принесла ему вред. Совсем наоборот. Не стань он знаменитым профессиональным футболистом, он никогда не прокормил бы своих детей, не получил бы хорошей работы, футбольная федерация страны не платила бы за его жилье, не оплачивала бы его лечение, в котором он постоянно нуждался. На похороны я не пошел только потому, что вообще никогда не хожу на похороны. Там уже не было Гарринчи, там было только его тело. Что я сделал, узнав о его смерти, — взял четки и помолился за него...

Вот такое интервью. Вот такие разные люди — два самых знаменитых форварда последнего тридцатилетия.

Пеле сумел построить свою жизнь по законам общества, в котором живет, стал преуспевающим бизнесменом. Как все преуспевающие люди (это уже не к вопросу об алкоголе), он не задумывается всерьез и о религиозных проблемах: верит и верит. А Гривс, между прочим, признается в своей книге-исповеди, что, хоть и был воспитан в религиозной семье, в трудный период жизни понял, что религия не спасает и не помогает, спасти и помочь могут только люди (ему ведь, кстати, очень помогли члены общества «Анонимных алкоголиков», которое ставит задачу помочь человеку, не интересующемуся ни его именем, ни положением в обществе).

Но знаменитых футболистов порой окружают люди, способные погубить, те, что считают за честь чокнуться со звездой. В баре пресс-центра стадиона в Росарио во время чемпионата мира в Аргентине я был свидетелем того, как бразильские репортеры во что бы то ни стало хотели выпить с Пеле и Жаирзиньо. Мы, взяв по сэндвичу с оранжадом, примостились в укромном углу, и я достал блокнот: читателям всегда интересны комментарии выдающихся мастеров.

— Вы что, так и не пробовали спиртное? — спросил мимоходом.

— Иногда приходится, — улыбнулся Пеле. — Но только не там, где футбол. А то вдруг увидят молодые игроки и решат, что раз мне можно, то им тоже.

Он написал книгу для детей, для обучения детей технике футбола — «Мастер и его метод». Она публиковалась у нас в еженедельнике «Футбол — хоккей» под названием «Уроки Пеле». Его отношение к спортивному режиму, может быть, не менее, а более важный урок для молодых.

А одного из тех бразильских репортеров спустя четыре года я видел в Барселоне, и он столь же упорно и столь же безуспешно пытался чокнуться с Пеле.

С Гарринчей же мог выпить каждый, кто хотел...

Пожалуй, ни в одной социальной сфере процесс демократизации не протекал так быстро, стремительно, как в спорте. Речь идет, понятно, о капиталистическом обществе, где до сих пор существуют виды спорта, в которых представителям низших слоев чрезвычайно трудно пробиваться к вершинам мастерства из-за дороговизны материальной базы, инвентаря, технических средств. Я имею в виду, скажем, конный спорт, парусный, несколько в меньшей степени — фигурное катание, теннис. Откуда действительно рабочим семьям взять деньги, чтобы их дети с раннего возраста могли совершенствоваться в этих видах спорта?

Когда-то — в конце прошлого, начале нынешнего века — спорт вообще носил элитарный характер, и, вероятно, футбол наряду, может быть, с боксом и борьбой в силу своей дешевизны, демократичности, а также, чего греха таить, опасности получения травм, угрожающих здоровью, широко распахнул двери перед молодежью неимущих классов. Так или иначе, но до сего дня абсолютное большинство звезд профессионального футбола являются выходцами из малообеспеченных семей, детьми заводских рабочих, шахтеров, поденщиков, а то и вовсе безработных.

Немногие из этих мальчишек успевали получить хотя бы начальное образование, воспитывались в основном на улицах и во дворах, где познавали технику футбола намного раньше, чем знакомились с основами технических знаний, что могло позволить им приобрести квалификацию электромонтера или автослесаря. Благодаря спортивным способностям они вырывались, так сказать, из оков среды и уже в юном возрасте становились кормильцами родителей, братьев, сестер.

Я глубоко убежден, что человек, одаренный в какой-либо области, способен добиться многого и в иных областях, пусть не таких вершин, как в том деле, для которого рожден, но все же многого. Общение со звездами мирового футбола убедило меня в том, что эти люди, подчеркиваю, в крайне редких случаях сумевшие получить серьезное образование, отличаются острой умом, независимостью суждений, склонностью к ассоциативному мышлению. Те же из них, кто заставил себя,

преодолев все трудности бытия, жизненного уклада профессионального футболиста, получить высшее образование (благо средства для этого у футбольной звезды всегда найдутся), становятся прекрасными специалистами. Так, например, стал отличным врачом чемпионом мира 1970 года бразилец Тостао, потерявший из-за травмы глаз и рано поэтому завершивший свою футбольную карьеру. К политической деятельности, стремясь отстаивать интересы бедного люда, готовит себя и нынешний капитан сборной Бразилии, доктор и бакалавр Сократес.

Однако, как бы талантливы или способны ни были многие профессиональные футболисты-звезды, высшее образование дается получить лишь единицам из них. Тяжелое, зачастую голодное детство заставляет большинство копить деньги, вкладывать в дело, скупать акции, приобретать недвижимость, словом, заниматься бизнесом. И тут, конечно, как кому повезет в «обществе равных возможностей». Объективности ради надо признать, что многим из них везет, — возможности-то по сравнению с простыми людьми у них все-таки не равные, они звезды, кумиры, на них работает футбольное имя.

Впрочем, где, когда и кого материальное благополучие ограждало от морального падения? Еще в середине прошлого века классик мировой литературы Уильям Теккерей утверждал, что в богатых семьях воры и грабители рождаются ничуть не реже, чем в бедных...

Сделаю на время еще одну паузу в рассуждениях социального характера и вернусь к ошибке — тоже не первой — Джимми Гривса.

Эту ошибку он, бесспорно, допустил невольно, желая, видимо, быть предельно объективным. В чем же она? Да в том, что, выделяя нескольких выдающихся мастеров, которые вообще никогда не прикасались к спиртному, — таких, как Денни Блэнчфлауэр, Алан Маллери или нынешний тренер «Барселоны» Терри Венейблс, — подчеркивая, как отрицательно относились к выпивке и не пили сами тренеры — такие, как Неро Рокко, Билл Никольсон, Альф Рамсей или Рон Гринвуд, — он записывает в пьяницы всех тех, кого хоть раз видел за кружкой пива. И, таким образом, поступает несправедливо по отношению к тем, кто в вопросах режима до сих пор остается примером для молодых футболистов.

Вот, скажем, братья Бобби и Джекки Чарльтоны, чемпионы мира 1966 года. Вероятно, Гривс правдиво описывает случай, когда кто-то из них присутствовал в пьящей компании и выпил кружку-другую пива. Как сейчас выяснить причину, по которой они оказались в такой компании? Однако и Бобби, и Джекки, ставший недавно тренером сборной Ирландии, пользуются в футбольном мире авторитетом не только за свои спортивные заслуги, но, быть может, в не меньшей степени за то, что всегда отличались редкостным трудолюбием и столь же редкостным следованием законам спорта, напрочь отрицающим употребление спиртного и курева.

Мне доводилось встречаться с ними в разных городах, на разных соревнованиях, причем чаще уже тогда, когда они, закончив играть, работали телекомментаторами по контрактам со студиями, постоянно занимаясь иными делами — старший, Джекки, стал тренером, младший, Бобби, сейчас, например, возглавляет туристическую фирму. Обстановка пресс-центров и банкетов, естественно, к выпивке располагает, однако оба брата всячески избегали застолья со спиртным.

Все люди разные, даже если судьбы у них схожи. Как Гривс и Бест, Чарльтоны — выходцы из рабочей, шахтерской, семьи. Еще двадцать лет назад Бобби Чарльтон, став чемпионом мира, говорил: «Отец всегда нам повторял известную поговорку: кто хочет найти жемчуг, должен нырять вглубь. Сам он каждый день «нырял» в глубь шахты, но жемчуга у нас в доме никогда не было. После нашей победы в чемпионате мира в одной газете написали о нашем отце. Дело в том, что, когда мы играли в полуфинале со сборной Португалии, отец даже не смотрел игру по телевизору. Время матча совпало с его рабочим временем. Он не стал отпрашиваться, а спустился в шахту. И вот журналист пишет: «Англия в это время нуждалась в братьях Чарльтонах. Но не меньше она нуждается в таких людях, как их отец...»

Что ж, как говорится, слова бы этого журналиста да богу в уши. Братья же Чарльтоны сумели, повторю, вырваться из оков среды лишь благодаря своему футбольному дарованию и трудолюбию. Но люди-то все разные. И даже трудолюбие на поле не у всех сочетается с умением вести аскетический образ жизни — непереносимое требование для мастеров.

Победу в Кубке европейских чемпионов Джордж Бест праздновал с блондинкой на коленях и шампанским на столе. А Бобби Чарльтон не пошел даже на банкет, где вручались призы, — отдав все силы борьбе, он лег спать минута в минуту, как и всегда, в соответствии с требованиями спортивного режима.

Все люди разные... Сыном шахтера был и выдающийся бомбардир шотландец Хью Галлахер, забивший в матчах английской лиги 386 голов и сыгравший в шотландской и английской лигах 543 матча. Выросший в нищете, в доме-развалюхе, он на протяжении своего долгого, много лет продолжавшегося звездного часа «болел» «звездной болезнью» — алкоголь и беспорядочный, так называемый светский образ жизни поглотили его сбережения и разрушили его как личность.

Фрэнк Тэйлор так рассказывает о трагедии Галлахера: «Когда занавес опустился, у Хью не осталось ни денег, ни друзей. Он исчез, устроившись работать на одной из фабрик. Но и там он, к сожалению, продолжал пить и однажды

вечером в пьяном состоянии ударил сына, которого безмерно любил. Галлахер, бывшая футбольная звезда первой величины, предстал перед судом. Поступок Хью был случайностью, ибо все знали, как сильно он любил сына. Опустошенный, подавленный воспоминаниями о том Галлахере, каким он когда-то был, Хью вышел на железнодорожный мост и бросился под колеса проходившего экспресса. Некоторые считали, что трагедия Галлахера произошла из-за его увлечения спиртным. Ведь он, говорили, был выходцем из бедной семьи, без образования, «думал» только ногами, вел бесшабашный образ жизни, не умел скопить денег на тот черный день, когда неминуемое время заставит его расстаться с футболом. Но были и другие, которые, зная этого человека, придерживались иного мнения. Они знали, что Галлахер постоянно отсылал деньги родителям, стараясь, чтобы они никогда больше не знали нужды. И эти люди задавали резонный вопрос: почему система футбола ничего не делает, чтобы защитить таких игроков?»

А как не задать резонный вопрос о том, почему их система ничего не делает для того, чтобы защитить таких людей, как шахтер Галлахер?

Скопить денег? Но может ли, повторяю, материальное благополучие уберечь от морального падения?

Двух выдающихся мастеров нашего футбольного детства — Томми Лаутона и Стэнли Мэтьюза не убергло. Лаутон так и не нашел себе места во внефутбольной жизни, попал под суд сперва из-за огромных долгов, а затем за подделку чека. Мэтьюз был лишен права тренировать в Англии за финансовые махинации при выплате премальных игрокам, после чего окончательно скомпрометировал себя, заключив выгодный контракт в ЮАР. Никогда не забуду, как на конгрессе ФИФА в Монреале его именем прикрывалась делегация ЮАР, пытаясь восстановить свое членство в этой крупнейшей международной спортивной организации, откуда южноафриканские расисты были с позором изгнаны...

Но если все люди разные, в том числе и в мире профессионального футбола, то к какому же выводу может прийти наше социальное исследование проблемы футбольного алкоголизма?

Однажды мы беседовали на тему о житье-бытье профессионалов с бывшим центрфорвардом, а в ту пору президентом западногерманского клуба «Шальке-04» Гюнтером Зибертом, владельцем мебельной фабрики. Он, естественно, подчеркивал, что все в их жизни зависит только от самого человека. Вспоминал Зиберт, в частности, о чемпионе мира 1954 года Гельмуте Ране, приобретшем несколько пивных баров и в барах этих спившемся. У самого Зиберта тогда все было в полном порядке. Однако неурядицы в клубе, вскоре последовавшие, неурядицы как спортивные, так и финансовые, заставили Зиберта покинуть пост президента. Сразу ухудшились и дела на мебельной фабрике. До катастрофы у него, может быть, и не дошло, до такой катастрофы, как у Рана, но в моральном отношении Зиберт потерял почти все.

Но сейчас я часто вспоминаю о нем, пытаюсь в реальном образе представить себе своего гипотетического оппонента. А что, если представить себе в этой роли недавнего знакомого, английского тренера по воднолыжному спорту Гарри Шипмана, сына известного в прошлом деятеля, одного из руководителей футбольной лиги? В январе нынешнего года мы встретились на спортивном конгрессе во Франкфурте-на-Майне, и я, готовясь к работе над этими заметками, затронул в разговоре столь острую тему. Конечно, в социальные сферы мы тогда не вторгались, но тем не менее Шипман, хорошо информированный о той борьбе с пьянством, какая идет у нас в стране, несколько раз в ходе беседы спрашивал с определенным, как мне показалось, нажимом: «А у вас разве футболисты не пьют?»

Отшутиться было нетрудно. И нетрудно было, подумав и вспомнив о тех, увы, значительных, обидных до боли потерях, какие понес наш футбол на этом, невидимом с трибун фронте, прийти к абсолютно объективному и, безусловно, утешительному выводу: ситуация у нас в этом отношении за последнее, скажем, десятилетие неизмеримо улучшилась. Я уже говорил, что само развитие футбола, интенсификация игры, возросший объем тренировочной работы, строжайший медицинский контроль стали барьером перед нарушителями режима, как принято завуалированно называть пьяниц, выпивох. Это факт, что раньше мы несли гораздо более существенные потери, чем теперь, гасли звезды действительно первой величины. Любой болельщик понимает, о ком идет речь, и я не буду называть фамилии, потому что не хочу называть и многих из тех, чьи имена благодаря выдающимся спортивным достижениям остались в истории нашего и мирового футбола. Но также и потому, чтобы не сыпать любителям футбола соль на раны. В последние же годы, еще раз подчеркну, положение существенно улучшилось. И хочется верить, что недавно наказанные и довольно быстро прощенные Сорокалет и Кириченко, к примеру, сделают для себя такие же выводы, какие сделал Заваров, сумевший преодолеть себя и сразу выдвинувшийся в первую шеренгу наших мастеров.

Так почему же мне все-таки необходим внутренний, мысленный оппонент?

Именно необходим. Необходим потому, что, стремясь к выводам социального характера, нельзя опираться на те либо иные удачные либо неудачные биографии, нельзя даже опираться на цифры, которые, кстати, и привести невозможно, но которые и не дали бы разумного ответа: спортивное бытие по природе своей таково, что пьяницы среди спортсменов всегда останутся в меньшинстве.

А гипотетический оппонент повторяет: разве у вас футболисты не пьют? И готов он пойти дальше, спросив: если пьянство, как вас так и подмывает сказать, имеет у нас социальные корни, то чем же вызвана ваша борьба на государственном уровне с пьянством, ведь у вас не существует для него социальных корней?

Оппонент мой, как видите, не примитивно мыслящий человек, не из тех, для кого русские на голливудских киноэкранах стакан за стаканом пьют и стаканом же закусывают. Заметьте, однако, что он первым заговорил о социальных корнях, первым в нашем диалоге, но, естественно, не первым среди даже западных журналистов и социологов. Президент АИПС Ф.Тэйлор, автор книги «Профессионалы», чьи высказывания я уже приводил, сводит при этом проблему к взаимоотношениям хозяев клубов и футболистов, которые (взаимоотношения) можно, по его мнению, усовершенствовать таким образом, чтобы хозяева несли ответственность за воспитание молодых профессионалов. Это, конечно, идеалистический взгляд на вещи.

Но вернемся к социальным корням. Увы, пьянство как бич человечества далеко не всегда социально в своей основе. Оно может быть следствием безволия, легкомыслия, безнаказанности, отсутствия цели, бездуховности и т. п. Иными словами, причины его могут лежать в сфере, так сказать, личностной; а не общественной. Общество же может либо противостоять этому человеческому пороку всеми имеющимися в распоряжении общества средствами, либо, относясь безразлично к нравственному облику индивида, самоустранившись от забот по созданию для человека возможностей получить образование, развиваться духовно, быть спокойным за собственное будущее и будущее семьи, наконец, осознавать ответственность не только за себя, но и за окружающих.

Все начинается, казалось бы, с мелочей. Джимми Гривс сетует на телевидение. Борясь с алкогольным недугом, он избегает шумных компаний и старается проводить больше времени дома, а значит, и за телевизором. И как же мучительно ему постоянно видеть на экране соблазнительные рекламы «Мартини» или «Джим Бим». А каково голодным мальчишкам видеть на экранах «сладкую жизнь», когда их мир ограничен двором и футбольным мячом? Мяч для них становится единственным средством вырваться в «сладкую жизнь». И как же нелегко «там», в «сладкой жизни», избежать соблазнов, когда за спиной у тебя ни прочитанных книг, ни накопленных знаний! Это не мелочи. Это уже пересечение плоскостей — личностной и общественной.

Исходя из того, что мой вероятный оппонент достаточно информирован, осведомлен о тех грандиозных социальных завоеваниях, которыми мы располагаем, считаем естественными настолько, что порой и не задумываемся о том, какое это благо быть уверенным в завтрашнем дне, получать любую профессию по душе, учиться там, где хочется, заниматься тем видом спорта, каким хочется, и т. д., и т. п., едва ли не до бесконечности, — так вот, имея все это в виду, мне остается лишь напомнить ему о том, что вылихов среди наших футболистов за последние годы стало неизмеримо меньше не только из-за интенсификации игры и усиления медицинского контроля. А может быть, в первую очередь потому, что спортивная общественность, в том числе и руководство клубов и команд, ведет с ними непримиримую борьбу, что огромное внимание уделяется воспитательной работе с молодыми спортсменами, что перед абсолютным большинством футболистов команд мастеров поставлено требование получить высшее образование, что та же спортивная общественность не забывает о мастерах футбола после того, как их спортивный путь подходит к концу, что каждый из них знает: чем лучше и честнее он служит футболу, тем большим уважением пользуется в обществе.

И, конечно, надо напомнить ему о том, что рассматриваем мы проблему воспитания молодежи в границах, намного, до бесконечности превышающих границы футбола и спорта, и поэтому нам важно не просто изгнать, скажем, выпивоху из футбольной команды, а добиться того, чтобы этот молодой человек не стал пьяницей независимо от того, станет ли он футболистом.

Спорт формирует личность. Хотя это и банальная истина, но тем не менее истина. Как и то, что спорт воспитывает человека, прививает и развивает качества, которые необходимы в жизни: смелость и мужество, решительность и непримиримость, умение преодолевать и преодолевать боль, не останавливаться на достигнутом, вести за собой людей, влиять на них. Да можно разве перечислить все, что дает нам спорт!

И так же, как в любом виде человеческой деятельности, пожалуй, даже в спорте больше, чем в ряде иных сфер жизни, здесь в полной мере раскрывается индивидуальность личности, причем, к сожалению, отнюдь не всегда раскрывается так, как это, казалось бы, обусловлено самой его природой. Вот почему нередко бывает, что человек, который на спортивной арене силен и смел, в жизни порой оказывается слабым и неприспособленным противостоять, справляться с ее неурядицами, а вожак, лидер, капитан вдруг обнаруживает паразитическое безволие, попадая под влияние ничтожной, бездуховной среды. К несчастью, такие случаи действительно нередки, что, однако, вовсе не перечеркивает того благотворного влияния, какое спорт оказывает на миллионы людей. И даже не противоречит общеизвестной истине, а лишь подчеркивает, как обычно и бывает с исключениями, ответственность личности перед обществом и перед собой.

То есть и здесь мы сталкиваемся с тем, что заключено не в сути спорта как сферы деятельности человека, лежит не в общественной, значит, сфере, а в личностной.

Точно так же, как и пьянство далеко не всегда, намеренно повторяю, социально в своей основе. Оно не имеет социальных корней в обществе, которое заботу о человеческой личности поднимает на уровень государственной политики, и, напротив, оно глубоко социально там, где любой индивид предоставлен сам себе, где в принцип возводятся равнодушие к его материальной и духовной жизни, а мерилом любого благополучия, в том числе духовного, является банковский счет.

Но поскольку рамки этих заметок все же ограничены футбольной темой, не могу удержаться, чтобы не сказать о том, с каким уважением мы относимся к истинным мастерам мирового футбола, как часто призываем своих футболистов учиться у выдающихся игроков, перенимать все ценное, что видим мы в исполнении лучших клубных и сборных команд разных стран. У нашего футбола при всех его несомненных достижениях еще немало существенных недостатков, о которых мы всегда говорим откровенно, нелицеприятно, понимая, что лишь при таком условии от них можно избавиться, что лишь критический анализ позволит обеспечить совершенствование мастерства игроков и прогресс игры в целом.

Полемика с оппонентом довольно быстро оказывается исчерпанной, и он, уже не гипотетический, а конкретно — Гарри Шипман, рассказывает, каков бесполоесть у руководителем Ассоциации профессиональных футболистов Великобритании вызывает сейчас увлечение молодых игроков алкоголем, азартными играми при полном безразличии к получению образования. Со специальным заявлением по этому поводу выступил недавно секретарь ассоциации Гордон Тэйлор, который подчеркнул, что следствием такого падения нравов становятся грубая, жестокая игра на поле, снижение класса игры, обилие травм, из-за чего больше всего страдают талантливые футболисты. Он привел в пример Стива Коппелла, полузащитника клуба «Манчестер Юнайтед» и сборной страны, которому жестокие соперники нанесли столько повреждений, что ему пришлось в двадцать восемь лет завершить свою карьеру. Тэйлор привел и такой факт: оказывается, в 25 профессиональных английских клубах из 92 вообще не ведется постоянный медицинский контроль, эти клубы не имеют в штате врачей и не обеспечивают физиотерапевтическое лечение футболистов. В результате игроки не только рано заканчивают выступления, но многие остаются чуть ли не инвалидами. (Какая уж тут, замечу в скобках, возможна полемика о социальных корнях?)

Ассоциация профессиональных футболистов не способна справиться с положением, которое день ото дня становится все более угрожающим. Угрожающим здоровью спортсменов и всему британскому футболу. Ассоциация лишь способна бить тревогу без всякой надежды на то, что на помощь ей придет пусть даже не общество в целом, но хотя бы кровно, казалось бы, заинтересованные в развитии футбола толстосумы — хозяева клубов. И кто из английских молодых профессионалов сможет произнести вслед за Гривсом строки поэта Уильяма Шелстона:

*Кому б ни выпал жизни скучный путь,
Куда бы ни вела его дорога,
Мог каждый вспомнить и вздохнуть
О том тепле,
Что путника встречало за порогом.*

Кто из них сможет произнести эти строки без горечи?

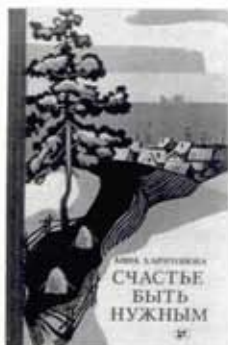
Над этими заметками мне пришлось работать незадолго до начала очередного чемпионата мира, тринадцатого. Большинство футболистов, которые здесь были упомянуты, именно на чемпионатах мира приносили им славу. Но чемпионаты эти коротки. Они намного короче, чем даже короткая футбольная жизнь. Зато слава у футбольных звезд долгая. И очень важно — не только для футболиста, понятно, а вообще для любого человека — всегда оставаться достойным своей славы.

Пока не начались матчи в Мексике, никто не мог сказать, кому из футболистов суждено пережить там свой самый яркий звездный час. Неизвестно было, попадет ли в Мексику капитан сборной Англии Брайан Робсон, очередная жертва жестокого соперничества, полузащитник, не успевающий залечивать травму за травмой. Неизвестно было, возьмут ли в сборную Италии лучшего бомбардира последних лет Роберто Пруццо, который за год до начала чемпионата бросил курить, надеясь тем самым завоевать доверие тренера. Неизвестно было, как проявит себя в сборной Бельгии юный Энцо Шифо, итальянец по происхождению, бельгийский подданный по паспорту, на чьи хрупкие плечи легла забота о многодетной семье бедных итальянских эмигрантов. Неизвестно было, взойдет ли над футбольным миром звезда форварда сборной Дании Михаэля Лаудрупа, который в контракте с итальянским «Ювентусом» оговорил себе право получить высшее образование.

Четыре звезды, четыре взятых наугад судьбы, четыре грани противоречивого мира профессионального футбола.

А когда закончится мексиканский чемпионат, мы наверняка узнаем имена новых звезд. И узнаем, кто из звезд нынешних останется сиять на футбольном небосклоне.

Как долго они не погаснут? Что ждет их в будущем? Этого не знают они сами. Этого не знает никто. Не дано человеку предвидеть свое будущее. Но как ему жить без веры в будущее свое?

Радость от счастья других

У каждой книги, особенно книги открыто публицистической или лирической, есть главное чувство тональности, которое отнюдь не делает книгу однозвучной, а как бы придает ей дополнительную энергию эстетического воздействия на читателя. В новой книге очерков известной журналистки Анны Харитоновой «Счастье быть нужным» (М. «Молодая гвардия», 1985) таким чувством стала радость от общения со счастливыми людьми.

Судя по ее прежним книгам, куда входили очерки, публиковавшиеся в периодике, ей вообще везло на встречи с такими людьми. Но везение это не только результат избирательного подхода к жизни автора, который, кстати, имеет немаловажное значение в творческой деятельности. Скорее «повинен» в этом основной принцип отбора судеб людей, героев, который исповедует А. Харитонova в своей журналистской практике: ей по душе трудолюбивый человек. А такой не может быть несчастным. Даже горести свои он преодолевает с помощью труда. Общественно значимый труд не позволяет ему расслабиться, отъединиться от людей, предаваться меланхолии, отчаянию.

Среди ее героев люди самых разных профессий: и заготовитель райзаготконторы, и лесник, и чабан, и учитель музыки, и врач сельской больницы. Вся их жизнь связана с землей, с труженниками села, что определило саму атмосферу их человеческих отношений, их нравственно-этический мир. Причем А. Харитонova не просто выявляет этот мир в жизнедеятельности человека. Она при первой же возможности стремится зафиксировать его в прямом слове героя, и потому многие из них «выговаривают» свои убеждения. Героиня очерка «Натальины дороги» заготовитель райзаготконторы Наталья Ивановна Соболевская, например, делится сокровенным: «Любят у нас порою слова высокие говорить о чести, о долге. Ну, а что такое долг? По-моему, это любовь к тому, что себе приказываешь. Так вот и я думаю, если чувства любви и долга слились воедино, значит, жизнь удалась».

Каждый из героев очерков — удачник. Не по воле случая, а опять же по труду, по умению соединить любовь к жизни с чувством долга и воплотить это в реальные дела. Именно таким предстает в очерке «И скажут великое спасибо» Михаил Кондратьевич Кравченко. «Я слышала, — читаем о нем, — что

его, как одного из лучших лесников республики, многократного победителя социерования хотели выдвинуть на более высокий, руководящий пост, но он наотрез отказался: «Все в лесу хочу делать своими руками и каждый день должен видеть дело рук своих».

Ощущение счастья, каким живут люди в самых разных уголках нашей страны, в которых и происходили встречи с ними у А. Харитоновой, определило и чувство радости журналистки, то самое чувство, которое позволило ей увидеть в каждом неповторимое, особенное, самобытное, выявить праздничность человеческого труда в его ежедневной будничности. И совершенно прав Вадим Кожевников, посвятивший свой талант художника теме труда рабочего класса, подметивший в предисловии: «Анна Харитонova умеет разглядеть необыкновенность обыкновенных людей, значительное в незаметном, героическое в повседневном и каждую свою находку повернуть, показать теми гранями, которые ярче горят, дальше светят».

Все ли отмечено удачей в новой книге А. Харитоновой? Видимо, нет. Но я и не старался узреть авторские просчеты, поскольку читал рассказы о моих современниках, разделяя авторскую радость от счастья других.

Борис ЛЕОНОВ

ПРОЗА

Яранг — друг человека

Отношение к окружающему миру неподдельно характеризует человека. Не случайно люди истари соизмеряют слово с делом. Хотя и «мысль изреченная» иногда приобретает статус подвига.

Однако невозможно верить самым прекрасным словам человека, способного без всякой надобности сломать дерево или ради забавы бросить в речку котенка. Отношение человека к природе является эстетическим и этическим катализатором его души.

Книга Бориса Рябинина «Рассказы о потерянном друге», адресованная старшим школьникам и вышедшая в Средне-Уральском книжном издательстве в 1984 году, — о собаках. О наших «меньших братьях» писали и раньше — Гомер, Чехов, Джек Лондон, Тургенев, Дж. К. Джером, многие другие писатели. Борис Рябинин не боится художественных сравнений, потому что у него есть заботы поважнее. Как оградить человеческое сердце от жестокости, эгоизма, равнодушия, способных ненависть превратить в преступление, а безразличие — в предательство, — вот вопрос, который ставит автор перед собой и читателями.

А книга о собаках. Об их приключениях и злоключениях. Взять хотя бы повесть о Яранге. Сколько испытующих событий выпало на долю овчарки! Здесь и сражение на поленище, и осада зубодробительного кресла, и побег под бомбами, и взрыв военного склада, и бескомпромис-

сная схватка с предателем Крызным, и проверенная временем дружба с рыжим котом Апельсином... Беспокойная собачья жизнь заставляет задуматься о жизни человеческой.

«Ну, к примеру, опять же, что есть собака? — спрашивает своего друга герой повести. — Ты скажешь: животное, стоящее на зоологической лестнице где-то пониже человека и обезьяны... А я думаю: собака — продукт доброты... живое олицетворение глубокой привязанности!» Алексей Белянин знает, о чем говорит. Война не смогла вытравить из его сердца добро и любовь к природе и человеку. Вот почему получилась такой радостной встреча с Еленой Владимировной и Степаном Николаевичем, бывшими партизанами, родителями Нади, и, конечно, с самой Надеждой. «По многим признакам — по выражению лиц, по непринужденной манере общения друг с другом, по недоумкам, придававшим особую интимность разговору, — можно было безошибочно заключить, что они, эти четверо, не считая собаки, не просто давние добрые знакомые: их связывало нечто большее — общие пережитые тяготы». И если бы не Яранг с золотым зубом, вряд ли эта встреча состоялась. Почему с золотым зубом?.. Обо всем не расскажешь в маленькой заметке. Лучше прочитать книгу, в которой, кроме повести о Яранге, напечатаны рассказы и беседа с другом-читателем под названием «Пришлите мне ценку...».

Валерий ХРАМОВ

ПОЭЗИЯ

Смысл жизни

В сборнике собраны стихи разных лет известного поэта и прозаика Рюрика Иванова («Избранное», стихотворения и поэмы 1907—1981). Книга выпущена издательством «Художественная литература» в 1985 г. Современник А. Блока и В. Брюсова, С. Есенина и А. Луначарского, еще совсем молодой поэт, который под впечатлением творчества И. Анненского, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба писал: «Я убил залетевшего в щели, залетевшего в щели жука, и потом на измятой постели я без жизни, без мысли, без цели больно сдавливал жилы виска». Этот же самый поэт впоследствии напишет: «Мир открылся добрая весть. Всем космонавтам слава и честь».

Две эпохи, умещенные в одну книгу, — огромный поэтический путь. Этот путь не складывался просто. Пространство и время, стоящие за стихотворными строками, поражают своими масштабами, люди и события предстают в летописной последовательности и ярких поэтических образах. Здесь все овеяно благородной страстью, пронизано правдой не только художественной или житейской, но в первую очередь исторической.

Я помню дым,
и небо, и тревогу,
И мост Дворцовый,
и веселый шум
Восставших войск,
взошедших на дорогу
Гражданских войн,
великих дней и дум.

Преодолеть в стихах поэтическое расстояние от угрюмости и разочарований периода царской реакции, от первых опытов имажинистов до динамического стиха поры космических кораблей, не изменяя каждый раз чувство первооткрытия мира, способен не каждый художник. Вероятно, секрет поэтического долголетия Рюрика Иванова кроется в его способности остро откликаться на все исторические повороты, всем сердцем проникать в гущу событий. Не случайно он еще в 1912 году печатается в большевистской газете «Звезда». Не случайно после Февральской революции его встреча в цирке «Модерн», где часто выступают с речами большевики, с Луначарским. Эта встреча перерастает в совместную работу и дружбу на долгие годы.

Общественная жизнь захватывает поэта целиком. Он пишет статьи в составе агитпоезда имени А. В. Луначарского, подвергается опасности быть схваченным денкинской контрразведкой, колесит по югу страны. Становится председателем Всесоюзного союза поэтов. Молодость и социальная прозрачность уживаются в нем без противоречий.

В годы Отечественной войны его лирика оцетинилась суровым, конкретным, жестким призывом к борьбе:

Мы будем мстить
за каждый колос в поле,
за каждый сноп,
украденный у нас,
Мы будем мстить
за горькую неволю,
Что длилась месяц
или даже час.

После войны поэт не складывает поэтического оружия. Он пишет и прозу, работает в драматургическом жанре, много переводит. Борьба за мир становится неотъемлемой частью его творчества. Новые стихи ищут непроторенные пути к сердцам современников. Вечные темы любви, счастья, смысла жизни, обращенные к каждому человеку в отдельности, в его поэзии находят путь ко всем.

Ту правду, что пылает в сердце,
Залить водой никто не может,
Недаром нас учили с детства
Бороться с клеветой и ложью.

Ирина БЫКОВА

КРИТИКА

Колокола истории

«Колокола истории» — так назвала Анна Гвоздева свою монографию о творчестве известного исторического романиста Николая Задорнова («Советский писатель», 1984 г.). Что-то тревожащее, призывающее вслушаться в гул, доносящийся к нам из глубины веков, возникает в душе, когда читаешь эти слова: «колокола истории».

Отставив настоятельную необходимость в художественном

освоении истории, А. Гвоздева в своей книге полемична. Она высоко поднимает роль исторического писателя. «Знание писателя-историка полнее и точнее, — пишет она, — чем знание очевидца... Исторический писатель знает, как быстро забываются частные уроки истории; для него движение и смена времен — это процесс, который невозможен без ломки и перестройки, но который никогда не определяется только имми. Его интересует весь опыт, накопленный человечеством, весь многоярусный свод знаний и представлений о жизни...»

В синопичных заботах быстротечной жизни нельзя забывать об уроках истории, о прошлом, о той почве и корнях, которые питают настоящее. В самый трудный, беспощадный период Великой Отечественной войны мы недаром обращались к памяти о Суворове и Кутузове, Корнилове и Нахимове, Минину и Пожарскому, к их славным деяниям. И если посмотреть с этих позиций на процесс заселения и освоения простыми русскими людьми Сибири и Дальнего Востока, то мы не можем не заметить, что художественная литература еще только начинает разрабатывать эту тему. Узел дальневосточных противоречий, это мы видим из монографии, затягивался туго, и для России колокола того времени звучали тревожно.

Анализируя романы Н. Задорнова «Амур-батюшка», «Далекий край», «Золотая лихорадка», «Первое открытие», «Капитан Невельской», «Война за океан», А. Гвоздева выделяет противоречия империалистических государств, их стремление «закрывать», запереть Россию внутри континента, лишить ее выхода в Тихий океан, помешать ей в строительстве дальневосточного флота, перекрыть торговые пути в Японию и Китай. С большим мастерством автор монографии выделяет главы, в которых Задорнов показывает, как до обидного немногие в России того времени поняли и оценили подвиг капитана Невельского. Опалой и разжалованием в матросы могла обернуться в николаевской России самовольная опись низовья Амура, на которую дерзко решился Невельской. И дружина сюжетного развития в романах Задорнова, достигая высокого психологического напряжения, безотказно «срабатывает» и в монографии.

Анализируя цикл «Японских» романов Н. Задорнова, «Цунами», «Симода» и «Хеда», А. Гвоздева глубоко и всесторонне рассматривает политические и стратегические интересы стран, втянутых в противоречия этого региона. Способность писателя свободно вводить в действие своих романов одну из сложнейших сфер жизни — сферу политики, которую естественно олицетворяют для нас в романах живые люди со всеми их достоинствами, пороками, заблуждениями, — автор монографии справедливо считает одной из сильных сторон художественного метода романиста. Точными политическими ориентирами романов Н. Задорнова ценны и по сей день.

Создать монографию о Задорнове А. Гвоздевой помогло то, что она выросла и многие годы жила и работала в Хабаровске, где с юных лет прониклась чувством любви к суровому краю, к своим мужественным землякам, глубоко изучила историю Дальнего Востока и литературу о нем.

Колокола мирного подвижничества, созидания и героизма на мирной земле рано или поздно всегда бывают услышаны, они передают эстафету из поколения в поколение, делая деяния наших доблестных предков достоянием всего человечества.

Владимир ПАРЫГИН

ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

Миссис Бэнтри привиделся сон: ее душистый горошек занял первое место на выставке цветов! Вручал призы пастор в полном облачении, а пасторша в купальнике помогала ему. Разумеется, случись такое наяву, экстравагантность ее одежды вызвала бы единодушное порицание паствы.

Миссис Бэнтри нежилась в том приятном утреннем забытии, которое вот-вот должна была оборвать служанка с чашкой раннего чая. Сквозь дрему уже различались многочисленные звуки просыпающегося дома. Вот горничная отдернула занавеси окна, служанка метет коридор, и кто-то звякнул щеколдой входной двери.

Новый день начался. И миссис Бэнтри спешила насладиться последними мгновениями цветочной выставки, потому что опасалась в последний момент какого-нибудь подвоха.

В гостиной этажом ниже с шумом растворились деревянные ставни. Этот звук не разбудил ее полностью, она знала, что хождение взад-вперед, дребезжание и треньканье будут тянуться еще полчаса, звуки были слишком привычны, чтобы обращать на них внимание. Кульминацией возни станет лишь

шуршание коленикорового платья да звяканье посуды на подносе, когда Мэри постучит к ней в дверь.

В полусне миссис Бэнтри нахмурилась. В подсознание ворвалось нечто непривычное: звук поспешных шагов. Напрасно слух ловил нежное позвякивание фарфора на подносе: в это утро ей не суждено было его услышать. Однако стук в дверь раздался, и она машинально произнесла, не открывая глаз:

— Войдите же!

Дверь отворилась, но никто не отдернул гардину окна, как обычно. В полутьме спальни прозвучал растерянный, задыхающийся голос Мэри:

— Мадам! Мадам! Там в библиотеке труп!

С коротким всхлипыванием горничная убежала. Миссис Бэнтри села в кровати. Что это? Продолжится причудливый сон? Или Мэри действительно ворвалась к ней с невероятными словами: «Мадам, в библиотеке труп»?

— Немыслимо,— пробормотала миссис Бэнтри.— Конечно, это сон.

Но она уже знала, что это не игра воображения. Мэри, обычно такая уравновешенная, произнесла такие странные слова. Поразмыслив минуту, миссис Бэнтри локтем толкнула спящего рядом мужа.

— Артур! Артур, проснитесь!

Полковник пробормотал нечто нечленораздельное и повернулся на другой бок.

— Артур, вы слышали, что она сказала?

— Разумеется,— отозвался он сонно.— И я полностью согласен с тобою, Долли.

Он намеревался спать дальше. Миссис Бэнтри потрясла его за плечо.

— Да слушай же! Мэри сказала, что в библиотеке лежит труп.

— Что лежит?

— Труп. В библиотеке.

— Кто сказал?

— Мэри.

Полковник Бэнтри решил проблему с маху:

— Вздор, дорогая! Тебе все приснилось.

— Нет. Мне тоже поначалу хотелось ущипнуть себя. Однако Мэри входила сюда в самом деле. И она это сказала.

— Мэри явилась, чтобы сообщить о трупе?

— Именно.

— Но это же полнейшая чепуха!

— Согласно. Только зачем бы ей молоть чепуху?

— Она просто еще не приходила сюда!

— Приходила!

— Уверю, тебе померещилось.

— Вовсе нет.

Теперь полковник очнулся окончательно. Голос его звучал успокаивающе:

— Полно, милая. Во всем виноват полицейский роман, который ты читаешь на ночь. «Тайна сломанной спички», не так ли? Что-нибудь вроде: «Лорд Эдгастен обнаружил труп прекрасной блондинки на ковре своей библиотеки...» В романах трупы всегда оказываются в библиотеках. В нормальной жизни я об этом не слышал.

— А вот теперь, возможно, увидишь воочию. Вставай и пойдешь туда.

— Не подумаю, Долли. Твой кошмар переплелся с действительностью, так случается.

— Да вовсе мне снилось не то. Я была на выставке цветов, а пасторша прогуливалась в пляжном костюме... ну, что-то вроде этого, во всяком случае.

Миссис Бэнтри раздраженно поднялась и отодвинула штору. Комнату залил яркий свет осеннего солнечного утра.

— Ну, клянусь, что это не сон. Хватит, Артур. Вставай и спустись вниз, разузнай все.

— По-твоему, я должен спуститься и спросить, лежит ли в библиотеке труп? Да меня посчитают рехнувшимся!

— Ни о чем не спрашивай. Если труп в самом деле... А вдруг окажется, что Мэри все-таки сошла с ума? Или у нее обнаружатся галлюцинации? Если труп лежит, ты об этом узнаешь. Так что спустись, и все.

Полковник с ворчанием натянул халат. Пройдя коридор, он спустился по лестнице. Внизу столпилась прислуга, женщины плакали.

Дворецкий, сохраняя достоинство, выступил вперед.

— Большое облегчение видеть вас, сэр! Я приказал ничего не трогать до вашего прихода. Следует ли мне теперь звонить в полицию?

— По какому поводу?

Дворецкий укоризненно взглянул на Мэри, которая всхлипывала на плече у кухарки.

— Я был уверен, что Мэри сообщила вам, сэр. Она мне так сказала.

Мэри пролепетала:

— Ах, я сама не помню, что говорила! Я так разволновалась, ноги дрожат до сих пор. Удивляюсь, как я не упала в обморок! Я же первая увидела это там...— Она вновь припала к миссис Билз, которая успокаивала ее.

— Ну, полно, крошка, полно.

— Конечно, Мэри потрясена, сэр,— пояснил дворецкий.— Именно она сделала ужасное открытие. Войдя, как обычно, в библиотеку, чтобы раздвинуть гардины, она прямо-таки наступила на труп!

— Вы хотите сказать, что у меня в библиотеке труп?.. У меня в библиотеке?!

Дворецкий беспомощно кашлянул.

— Может быть, вы взглянете сами, сэр?

2

— Алло, полицейский участок слушает. Кто говорит?— Констебль Пэлк одной рукой застегивал пуговицу у ворота, а другой держал трубку.— А, это замок Госсингтон? Доброе утро, сэр!— Голос полицейского утратил официальность. Он узнал полковника Бэнтри, главного судью округа и ревностного покровителя всех местных видов спорта.— Чем могу быть полезен, сэр? Простите, не расслышал. Вы сказали: труп? Очень хорошо. Неизвестная вам женщина? Отлично. Можете на меня рассчитывать, сэр!

Пэлк повесил трубку, присвистнул и начал звонить своему начальнику. Миссис Пэлк приоткрыла кухонную дверь, откуда доносилось благоухание жареного бекона.

— Что еще стряслось?

— Поразительная штука! Только что в замке Госсингтон, в библиотеке полковника, обнаружен труп молодой особы.

— Убита?

— Кажется, задушена.

— Кто она такая?

— Полковник уверяет, что не имеет понятия.

— А что же она тогда у него делала?

Пэлк вдруг замахал на нее рукой, чтобы призвать к молчанию. Тон его изменился:

— Инспектор Слэк? Докладывает констебль Пэлк. Получил сообщение, что сегодня в четверть восьмого утра обнаружен труп молодой женщины...

3

Телефонный звонок застал мисс Марпл во время одевания. Это несколько встревожило ее: для телефонной болтовни время слишком раннее. Распорядок дня старой дамы не терпел нарушений.

— О боже,— прошептала она, уставившись на телефон.— Кто бы это мог быть?

Деревенские знакомые не беспокоили ее раньше половины десятого. Именно тогда обсуждались планы на день и приглашения на вечер. Один лишь мясник осмеливался позвонить раньше девяти, если хотел

предупредить, что не может выполнить заказ. Правда, племянник мисс Марпл, молодой человек весьма взбалмошный, к тому же писатель, звонил ей в самое неподходящее время, однажды даже без четверти двенадцать ночи... Но эксцентричный Реймонд Вэст вовсе не был ранней пташкой. Нет, никто не решился бы трезвонить до восьми утра. А было без четверти восемь. Даже для телеграммы слишком рано: почта открывалась позже.

«Скорее всего ошибка»,— решила мисс Марпл, но все-таки сняла трубку.

— Это вы, Джейн?

— Вы рано поднялись сегодня, Долли!

Голос миссис Бэнтри показался ей сдавленным.

— У нас произошло нечто ужасное!

— Что именно, дорогая?

— В библиотеке мы обнаружили труп.

С минуту мисс Марпл колебалась: не лишилась ли ее приятельница рассудка?

— Повторите, что вы обнаружили?

— Ах, понимаю, как вы изумлены. Я и сама верила, что такое случается лишь в романах. Артура тоже пришлось долго уговаривать, прежде чем он согласился спуститься в библиотеку.

Мисс Марпл овладела своими чувствами и с невольным вздохом спросила:

— Но чей же труп?

— Блондинки.

— Чей-чей?

— Миловидной блондинки... все опять как в романах! Никто из нас ее не знает. Она лежит мертвая в библиотеке... Положительно необходимо, чтобы вы поскорее приехали!

— Чтобы я приехала?

— Я сейчас посылаю за вами машину, хорошо?

Мисс Марпл неуверенно пробормотала:

— Разумеется, если вы нуждаетесь в моральной поддержке...

— Да бог с ней, с поддержкой! Вы всегда так ловко разгадывали детективные загадки...

— Вы преувеличиваете. Это были только теоретические успехи.

— Нет, нет! Убеждена, вы докопаетесь до убийцы. Эта молодая женщина задушена. В конце концов, если мой дом стал ареной загадочного преступления, я хочу получить удовлетворение хотя бы от раскулачивания клубка! Итак, Джейн, помогите найти виновного и увидите, как вас это захватит!

— Ну что ж, милочка, если я могу оказать вам какую-то услугу...

— И прекрасно! Артур, знаете, со мною не согласен. Он считает, что я иду развлечению в этой плачевной ситуации. Безусловно, произошла драма. Но я в конце концов вовсе не знакома с этой особой... Когда вы все увидите, у вас тоже возникнет ощущение нереальности.

4

Слегка взвинченная, мисс Марпл вышла из машины Бэнтри; шофер любезно распахнул перед нею дверцу. Полковник стоял на ступенях и едва скрыл удивление.

— Мисс Марпл... гм, рад вас видеть.

— Видите ли, миссис Бэнтри позвонила...

— Разумеется. Необходимо, чтобы возле нее кто-то побыл. Иначе нервы ее совсем разгуляются. Она пока крепится, но в любой момент...

В дверях появилась миссис Бэнтри. Довольно резко бросила мужу:

— Ну, а ты что тут делаешь, Артур? Ступай завтракать, твой бекон остывает.

— Мне показалось, инспектор...

— Он явится, и очень скоро. Так что поспеши хорошенько закусить, силы тебе понадобятся.

— Может быть, пойдем вместе?

— Иду, иду.— И миссис Бэнтри подтолкнула полковника к двери, как упрямого осла.

— Отправимся сразу, Джейн!— воскликнула она, уводя мисс Марпл в восточное крыло замка.

У дверей библиотеки стоял констебль.

— Простите, мэм, но входить нельзя. Таков приказ самого инспектора.

— Ну, не глупы ли вы? Разве вам незнакома мисс Марпл?

Констебль Пэлк замялся.

— Просто необходимо, чтобы она увидела труп. Это чрезвычайно важно! Будьте же благоразумны, Пэлк. В конце концов я у себя дома и это моя библиотека!

Пэлк уступил. Он с детства привык тушеваться перед местной знатью. «Авось инспектор не узнает»,— подумал он.

— Но хотя бы ни к чему не прикасайтесь.

— Об этом мы и сами сумели бы догадаться,— высокомерно бросила миссис Бэнтри.— Перестаньте нервничать. А вообще можете нас сопровождать, если хотите.

Констебль с облегчением ухватился за это разрешение. Нарушение правил минимальное, поскольку он от них не отойдет.

Миссис Бэнтри подвела свою приятельницу к старомодному камину и лишь с этой позиции мелодраматически произнесла:

— А теперь смотрите!

Мисс Марпл тотчас оценила ее маневр: именно отсюда нереальность распростертого тела особенно бросалась в глаза.

Библиотека, вернее, гостиная, повторяла характер своих владельцев: просторна, но небрежно обставлена и с приметам безалаберности. У кресел были продавлены сиденья, а на большом столе вперемешку валялись курительные трубки, книги и деловые счета. По стенам висели хорошие фамильные портреты и слащавые акварели викторианской эпохи, перемежаясь к тому же с претенциозными литографиями комических охотничьих сцен. В одном углу красовалась огромная ваза с цветами. Эта обветшалая комната хранила меланхолическую память об ушедших поколениях и о предметах, которые были им когда-то дороги.

На вытертой медвежьей шкуре впритык к камину лежала молодая девушка... вернее, тело молодой девушки с волосами крашеной блондинки, уложенными весьма искусно вокруг лица. На ней было надето вечернее платье из белого атласа со смелым вырезом на спине. Перизбыток косметики и пудры особенно был заметен на опухшем и посиневшем лице: тушь от ресниц растеклась пятнами на щеках, а яркая помада делала рот похожим на раскрытую рану. Кроваво-красный лак ногтей рук и ног, обутых в гарчовые босоножки, дополнял впечатление дурного вкуса и дешевки. Она ну никак не вязалась с аристократической чопорностью гостиной!

Миссис Бэнтри вполголоса сказала гостье:

— Теперь вам понятно мое впечатление, что в этой несчастной есть что-то ненатуральное?

Старая дама кивнула, медленным взглядом обводя неподвижное тело. Лишь после этого ответила тоже полупрошепотом:

— Так юна!

— Да, пожалуй,— отозвалась миссис Бэнтри с видимым удивлением, словно раньше это ей в голову не приходило.

В аллее под колесами автомобиля зашуршал гравий. Пэлк послешно пробормотал:

— Инспектор!

Чтобы не подводить констебля, ибо миссис Бэнтри считала необходимым поддерживать престиж людей хорошего общества перед низшими слоями, обе дамы покинули библиотеку.

— Все в порядке, Пэлк. Не волнуйтесь.

И констебль почувствовал огромное облегчение от этих слов.

5

Торопливо залив последним глотком кофе едва прожеванный кусок жаркого, полковник Бэнтри пошел в вестибюль и обрадованно заметил, что из машины следом за инспектором Слэком выходит главный констебль графства полковник Мэлчетт. Мэлчетт был его приятелем, тогда как к Слэку он не питал ни малейшей симпатии: слишком уж самостоятелен и резок в обращении этот Слэк! Ему безразлично, какое впечатление он производит.

— Доброе утро, Бэнтри,— сказал главный констебль графства.— Не посетуйте, что приехал сам. Дело-то из ряда вон выходящее!

— Вот именно... вполне согласен,— проговорил, запинаясь, Бэнтри.— Прямо-таки неслыханное и невероятное...

— Кто она, вам неизвестно?

— Ни в малейшей степени! Вижу впервые.

— И дворецкий ее не знает?

— Лоример в таком же недоумении, как и я.

— Н-да...— вздохнул инспектор.

— Может быть, позавтракаете, Мэлчетт? В столовой еще накрыто,— предложил полковник.

— Благодарю. Предпочитаю немедля приступить к расследованию. С минуты на минуту появится доктор Хэйдок... Ага, вот и он!

Подкатил второй автомобиль, и из него выгрузился толстяк доктор, совмещавший с частной практикой обязанности судебного эксперта. Его сопровождали два полицейских чина в штатском, один с фотоаппаратом.

— Все в сборе?— спросил главный констебль.— Тогда приступим. По словам Слэка, труп в библиотеке?

Полковник Бэнтри обиженно проворчал:

— Какая-то фантазмагория! Когда меня разбудила жена, я не хотел верить словам горничной о каком-то трупе в библиотеке.

— Вполне сочувствую. Надеюсь, прискорбное событие не слишком потрясло миссис Бэнтри?

— Она держится молодцом! И тотчас призвала мисс Марпл, ну, одну из соседок.

— Мисс Марпл?— Главный констебль поднял брови.— Почему же именно ее? А?

— В затруднениях женщины всегда ищут общества друг друга. Разве не так?

Полковник Мэлчетт хмыкнул.

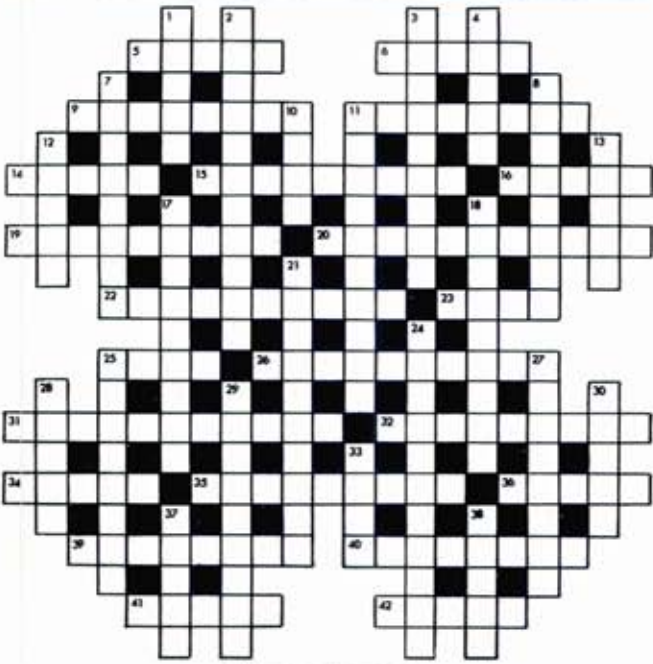

КРОССВОРД

Составил В. ГУДКОВ,
Калуга

По горизонтали:

5. Порода Квадрата, знаменитого коня-рекордиста, которому поставлен памятник. 6. Музыкальный инструмент, предмет увлечения Альберта Швейцера. 9. Одно из растений, вызывающих цветение прудов, озер. 11. До выборов —..., после выборов — депутат. 14. Змея, подобно птицам, насиживающая яйца. 15. Русский ученый и гражданин, сказавший: «Человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума!» 16. Город на Украине с одним из самых интересных в нашей стране парков. 19. Машина, которую начали изобретать задолго до новой эры и изобретают до сих пор. 20. Показ текущих событий в снимках. 22. Аппарат, которым полезнее записывать голоса природы, чем заглушать их. 23. Деталь мужского костюма гэлов — народа в Шотландии. 25. Положение тела. 26. Право судить, решать правовые вопросы. 31. Грузинский поэт-романтик, подлинного портрета которого не сохранилось. 32. Распространенная бабочка, вредительница крушины. 34. Вздор, чепуха. 35. Русский караван на молоке и масле. 36. Мороз, холод. 39. Сосуд для нагревания под повышенным давлением. 40. «Сказание о битве за русскую землю» Ю. Шапорина. «На страже мира» С. Прокофьева (жанр). 41. Народ, представитель которого — Тенсинг — вместе с новозеландцем Хиллари первыми покорили Джомолунгму (Эверест). 42. Одна из четырех наук, без которых, по мнению средневекового врача Парацельса, немислима медицина.

По вертикали:

1. Домашняя работа. 2. Важнейшая международная проблема современности. 3. Советский композитор, автор оперы «Мать». 4. Акаба, Анива (географический объект). 7. Желтый порошок, применяемый как антисептик. 8. Музыкальный инструмент папы Карло из сказки о Буратино. 10. Минимальная единица речи. 11. Курортный город, где Пеночин дрался на дуэли с Грушницким. 12. Остроугольное завершение фасада здания. 13. Один из поделочных камней, из которых сделаны панио на станции «Динамо» московского метро. 17. Горный хребет в Казахстане. 18. Декабрист, жена которого одной из первых отправилась в Сибирь к мужу. 21. Русский публицист-демократ, редактор рукописной газеты «Слухи». 24. Степень развития общества, его культуры. 25. Жесткое волокно из тропических пальм. 27. Хищная птица с размахом крыльев 2,5 метра. 28. Островное государство в Тихом океане. 29. Остров в Вест-Индии, периодически разделяющийся на два — Бас-Тер и Гранд-Тер. 30. Одна из самых многочисленных в наше время ящериц. 33. Пора, когда на южных пляжах яблоку негде упасть. 37. Лососевая рыба, заходящая на нерест в реки Новой Земли. 38. Краситель в составе губной помады, румян, чернил.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 11

По горизонтали:

5. Окунь. 8. Тифон. 11. Хасан. 13. Радиобиология. 14. Пункт. 15. Рондо. 16. Старк. 19. Борха. 21. Ареонаг. 25. «Фауст». 26. «Ермак». 27. Июффе. 28. Монолит. 29. Экран. 30. Ливан. 31. Гидра. 32. Рикошет. 34. Йомен. 36. Цукат. 39. Хорей. 42. Ритон. 43. Дискриминатор. 44. Бляха. 45. Чарка. 46. ...гемма...

По вертикали:

1. Якоби. 2. Анион. 3. Вирус. 4. Лодка. 6. Тагор. 7. ...нажда... 9. Фантазмагория. 10. Нитра. 11. Хорог. 12. Синхронизатор. 17. Креолин. 18. ...домовой. 19. Бакжнец. 20. ...Залка... 22. Ерник. 23. Палаш. 24. Офорт. 32. Рейка. 33. Турач. 34. Йодль. 35. ...Месхи... 37. Китай. 38. ...торки... 40. Жилет. 41. Ширма.

Рисунок С. БОГАЧЕВА,
Москва

Рисунок В. ГОРЮНОВА,
Рязань

Рисунок С. ХАСАБОВА,
Ростов-на-Дону

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

Девятый тур

В. Черный и В. Черная, Ялта. Публикуется впервые.

В. Черный и Л. Черная, Ялта. Публикуется впервые.

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции.

выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 3 балла).

Ответы на задания девятого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 9-й тур. «100». Каждое задание на отдельной открытке.

Рассматриваться будут ответы, отправленные до 15 августа (по почтовому штемпелю).

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

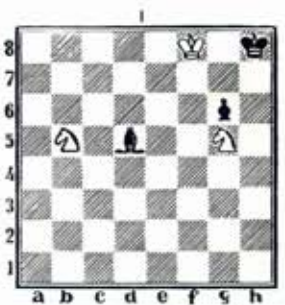
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Коневая вилка

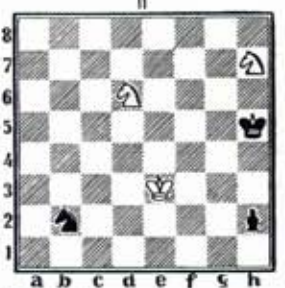
Слабость двух коней заключается в том, что они не могут заматовать одинокого неприятельского короля. Однако такое соотношение сил весьма редко в шахматной практике. Сила же двух коней проявляется в позициях, где они слабая сторона. Главное их оружие — коневая вилка. С помощью этого эффективного тактического приема кони догоняют «недостижимые» проходные пешки противника, добиваются позиционной ничьей против явено превосходящих сил, косвенно защищают друг друга.

Девятый тур

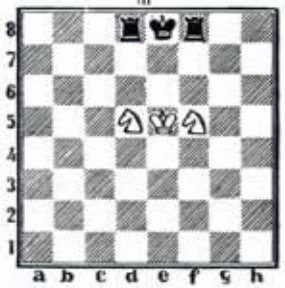
Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 9-й тур». Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 15 августа.

Мат в 4 хода (2 балла)

Ничья (3 балла)

Ничья (3 балла)

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 05.05.86. Подписано к печати 16.05.86. А 01970. Формат 70x108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1393. Заказ № 2934. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В школьные годы она мечтала стать адвокатом. Родители были довольны: Жужика заранее «вырабатывала характер» и росла самостоятельной, целеустремленной, умела в любых ситуациях сохранять спокойствие и рассудительность. Пела, но кого этим удивишь в Венгрии? Говорят же: один венгр — соло, два — дуэт, три — трио и т. д.

В данном случае был дуэт. Школьная подружка Аги все подбивала попробовать силы всерьез, и в 1962 году они отправились на телевидение. Там как раз отбирали участников для очередного конкурса «Кто что умеет?». Их «отбрали». А через несколько недель, исполнив перед телекамерами веселую

песенку «Два сорванца», дуэт Жужа Конц — Агнеш Гергей завоевал... главный приз конкурса.

Это первое открытие — открытие себя как певицы — тогда еще не поколебало ее решения стать адвокатом. Лишь годы спустя, из-за частых гастрольных поездок с молодыми бит-группами «Омега» и «Иллеш», она бросила юридический факультет университета, куда к тому времени успела поступить.

Сегодня рок-ансамбли и певцы этого направления из Венгрии широко известны во многих странах, в том числе и у нас, по пластинкам, концертам. Существует и такое понятие, как «венгерский рок» — стиль, в котором элементы и приемы рок-музыки накладываются на характерную национальную основу, на

народные музыкальные традиции. Но это сегодня. А самую первую венгерскую (не «заморскую»!) рок-песню — «Мчится время» — напела на пластинку в 1966 году Жужа Конц. Она же впоследствии своими концертами, собиравшими слушателей разных возрастов и музыкальных пристрастий, утвердила новый жанр как сценический, открыв ему дорогу с танцплощадок на большую эстраду.

В молодежном еженедельнике «Мадьяр ифьюшаг» есть колонка, где регулярно называют десятку самых популярных певцов и песен в Венгрии. Сегодня на первом месте Жужа Конц с песней «Язык жестов». Песня эта впервые вышла на пластинке в 1973 году. Сейчас 1986-й. Нельзя сказать, что вы-

росло целое поколение, но вкусы у молодых заметно изменились, появились новые популярные исполнители, новые направления в музыке, то же диско. Большинство завсегдаев дискотек не могут, а часто и не хотят знать, что слушали раньше, до них. Но певица включает в новый альбом старую песню, и диско отступает на второй план. Случай не уникальный, подобных песен у Жужа Конц много.

Двадцать лет она на эстраде. Два десятка сольных дисков-гигантов, все без исключения стали «золотыми», некоторые — дважды. «Золото» присуждается за тираж. У Жужа Конц он в общем и целом превысил два миллиона экземпляров. Если сопоставить с численностью населения страны, достижение исключительное. До такого далеко многим западным «звездам». Причем иные «звезды» как только не изощряются, как только не подстраиваются под публику. А Жужа Конц все эти годы верна раз и навсегда избранному образу, стилю поведения на сцене. Впрочем, правомерно ли говорить об «избрании образа»? Скорее она просто осталась такой, какой впервые подошла к микрофону.

Ровные длинные волосы, открытая улыбка, выразительный минимум жестов, спокойная женственность. Вряд ли стоит пытаться описывать голос. Разве что так: он удивительно сочетается с внешностью — искренний, доверительный, хочется слушать, даже если не знаешь венгерского языка. Хотя в последнем случае многое теряется: «пустых» песен, чисто ритмических шлягеров у Жужа Конц нет и не было, и с каждым годом текст в ее песнях становится содержательнее.

Поэт Шандор Вереш написал ей в письме: «Направление, которое Вы представляете в поп-музыке, способно доставлять вневозрастное наслаждение. Вы стали не просто певицей, но и просветителем». Это оценка двух вышедших один за другим дисков, все песни которых написаны на стихи венгерских и зарубежных поэтов-классиков. Пластинки имели огромный успех. За них, в частности, певица была удостоена премии имени Ференца Листа, вручаемой ежегодно 4 апреля, в День освобождения Венгрии от фашизма, за выдающееся исполнительское мастерство. Уточню: до Жужа Конц такой премией награждались лишь исполнители симфонических и оперных произведений.

Стиль, в котором сейчас выступает певица, во многом определен теми двумя пластинками. Жужа Конц «перешагнула» через рок-жанр. Зазвучавшие песни, исполнительская манера, само построение концертов скорее сродни творческим вечерам актеров, чем традиционным рок-шоу. Идет поиск, и он еще не окончен. Но жесткая форма рок-песни уже с явным трудом выдерживает глубину содержания текста, масштабность поднимаемых вопросов, затрагиваемых тем.

Что впереди? Театр одной певицы? Опера-монолог?.. Трудно ответить. Но искать, находить, открывать новое — в этом вся Жужа Конц. До сих пор это ей удавалось.

Павел БОНДАРОВСКИЙ

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА

КЛУБ
«Музыка
с тобой»

ОТКРЫТИЯ ЖУЖИ КОНЦ